

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГРУЗИЯ

Орган Союза писателей Грузии

ИЗДАЕТСЯ С ИЮНЯ 1957 ГОДА

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА И ПОЭЗИЯ

КОЛАУ НАДИРАДЗЕ. Стихи. Переводы Льва Озерова, Валентина Никитина, Яна Гольцмана	3
РЕЗО ЧЕИШВИЛИ. Рассказы. Переводы Гины Челидзе, Георгия Сартания	8
МИХАИЛ КВЛИВИДЗЕ. Стихи. Перевод Лидии Либединской	45
ГУРАМ СХИРТЛАДЗЕ. Рассказы. Перевод Наны Двораковской	52

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

НИКОЛАЙ ГУМИЛЕВ. Стихи.	94
---------------------------------	----

КРИТИКА И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

КОБА ИМЕДАШВИЛИ, ГУРАМ ПАНДЖИКИДЗЕ. Диалог: О «Спирали» и вокруг «Спирали»	105
ДАВИД ЛАШКАРАДЗЕ. Немецкоязычная литература в Грузии	139

ГУРАМ АСАТИАНИ. Ираклий Абашидзе. Литературный портрет . . . . .

152

РЕЦЕНЗИИ

ЛИНА ХИХАДЗЕ. «...Весь — дитя добра и света» 167
ИЛЬЯ КОЛЛИ. Рябина и платан 173

ПУБЛИЦИСТИКА

ТЕЙМУРАЗ ДЖАФАРЛИ. «Самый худший наш внутренний враг...». 177

ИСКУССТВО

ПАОЛА УРУШАДЗЕ. О судьбе поколений, о судьбе планеты 200

ДОКУМЕНТЫ, ПИСЬМА, ВОСПОМИНАНИЯ
АЛЕКСАНДРА ФИНКЕЛЬЗОРД. Чарующий звук его виолончели... 211

НАУКА

ЦЕЦИЛИЯ КАЛАНДАДЗЕ. Из истории экспедиций на Кавказ 216

ХРОНИКА 51, 215

Забытая молитва

Перед сном, коленопреклонен,
Вместе с матерью старался повторять я:
«Господи, пошли мне мирный сон,
Рассвети мне утро благодатью!»

Я забыл молитвы тех времен,
Часто путаю, увы, конец моления,
Говорю: «Пошли мне мирный сон,
Господи, пошли успокоенье!».

1920

Язык природы

Дмитриу Бенашвили

Когда на сумрачных ресницах
Повиснет блеск алмазных бус,
Когда осина серебрится,
Легко почуяв ночь на вкус,
Когда меж небом и землею
Встают столбы из хрусталя,
Когда вершины полумглою
Дремотно смотрят на поля, —
Тогда так внятен и возвышен
Природы царственный язык,
И даже в камне четко слышен
Ее невыразимый крик,
Тогда моим воображеньем
Владеют ветер и огонь,
И жизнь мне бережным движеньем
На бледный лоб кладет ладонь.
Благословенна ветвь с листвою,
Где скрыты птица и роса,
И почка, что за синевою
Выпархивает в небеса.

Блаженны взгляды и объятия,
Влюбленных долгожданный миг,
И несказанный миг зачатья,
И крик дитяти — первый крик.
Блажен, кто из житейской прозы
Выпаривал седую соль,
Кто увидел чужие слезы
И ощутил чужую боль.
Как покоряюще красива,
Как величава и проста
Любовь, что вспомнилась мне живо
И оживила мне уста.
Отныне моему наитью
Природа распахнула дверь,
И каждый новый день — открытье,
Мне не сулящее потерь.
Я чую, как земную небыль,
Гуденье звездного огня,
И безднами своими небо
Глядит тревожно на меня.

1932

Оттого молчу...

Оттого молчу, что согнут тяжестью потерь.
У любви закрытой двери я стою теперь.
Оттого молчу, что сломлен я судьбой слепца,
Не увидевшего света твоего лица.
Я любовь узнал впервые как-то летним днем,
Только спал я беспробудным, спал мертвецким сном...
В сердце свет любви зажегся, неизбывный свет,
Упованье и смятенье юношеских лет.
Спал я беспробудно, это был мертвецкий сон.
Суетного мира тенью был я осенен.
У разрушенного храма я стою опять,
Храма, что поруган мною, — страшно вспоминать.
Оттого молчу, что вижу: все мои цветы
Сорваны, не воплотились в жизнь мои мечты.
Оттого молчу, что радость бросила меня
У разрушенного храма на излете дня.

1965

Призрак

В тот самый час, когда с тобой наедине
Мы остаемся и сбываются желания,
Вдруг появляется на миг, сдается мне,
Какой-то призрак в белом одеянии.
Кто это? Нет ответа. Тишина.
Но слышим: в наших душах боль глубокая.
Неужто в призрак вдруг превращена
Она, невинность давних дней голубокая?
Где и когда? Оторвалась без слез,
Вмиг отошла от сердца бессловесная.
Так поутру от лепестков расцветших роз
Роса мгновенно отошла небесная.
В тот самый час, когда с тобой наедине
Мы остаемся и сбываются желания,
Вдруг появляется на миг, сдается мне,
Какой-то призрак в белом одеянии.
1968.

Перевод Льва ОЗЕРОВА

Городская мистерия

Зеленые звезды внезапно зажглись,
Осыпав брильянтами красные улицы...
И было сверканье, и шумная жизнь
Таинственно канула в странные сумерки.
Витал аромат драгоценных камней
И шелест святых, еле слышимых, крыльев.
Когда рассвело, горизонт пламенел,
И город горел, и пространство открылось...
На солнце смотрели, как смотрят на тень.
Сожженные зданья зияли крикливо.
Над скопищем мертвых обугленных тел
Плыл шелест святых, еле слышимых, крыльев.
1917.

* * *

Отблески луны мерцают в вышине,
Белым цветом вышиты в деревьях.
Плачь в тиши, но в этой тишине
Не жалеи об умерших виденьях.

Так глубоки эти небеса,
Что хранят прощенье изначала,
Будто богородицы слеза
На главу склоненную упала...
Дева-матерь, сердце до краев
Тихой преисполнено мольбою:
Ниспошли и мертвым свой покров —
Эту ночь, что вышита луною...

1918

Перевод Валентина НИКИТИНА

Песня Иэтима Гурджи

Радость канула вдали:
Сад, фиалки, росы...
Дрозд свистел «тюви-тюли».
И безудержно цвели,
раскрывались розы.
Было время — утекло.
В сладостной истоме
вспоминаю до сих пор
необъятный отчий двор,
материнское тепло
в самом теплом доме!
Рубашоночка была
и зимой и летом
так нарядна и бела,
точно мать ее смогла
вышить лунным светом.
На которой из дорог,
путник-одиночка,
Я ее не уберег?
Сгинула сорочка!
Одинешенек теперь.
Без подруги тяжело,
но тяжеле всех потерь —
чудная рубашка!
...Как утрачу колею, —
вновь ищу дорогу.
Так, неузнанный, пою
и порой не узнаю

родину, ей-богу!
Сирий, улицей бреду.
Как найти родное?
Сам тащу свою беду:
то дрожу на холоду,
то горю на зное.
Не сыскать сорочки той,
вышитой родимой.
Верно, светит в вышине,
блещет в звездной выси.
Стих грузинский, золотой,
стал моей единой
ценностью, врученной мне
городом Тбилиси.
Смерть придет, как ни кружи, —
спрячусь в темь и стужу.
Лишь тому, кто подарил
Жизнь и душу сотворил, —
сирий Иэтим Гурджи
и оставит душу.
Утешение одно —
сердце тихо скажет:
«На безвестный буторок
у скрещения дорог
небо города, оно,
нежно, словно полотно
матушкино, ляжет!»
...Было время — утекло.
В сладостной истоме
вспоминаю до сих пор
необъятный отчий двор,
материнское тепло
в самом теплом доме!

1978

Перевод Яна ГОЛЬЦМАНА

Рассказы

Г О П!

СПЕКТАКЛЬ давно уже начался. Переодетый в старого казака Котэ Корели дремал за кулисой, привалившись к теплому радиатору. Он знал, что ему пора выходить, что вот-вот явится инспектор и, бранясь и пинаясь, вытолкает статистов на сцену (не прикоснувшись при этом к Котэ Корели).

Корели не спешил, не волновался и уж, конечно, не нервничал. Какая, в конце концов, разница, выйдет он сейчас на сцену или останется тут до конца спектакля. Он мог вообще не являться, его костюм можно было надеть на любого и ничего от этого не изменилось бы. Только вот в том месте, где Котэ Корели выкрикивал «гоп!», никто другой не издал бы и звука, не всем позволялось это, вернее, не позволялось никому, кроме Котэ Корели, так как между этим «гоп!» и всем тем, что происходило на сцене, не было никакой связи.

Театральный сезон подходил к концу. В нескольких спектаклях Корели был занят в эпизодических ролях, а в одном участвовал просто в массовке. И чтобы как-то выделить его, много лет назад было ему дано право в одной из сцен выкрикнуть это самое «гоп!». Только и всего. Междометие это ничего не меняло в спектакле. Котэ Корели прекрасно это понимал и потому выкрикивал «гоп» то вдохновенно, а то просто так, как бы нехотя, в зависимости от настроения.

Был январь. На дворе лежал снег. По ночам сияла луна, и сильно морозило.

Спина и поясница у Котэ Корели отогрелись, и так его разморило, что было лень шевельнуться. По ту сторону нескольких занавесей были сцена, зал и холод. Ему не хотелось ступать на сцену, в пространство, отделяющее зрителя от кулис. Там, за этим рубежом, был

чистый холодный воздух, старику же хотелось дышать запахом картонных декораций, клея и занавесей. И он знал, что до тех пор, пока легкие его не наполнятся этим воздухом, он не сможет пойти домой, не сможет заснуть, даже умереть не сможет.

Котэ стоит с закрытыми глазами и что-то припоминает, время от времени по лицу его пробегает улыбка. Что ему вспоминается? Что его тревожит? Кто знает! Мало ли воспоминаний и тревог у человека, пока он живой.

В прошлом году у Котэ Корели был бенефис — пятьдесят лет на сцене. По словам близких, вечер удался. И хотя Котэ ожидал большего, он остался доволен бенефисом. А порой даже удивлялся, почему ему вдруг устроили этот вечер. Какое, в конце концов, имеет значение, сколько лет провел человек на сцене.

«Главное, чтоб оценили!».

В тот вечер Котэ исполнил свою любимую роль — князя Котия.

Театр был переполнен. В длинной чохе, в папахе, под аплодисменты зрителей, выскочил Корели на сцену. — Гоп, мой конь, мой зять, гоп!..

Это «гоп» было собственностью Котэ. Актеры не раз пытались копировать его, как они сами говорили, подражать ему, повторить это неповторимое «гоп», но ничего у них не получалось. В устах Котэ оно звучало как-то по-особенному. Существование Корели было невозможно без этого междометия, и эта истина подтвердилась в тот самый вечер. Котэ понимал, что исполняет главную роль в последний раз и потому не жалел сил, израсходовался весь, чувствуя, однако, новый прилив энергии. А после того вечера все пошло по-прежнему, потянулась друг за другом вереница безрадостных дней.

«...Не следовало мне больше приходить в театр после того... Пора уже, пора... Никто мне не скажет это, не возьмет на себя смелость давать мне советы...»

В прошлом сезоне приглашенный из Тбилиси режиссер, распределяя роли, предложил Корели играть старого казака. Это была роль без слов. А старый режиссер, желая подбодрить его, посоветовал:

— Мой дорогой Котэ, когда будут приветствовать командира дивизии, вы первым подайте голос, крик-

ните, как бывало, это ваше «гоп!», остальные подхватят приветствие, все понятно?

— Да, да, конечно, — ответил старый актер и улыбнулся так, словно был сильно польщен и обрадован.

В тот вечер режиссер и Котэ Корели ужинали вместе. За ужином они вспомнили прежние времена. О чем бы они ни говорили, Котэ все помнил, причем лучше режиссера, который был моложе него. И лишь иногда Котэ отключался, пыльный бархатный занавес застилал ему память. В такие минуты он умолкал, задумывался о чем-то. И добавлял со вздохом:

— О, какие люди ушли!

— Помнишь «Внемли, Израиль»? — спросил его режиссер.

— Как же не помнить... Тогда я был молодым и играл старого еврея, а Ладо Месхишвили — молодого... А ведь был намного старше меня, да, намного...

Котэ замолчал. Уставился на стол. Режиссер хотел снова что-то спросить у него, но Котэ неожиданно начал сам:

— Я играл Шмагу, Ладо — Незнамова... Я играл Хлестакова, потом Осипа, надо же!.. Мы с Васо Абашидзе сменяли друг друга... Платона Кречета я играл, но это уже не так давно, играл шута в «Короле Лире»... Помнишь приезд Сумбаташвили-Южина?.. Как будто вчера все это было... А Арадели-Ишхнели помнишь?.. Какие люди ушли, подумать только!

— Батоно Котэ, ваш выход, — позвал его помощник режиссера, высокий, худой Коки Квариани, работавший прежде в торговле калькулятором. В последнее же время он решил пойти по стопам отца, любовь к искусству, как видно, перевесила. Отец его был скромным человеком, Коки же вдруг стал гордиться своим происхождением, говорил, что дед его был кутаисским архиепископом. Возможно, и был.

Котэ Корели очнулся и вместе с остальными казаками вышел на сцену. Встал позади всех. Оперся рукой о поручень лестницы деревянного дома и окинул взглядом зал. Глаза, привыкшие к свету рамп, тотчас увидели все.

Огромный полупустой театр. В партере полно свободных мест. Ярусы заполнены студентами, школьниками и случайными людьми. Большинство из зрителей не-

бриты. Многие в резиновых сапогах, с обмотанными вокруг шеи толстыми шарфами. На самом верхнем ярусе кому-то удалось пробраться в накинутом на плечи пальто, он сидел, положив шапку на перила. Было бы не холодно, если бы люди не принесли с собой холод с улицы. Сидели они съезжившись и с каким-то невообразимым равнодушием смотрели спектакль, молча, не перешептываясь, многим, казалось, было лень даже зевнуть.

«...Может, я не смогу больше прийти сюда, — мелькнула мысль, — Настанет же, в конце концов, последний день моего стояния здесь!»

«Командир» дивизии, резво выбежав на сцену, незаметно оглядел зал и поостыл. Роль эту исполнял молодой актер. Пятьдесят лет назад примерно в его возрасте был Котэ Корели. Он играл тогда Шмагу, Ладо Мехишвили — Незнамова.

«На сцене была лунная ночь... Я играл Шмагу, Ладо — Незнамова... Чарквиани... И еще кто-то, дай бог памяти!..»

Казаки приветствуют командира дивизии. И Котэ пора было выкрикнуть «гоп!», он уже должен был это сделать. Молодой статист подталкивает его рукой. Котэ приходит в себя, но не издает ни звука. Командир дивизии улыбается и, стоя спиной к зрителю, подмигивает старому казаку.

Котэ знобит.

«Видно, мороз на дворе... А может быть, это лихорадка?».

Он щурит глаза. В висках у него шумит. Не упасть бы, думает он, ухватившись за перила. Яркий свет слепит глаза, зал переполнен. Партер и ярусы заполнены зрителями. Котэ видит гимназистов, мужчин во фраках, щурящихся в лорнетки дам, князей в черкесках с кинжалами на поясе. Из глубины сцены выбегает мужчина в длиннополой чохе. Это князь Котия. Котэ чувствует, что стоит на одном месте и все-таки это он выбегает на середину сцены.

...Он понимает и то, что командир дивизии сейчас весело шутит и что занавес вот-вот опустится. В последнем акте старый казак уже не нужен. С последнего акта он должен уйти. Побредет в этот мороз один до своего дома. Придет ли сюда снова? Кто знает.

«...Это зависит от здоровья... И от желания... Настанет же в конце концов последний день моего стояния здесь».

Командир дивизии продолжает шутить. Казаки и зрители нехотя смеются. Мужчина, который сидел на балконе в накинутом пальто, положив шапку на перила, уже ушел.

— Гоп! — неожиданно выкрикнул Котэ.

Командир дивизии и остальные актеры прыснули. Люди что-то учуяли... Зал оживился.

— Гоп! — еще раз выкрикнул Котэ и выступил вперед.

— Гоп, гоп, гоп!..

Безудержный смех раздался на сцене. Рабочие сцены и обслуживающий персонал бросились к кулисам. Оставшийся один в литерной ложе старый режиссер надел очки.

— Гоп, гоп, гоп, гоп! Гоп! Гоп! — слышалось еще какое-то время.

Теперь уже смеялся весь театр. Командир дивизии бросился в задние кулисы.

Опустился занавес, и на минуту воцарилась тишина. Затем неожиданно раздался гром рукоплесканий. Одни неистово аплодировали, другие недоуменно уставились на аплодирующих.

— Корели, Корели! — неслось со второго яруса.

Снова подняли занавес. Оставшиеся на сцене актеры тоже аплодировали. Котэ медленно вышел на авансцену...

Снег лежал на земле. Было морозно. На ясном небе сияли звезды. Котэ Корели в стоптанных галошах шел по тротуару, ноги у него скользили. Руки он согревал в рукавах демисезонного пальто. В нахлобученной на лоб шляпе задумчиво брел он в сторону дома и уже не вспоминал Ладо Месхишвили, Шмагу, Незнамова. Думал о прошлом, о завтрашнем дне, об отце, о влюбленном в сцену бедняке, о покойной жене и о детях. У него их трое, и столько же внуков. Ни дети, ни внуки не посещают театр. И ему запрещают. Сиди, говорят они, дома, какое, время заниматься тебе театром.

«...Ну, не любишь сцену, бог с тобой, но надо же хоть иногда ходить в театр. Выросли-то все трое в театре, а говорят, зачем мне театр. Да меня здесь все ува-

жают!..» — Котэ поскользнулся и сел на лед. В это время из дверей публичной библиотеки, поеживаясь от холода, вышел с виду деревенский парень, вероятно студент. Он подбежал к Котэ Корели и помог ему подняться.

— Дай тебе бог здоровья, сынок! — поблагодарил его Котэ и остановился на углу своего переулочка. Студент довел старика до ворот. Котэ поблагодарил его еще раз.

— В том-то и дело! — согревая ладони дыханием, сказал ему студент.

Котэ не понял, что означало «в том-то и дело».

Заходя во двор, провел рукой по мокрому заду.

— Действительно, в том-то и дело — и тут уж ничего не поделаешь! — засмеялся он и оглянулся, не видит ли его кто-нибудь.

ПРЕМЬЕРА

УРОЖЕНЕЦ Итрии Парнаоз Эдиберидзе жил в городе, прилегающем к железнодорожному узлу. Представить этот город без железной дороги было так же невозможно, как железную дорогу без города.

Парнаоз работал кондуктором в пассажирском поезде. Еще мальчишкой привели его в депо, оттуда он перешел в вагон, и получилось так, что большая часть его жизни прошла на колесах. И пролетели сорок железнодорожных лет, как сорок нежелезнодорожных дней. Парнаоз жил в поезде и поезд жил в нем. Лязгание и грохот вагонов были ему колыбельной, сопровождая его всегда и повсюду.

...Поезд несся по бескрайним просторам России. Мелькали за окнами заснеженные поля, белые хаты и поднимающийся над ними синий прозрачный дым. Эти поля, замерзшие болота, покрытые коркой льда, телеграфные провода и съжившиеся на них от холода вороны, вращаясь, неслись навстречу поезду.

...Вспоминалось, как мчался в ночном удушающем зное набитый людьми поезд через Ципский тоннель. Скрипели тормоза на спуске, грохотали буфера.

...Обессиленный локомотив, пыхтя и пуская клубы

дыма, отдыхал в Харагаули. Парнаоз наполнял бутылку холодной родниковой водой, смачивал ею лоб и подставлял его ветру. После этого поднимался в вагон, закрывал двери и люк и, обойдя спящих пассажиров, заперся в своем купе, выглядывал в окно и думал. Видел свет в окнах стоявших далеко друг от друга домиков, рассыпанных по склонам гор.

...Дома, в семье ли, мотыжа землю в огороде, или даже во сне, слышал он непрерывный грохот поезда, словно железная дорога проходила прямо по крыше его дома. Железнодорожная насыпь и вправду возвышалась у самой калитки. Пыхтя, пронесился паровоз мимо дома Парнаоза, скрипели над калиткой мазутные шпалы, изгибались серебрящиеся при свете луны рельсы.

Сограждане Парнаоза легко различали по звуку паровоз, электровоз, товарный, пассажирский, скорый и нескорый поезда. От стука и лязга поезда просыпались дети и рабочие депо, по скорому обычно сверяли часы и начинали готовить ужин.

И хотя Парнаоз Эдиберидзе был связан с поездом гораздо теснее, чем все эти полужелезнодорожные граждане, сам он считал, что настоящее его призвание — драматургия. Вот вам исток еще одной болезни, которой обычно беспричинно заражаются люди.

Парнаоз был уверен (возможно и не без основания), что каждый человек приходит в этот мир для выполнения какого-то определенного долга и что это несчастье, если человек, рожденный для одного дела, служит другому. Правда, отправляя в театр пьесу, он подписывался под ней — железнодорожник-драматург, но делал он это из скромности и в определенных тактических целях. Надо быть или железнодорожником или драматургом, думал он, не сомневаясь, что одно абсолютно исключает другое.

Первое время он никому не показывал своих творений. Писал их и прятал. И хоть времени у него было мало, огромный сундук терпеливо наполнялся машинописными листами, тетрадями различной величины и цвета. Он полагал в один прекрасный день сказать свое последнее слово и на этом закончить. Выйдя на пенсию, он решил, что время для этого пришло, но вскоре понял, что время не только пришло, но и прошло. И показав

лось ему, что его поезд, незаметно несущийся чуть не по бездорожью к неизвестной станции, вот-вот остановится. Половина пути уже пройдена, удивился он. Оглянулся назад и увидел: того, что оставалось пройти, было много меньше пройденного. Вернее, до того места, где он навсегда, навечно, во веки веков остановится, оставалось совсем немного. Испугавшись, он перебрал весь свой сундук. Разобрал, рассортировал и сложил пожелтевшие, выцветшие листы, обветшалые тетради. В самый короткий срок переписал набело все свое драматическое наследие. Отобранные пьесы дал на машинку и под псевдонимом «Итриэли» разослал по театрам столицы. А позднее и на периферию.

Театры молчали. И Парнаозу становилось трудно дышать. Он не мог уже ни мотыжить, ни обстригать лозу, ни писать. Постепенно то оттуда, то отсюда стали откликаться на разосланные им пьесы. Он получал туманные и непонятные рецензии, в которых не было для него ничего утешительного. Некоторые театры вообще не удостоили его ответа, что, безусловно, свидетельствовало о том, что пьеса не принята, к тому же в репертуаре этих театров он не увидел своего псевдонима или названия своей пьесы.

Поистине тяжелым испытанием оказалось это обстоятельство для человека, которому бессонные ночи на протяжении сорока лет, скитания, оглушительный лязг и скрежет поезда, постоянный грохот в ушах и глухота вследствие всего этого казались ничем по сравнению с драматургией. Трудно было примириться с действительностью, со своей судьбой, но раз уж такова была его судьба, ничего не поделаешь.

Неожиданно, по воле счастливого случая, с драматургией Парнаоза познакомился главный (он же и неглавный) режиссер местного театра и выбрал для постановки, по мнению автора, одну из наименее удачных его пьес. Молодому режиссеру, который в любую погоду носил темные очки против солнца, почему-то понравилась эта пьеса, комедия из железнодорожного прошлого автора, которая, как догадывался Парнаоз, должно быть, слабее остальных его пьес. Хочу, мол, по-своему ее осмыслить, говорил молодой режиссер, потому и взялся за нее, что и автор местный и тема местная, а то поставил бы Шекспира в собственной интерпретации.

На репетиции автора не приглашали, сам Парнаоз не стал обивать пороги театра, и труппа благополучно закончила работу над спектаклем без участия автора. И хотя в этом театре каждый новый спектакль показывали обычно всего лишь раз или в крайнем случае два раза, Парнаозу для начала достаточно было и этого.

И вот, наконец, настал достопамятный день, принесший Парнаозу Эдиберидзе столько непредвиденных и незаслуженных огорчений. Вдоль узких кривых пыльных улочек города, ну и, конечно же, по всему вокзалу были расклеены афиши. Отправляющиеся на отдых или возвращающиеся с отдыха, разомлевшие от жары пассажиры, выглядывая из окон вагонов, равнодушно рассматривали зеленую афишу, на которой даже издали можно было различить написанное красными буквами название «Последняя прогулка». Больше ничего нельзя было разобрать издали, а подойти поближе никому в голову не приходило, хотя пассажиры, как это ни странно, уделяли афише больше внимания, чем можно было ожидать от них в середине такого жаркого лета. С маленького несуетливого города постепенно стало сползать солнце, стало опускаться все ниже и ниже и наконец зажглось уже снизу. С потемневших гор дул ветерок, но развеять жару ему не удавалось. С железных кровель низких домов поднимался жар. В густом воздухе стоял запах мазута и гари.

Парнаоз оделся по-праздничному, надел белые брюки и увешанный медалями белый китель. То в одну, то в другую сторону поворачивала дочка стоящего перед зеркалом седовласого белобородого мужчину с помятым лицом. Теперь все в порядке, не поправляй больше ничего, сказала она ему и тоже стала приводить себя в порядок. Парнаоз, стоя за спиной у дочери, взлохматил волосы и причесался по-своему. Интересно, когда же она сама соберется и выкатится из дому, подумал он с нетерпением. У зятя распоролся пиджак под мышкой, пришлось зашивать, а за это время появилось еще множество непредвиденных мелких помех. Наконец, с грехом пополам выйдя за калитку, они оказались на улице. Пошли пешком. Парнаозу казалось, что все прохожие, знакомые и незнакомые, с интересом разглядывают его и что весь город только и занят сегодняшним представлением. Отец с дочкой шли впереди, рядыш-

ком, сзади плелся зять, не имеющий ни малейшего понятия о том, что такое премьеры, но интуитивно чувствуя, что лучше уж премьеры, чем «непремьеры». Но по чему-то на сердце у него было беспокойно, скорее телом, чем умом ощущал он приближение чего-то неприятного, что неминуемо последовало бы за премьерой.

До театра было уже рукой подать, когда Парнаоз провалился в щель между стеной какого-то дома и троуаром. Это было так неожиданно, что зять и дочь не сразу разобрались, в чем дело. Зятю показалось, что тества поглотила земля.

Щели, наподобие той, в которую провалился Парнаоз, в старину при постройке домов городского типа, оставляли для окон погреба. В погреб, который зачастую использовали и под жилье, через эти щели проникал воздух. Таких щелей было немного, но, как видно, для того, чтобы туда провалиться, было достаточно и одной.

Правый бок и плечо у Парнаоза глухо ныли. Дергался какой-то нерв. Трудно было разобраться, где он и что с ним. Единственное, что было ему понятно, это то, что он куда-то провалился, но как и почему это произошло, он не мог себе уяснить. Зажатый в узкой щели с обеих сторон, с трудом приподнявшись, он посмотрел вверх и увидел звезды. Извлек из кармана старинные часы на серебряной цепочке, проверил целы ли. Часы по-прежнему мирно и преданно тикали, футляр при тусклом сиянии звезд отливал лунным цветом.

— Парнаоз, Парнаоз, ты жив? — осторожно, почти шепотом спрашивал кто-то. Над ямой на фоне звездного неба показались широко распахнутые глаза и крутой лоб зятя.

— Жив я, жив!.. — вздохнул Парнаоз и спрятал часы в карман. Откликнулся он и на зов дочери, успокоил обоих, но голова зятя еще долго нависала над краем ямы. Тьма постепенно рассеивалась, меркли и гасли одна за другой звезды. Парнаоз зажмурился и раскрыл глаза. Звезд на небе уже не было. Сейчас он видел над собой лишь линялое, пыльное небо своего города. Подними, подними руки, доносилось до него сверху. Он стоял, поднимая руки, и казалось ему, что проваливается он все ниже и ниже. А зять все медлил, искал место опоры на краю узкой глубокой щели. Наконец он

наклонился, ухватив тестя огромными ручищами за запястья, и изо всех сил потянул его вверх, навалившись животом ему на голову. Что делать дальше, он не знал, задумался, и тут заметил рядом гражданина в сетчатой безрукавке и зеленой шляпе, который с любопытством заглядывал в яму. Видно, не терпелось узнать, в чем дело. Откуда он взялся, удивился зять, а гражданин, тотчас определив точку опоры, поставил туда ногу, подсобил зятю, привлек к делу и дочь Парнаоза, которая была в полубморочном состоянии, и таким образом помог вытащить старика. Потом он сказал, что живет неподалеку, но никогда не видел и не слышал, чтобы кто-нибудь провалился в эту щель. Что поделаешь, сказал ему зять. Ничего, ответил гражданин, почему-то извинился и ушел.

Сжав от боли челюсти, заглянул Парнаоз в яму и перевел взгляд на небо. Беззвездное небо удивило его. Перепачканного, в пыли, покрытого ссадинами и синяками Парнаоза отвели домой.

За вспаханными полями по ту сторону железнодорожного полотна садилось солнце. Тени лесистых гор падали на пыльный город, на бредущего к дому старика, на дочку его и на ссутулившегося зятя.

На следующий день Парнаоз был на ногах, но в театр его уже никто не повел. В том театре, как я уже говорил, каждый новый спектакль показывали всего лишь раз или два, и если за это время вы не успевали посмотреть его, то все, как говорится, отходило в область предания.

Вскоре Парнаоз умер. Усеянное звездами дневное небо вспоминалось ему до самой смерти, но никому он в этом не признался.

ГРУЗИНСКАЯ НОВЕЛЛА

(ДИАЛОГИ В КРАСНЫХ ТОНАХ)

НОЧЬ. Но еще не поздняя. В распахнутые окна комнаты заглядывают ветки ткемали. Сквозь красноватые листья пробивается лунный свет, тускло освещает комнату и белыми пятнами ложится на стены и пол.

В постели лежит тучный мужчина. Собирается спать. Он укрыт тонким красным одеялом, из-под которого выглядывают толстые плечи и грудь. Он лежит, подложив левую руку под голову, и о чем-то думает. На лице его удовлетворенное выражение.

По комнате слоняется парень лет девятнадцати-двадцати, по-видимому, что-то ищет. На нем синий костюм. Из-под пиджака выглядывает ярко-красная сорочка.

Отец молча смотрит на сына. И парень молчит, только кружит по всей комнате в поисках чего-то. Наконец молчание все-таки нарушается.

Толстяк. Идешь, значит?

Сын. Иду.

Отец. А не поздно?

Сын. Только-только, наверное, рассаживаются...

Сын, засунув руки в карманы, останавливается между кроватями. Он давно бы уже ушел, но медлит, хочет попросить у отца денег и ждет, пока тот сам догадается и даст их без напоминаний.

Отец. Чего же ты ждешь? Иди.

Сын. Иду...

Отец. Смотри, не вздумай там пить!

Сын (ухмыляясь). Для чего же тогда я иду?

Отец. А для того... (задумывается). С людьми познакомишься. Посидишь, как подобает молодому человеку из хорошей семьи. Можешь остаться там до утра, даже лучше, если останешься, а то ночью на улице напорешься еще черт знает на кого... Понял, что я тебе говорю?..

Сын. Да, понял, только зачем я туда иду, не знаю. Никого из моих сверстников там не будет.

Отец. Зато никто тебя пить не заставит.

Сын (с иронией). Ну, конечно, заставят играть в теннис на закрытых кортах...

Толстяк ворочается в постели, спокойно покашливает.

Отец (после недолгого молчания). Если спросят обо мне, скажи, что у меня высокая температура, тридцать девять.

Сын. Скажу лучше тридцать восемь, все равно никто не поверит...

Толстяк в ответ молчит.

Тишина. В окна комнаты дует прохладный ветерок. Красные ветки ткемали легко раскачиваются, и белые пятна на стенах и на полу перемещаются.

Отец (степенно). Там тебе станут напоминать, чей ты сын, чей ты внук, и что, мол, предки твои пили, и ты, мол, не должен ударить лицом в грязь, но смотри, не попадайся на это, пей столько, чтоб не осрамиться перед людьми... Понимаешь, что я говорю?..

Луна зашла за тучу. В комнате становится темно, и отец какое-то время не видит сына, не может понять, слушает ли тот его серьезно или по-прежнему улыбается. Пахнет свежестью распутившихся листьев. Комната снова озаряется светом, видно, луна вынырнула из-за туч. Парень стоит подбоченясь.

Отец (продолжает). Меня будут упрекать, почему, мол, не пришел, но это неважно, лишь бы не прислали за мной человека, как в прошлый раз... Будто, кроме меня, некому стать тамадой. Делать нечего, поить всю ночь Галактиона и Котию... Кому и зачем это нужно, да и кто это вообще оценит?.. Общество, хм!.. (Усмехается).

Свет в комнате убывает. Мужчина громко хохочет. Ровные зубы его сверкают белизной в темноте. Раскачиваются красные ветки ткемали.

Сын (вдруг). Мне нужны деньги!

Отец перестает смеяться и издает какой-то странный свист носом.

Отец. Какие деньги?

Сын. Обыкновенные, на карманные расходы...

Отец. Откуда у меня деньги? Не мог попросить у матери?..

Толстяк что-то бормочет про себя. Сын думает, что это опять наставления, терпение его вот-вот иссякнет. Отец потянулся рукой к перевешенным через спинку стула брюкам.

Отец. Когда будешь пить, присмотришь к бокалу. Он должен быть наполнен так, чтобы оставалось место для губ... И на дне надо оставить чуть-чуть, понимаешь, что я тебе говорю?

Сын (терпеливо). Понимаю, отец...

Отец (продолжает). Вино надо потягивать не спеша, а не проглатывать сразу... Медленно смаковать каждый глоток. С вином шутить нельзя, запомни это! (Ти-

шина). Младше всех там, как я понимаю, будешь ты, а потому произноси тосты стоя на ногах, неважно за кого и за что будут пить. Не бывает незначительных, маленьких или больших тостов. Есть лишь крупные и мелкие сосуды, крупные и мелкие выпивохи. Тосты произноси ясно, чтобы всем было понятно. Когда возьмешь в руки бокал, проследи, чтобы локоть был на уровне плеча!

Мужчина приподнимается в постели. Подносит ко рту руку, в которой держит брюки, и наглядно показывает сыну, как надо держать бокал.

Сын. Все понятно, разум у меня полностью проявился...

Отец. Там у них одна ужасная деревянная чаша, в наследство от Теофиле осталась. Не соглашайся из нее пить разом. Скажи, перелейте, мол, это в бокалы, тогда выпью, а если не получится, то выпей понемногу с расстановкой, и закусывай...

Сын. Знаю, знаю, я ведь тоже не из Оксфорда приехал. Кое-что в этом смыслею.

Отец. Это тебе кажется, что смыслишь... Вам кажется, что вы все уже понимаете... Ничего-то вы еще не смыслите... Ничего ты еще не видел... Только-только вступаешь на самостоятельный путь, вот и боюсь, чтобы не осрамил ты меня...

Мужчина вздыхает, достает деньги из кармана брюк и протягивает их сыну. Сыну кажется, что это маловато, он строит недовольную мину, но молчит и поспешно выходит из комнаты...

— Смотри, налегай на сухую закуску! — несется ему вслед голос отца.

* * *

Парень, как и предполагал, не смог в гостях поселиться, а только пил. Из его ровесников там никого не было. За столом собрались лишь старые знакомые и родственники, те, которые встречаются друг с другом обычно лишь на похоронах. Одни были с женами, другие без жен.

Парень собирался было запеть, но решил подождать, пока захмелеет. Не заметил, когда вино ударило в голову. Тогда он решил вытворить что-нибудь такое, что не поднимет его на смех в глазах родственников и при-

даст ему веса. Он спел, сплясал и под ободрительные крики и возгласы осушил старинную красную деревянную чашу. Участники же застолья, кто искренне, а кто с нескрываемой иронией отметили, что он достойный сын своего отца.

* * *

Светает. Толстый мужчина лежит в своей постели в том же положении, в каком мы его оставили. Словно и не засыпал вовсе. Окна комнаты по-прежнему распахнуты, и красные ветки ткемали еще ниже пригнулись к подоконнику. Огненный диск солнца медленно поднимается и увеличивается, лучи его все дальше и глубже проникают в гущу красной листвы. Комната наполняется теплым пурпурным светом.

Входит парень. Он пьян, но не качается, а как-то неестественно вытянувшись, останавливается перед зеркалом и расстегивает пуговицы красной сорочки. Потом, засунув руки в карманы, начинает раскачиваться на месте.

Толстяк молчит, уставившись на сына. Тишина.

Отец. Явился?

Сын. Явился.

Отец. Ну как?

Сын. Что «ну как»?

Мужчина покашливает, спокойно посапывая носом. Парень по-прежнему раскачивается. Снова тишина.

Отец. Выпил все-таки?

Сын. Выпил.

Отец. Накурился?

Сын. А разве я курю?

Отец не отвечает. Он прекрасно знает, что сын курит, но рад, что тот хотя бы не дымит ему прямо в нос.

Отец (с нескрываемым интересом). Много выпили?

Сын. Очень...

Отец. А все-таки?

Сын (оживляется). Я не пропустил ни одного тоста.

Отец (иронически). Не пропускай ничего.

Сын (восхищенно). Многие не дотянули до конца, вырубилась. Тамада под конец только ко мне переходил алаверды.

Отец (насмешливо, но не без удовольствия). Хороши же были у него дела!

Сын. А то как же!

Отец. Какое было вино?

Сын. Красное, аладастури.

Отец. Ты смотри... (Как бы между прочим). Что там обо мне сказали?

Сын. Почему, говорят, не пришел.

Отец. Больше ничего?

Сын. А что еще должны были сказать или сделать?

Отец. Да... Кто был тамадой?

Сын. Галактион.

Отец. Что??? Кому пришло в голову назначить тамадой Галактиона?

Сын (безотчетно). Никому. Он сам себя назначил!..

Отец (пораженный). Сам?!

Сын (бормочет). Нет, нет, он прошел большинством голосов...

Отец. Загубили стол.

Мужчина нарочно стонет, смеется, зовет жену, слышишь, мол, какие там дела происходили. Жена, которая хлопочет в кухне, все слышит, но не может понять, что смешного в том, что тамадой был Галактион.

Рассвело. В стеклах распахнутых настежь окон отражаются лучи утреннего солнца. На тоненькой ветке ткемали качается красногрудая птичка. Внизу во дворе, у ограды, в цветах гранатов хлопотали птицы. Птичий гомон врывается в комнату.

Отец. Первый стакан за кого выпили?

Сын. За предков.

Отец (обрадовавшись). Каков! (Нагнетая возмущение). Первый тост на крестинах за покойников?.. Прекрасно!.. И это, по-твоему, тамада?!

Толстый мужчина захлебывается от смеха и удовольствия. Глядя на него, развеселился и сын, он тоже хохочет и, согнувшись в пояснице, бьет себя ладонями по коленям. Хозяйка тоже улыбается, продолжая хлопотать на кухне, и что-то бормочет про себя.

Толстый мужчина умолкает, удовлетворенно проводит рукой по животу.

— ...Да. Людям кажется, что руководить столом дело легкое... Прямо с ума можно сойти... Человек двух

слов не может связать и на тебе... Хе, хе, умру от смеха!

Сын (не к месту). Рыба у них была в маринаде, такая, знаешь, с красными жабрами и в красную крапинку...

Отец. Форель.

Сын. Нет, другая. Что я, не знаю, что такое форель?

Отец. А гранатовый сок с приправой был?..

Сын. Да, сколько хочешь.

Отец. Единственное, о чем сожалею... (Задумывается). Да-а... (Неожиданно). А что Алеша? Не затеял драку?..

Сын. Нет. Вначале сидел смирно. И когда пришел, был трезвый, но потом опьянел и чуть было не подрался с Колей. Но его вывели в другую комнату, уложили в постель, а он полежал немного, а потом как выскочит в одном белье и давай плясать... Задел рукой кувшин, опрокинул, всю скатерть залил.

Толстяку это не кажется смешным, напротив, лицо его делается печальным.

Отец (грустно). А вы, наверное, хлопали в ладоши?

Сын. Да...

Отец. Эе-э...

Мужчина вздыхает, закрыв глаза, о чем-то думает, вспоминает, наверное, то время, когда Алеша не плясал полураздетым и никто над ним не смеялся.

Отец. Ну и времена настали, а?!

Сын (про себя). Вот умора была, от смеха чуть не лопнул... (Хихикает).

Отец. Много смеялись, а?

Сын (одолеваемый сном). Очень.

Отец. Ну и дела!..

Мужчина снова вздыхает, у парня слипаются глаза, он начинает клевать носом.

Отец. Ступай сейчас, поспи, не рассвело еще...

Сын (бессмысленно). Пойти лечь?..

Отец. Ложись на живот, чтоб не тошнило...

Мужчина и сам собирается еще поспать, а то если встанет спозаранок, то воскресный день будет тянуться до бесконечности.

Парень, вопреки совету отца, ложится на спину и смотрит в потолок, который начинает медленно вращаться. Золотистые лампочки раскачиваются вверх и вниз.

У парня кружится голова. Вспомнив совет отца, он переворачивается на живот и, уткнувшись лицом в подушку, засыпает.

На лице у толстяка, который тоже готовится спать, играет улыбка, то довольная, то недовольная, как видно, ему вспоминаются подробности застолья, и он рад, что не пошел туда. А может быть, его тревожит то, что у него в саду в коре царского калывиля завелись черви, или же то, что среди пчел появились трутни. Правда, трутни едят и тех насекомых, которые откладывают яйца в коре яблочных деревьев, но как быть, если они и пчел едят?

В конце двора в продирающихся сквозь серые камни колючих цветах и в ветках граната жужжат пчелы. А трутней еще нигде не видно.

Распустившиеся цветы гранатовой изгороди окрасили красным все вокруг.

У подножья холма дугой изогнулась река. Вдоль ее берега расположился маленький городок. Воздух чист и спокоен, как море при восходящем солнце.

Из окна открывается прекрасный вид.

Мужчина храпит. Парень спит. Женщина возится в кухне с кастрюлями.

Человеческий голос пока еще не нарушает тишины. Медленно всплывает огненный шар, поднимается все выше и выше.

ЛУННОЙ НОЧЬЮ

ГОРОД знаменит своими историческими памятниками и ресторанами, и одинокий гость, будь то званный или незванный, побывавший здесь не раз или впервые, начинает с осмотра исторических памятников, а знакомый (не говоря уже о родственнике или приятеле), которого он здесь неминуемо встретит, заставляет его в конце концов очутиться в ресторане. Случается и наоборот. Из ресторана можно отправиться к развалинам крепости, а оттуда снова в ресторан и так далее. Бывает и так и этак.

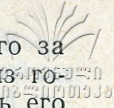
Словом, город знаменит историческими памятника-

ми и ресторанами (как и положено). И что самое главное, не было еще такого, чтобы житель этого города осрамился перед гостем. Тем более, что памятники восстанавливаются, а рестораны благоустраиваются. И кто знает, может, когда-нибудь значные места тоже превратятся в исторические памятники, все может случиться.

Замечательный вид открывается с веранды ресторана на город. Веранда эта как бы нависает над рекой за Железным мостом, откуда видна покрытая зеленью гора. Дымящиеся трубы завода несколько портят ландшафт, но к ним уже привыкли, они превратились в неотъемлемую часть городского пейзажа.

Стоят теплые летние вечера, и кутилы переместились на открытые веранды. За накрытым столом расположилась компания молодых людей. Один из них в свитере, остальные в костюмах. На незанятом стуле — чей-то выцветший дождевик. Всякому ясно, что молодые люди чувствуют себя здесь как дома. Это близкие друзья, и, если не исключительный случай, они, как правило, — и стакана вина не выпьют друг без друга. А за таким наскоро накрытым столом им приходилось сидеть довольно часто и поднимать бесконечные тосты, давно уже набившие оскомину. Тамада, не желая отступать от правил, и в этот раз произносил здравицу за каждого в отдельности, по порядку — справа налево. Нимало не смущаясь, слово в слово, провозглашал он выпитые накануне тосты. Несмотря на молодость, участники пирушки со всей серьезностью отнеслись к церемониалу, пили с таким видом, будто выполняли какой-то священный ритуал. Между тостами они пели, шутили, смеялись, спорили, рассуждали о дружбе и о взаимной преданности.

За столом их было шестеро. Один из них, Гайоз, занимал в компании, в сравнении с остальными, менее почетное место, и не будь у него в кармане денег, вряд ли попал бы вообще за этот стол. Гайоз не понимал этого и держался так, словно был полноправным членом застолья. Парни же не скрывали своей неприязни к Гайозу, придирались к нему, выдвигали против него какие-то обвинения, явно необоснованные, словом, придирам не было конца. Как-то у Гайоза в кармане было шестьдесят рублей, и собутыльники, оказывается, не смогли заставить его потратить ни копейки. Он твердил,

что эти деньги — на туфли. Скажи он, что у него за душой ни гроша и что даже если его повесят вниз головой, не вытряхнут и пятака, стал бы кто-нибудь его обыскивать! Кто тянул его за язык, к чему было объявлять, что в кармане у него деньги? Заладил одно и то же, что на туфли, мол, эти деньги и все. И ни копейки не смогли из него выудить. Что значат туфли, когда случилось, что кое-кто из них прокучивал даже собранные на похороны деньги. Да и кто в наше время останется без обуви?!

Гайоз, как видно, был человеком искренним и, кроме того что не тратил денег, отложенных на туфли, не умел скрывать и других своих недостатков. Говорил все, что было у него на уме. Ему казалось, что он все знает, а потому громко спорил и рассуждал обо всем на свете.

В тот день за столом разговор зашел о любви. На эту тему было высказано немало различных заслуживающих внимания мнений, и когда все уже собирались перейти к следующему вопросу, он вдруг неожиданно для всех выкрикнул:

— А вот я, братец, люблю твою сестру!

Наступило неловкое молчание. Тот, к кому были обращены эти слова, покраснел до ушей. Остальные решили замять разговор, обратить слова Гайоза в шутку, но тот не унимался.

— Как быть, люблю ее и все тут. Разве было бы лучше молчать?.. Вот я и говорю сейчас при всех!..

«Идиот!» — подумали парни, и всем сделалось неловко за Гайоза.

Покрасневший до ушей парень был братом красивой девушки, и потому не раз попадал в щекотливое положение. Но такого он все-таки не ожидал и сидел, словно язык проглотил.

— Ты не обиделся на меня за то, что я сказал, что люблю ее? — не унимался Гайоз.

— Хватит тебе языком молоть, сиди помалкивай! — прикрикнул на него тамада и, чтобы разрядить обстановку, перешел к следующему тосту — за братьев и сестер. Пусть, говорит, здравствуют наши сестры, наши братья, твоя сестра, моя сестра, мой брат.

После этого затянули песню. Но не спелись. И прежнего веселья уже не получилось. Порядком захмелев, они расплатились и вышли на улицу.

Было уже довольно поздно. На небе, усеянном звездами, светила полная луна.

Гайоз и один из приятелей жили на окраине города. Захмелевшие парни, шумно разговаривая по дороге, почему-то очутились в том же районе. Остановившись на углу одной из улиц, они продолжили оживленную беседу. О случившейся за столом неловкости все уже позабыли: разговор шел о чем-то совсем другом.

— Ты не обиделся на меня за то, что я сказал, люблю, мол, твою сестру? — снова обратился Гайоз к худому парню.

— Отстанешь ты от меня или нет! — выкрикнул парень и что есть силы пнул Гайоза. Тот покачнулся, споткнулся о камень и растянулся посреди улицы. Кое-кто даже не понял сразу, что произошло. Сосед Гайоза попытался помочь ему подняться, но Гайоз сам вскочил на ноги, рванулся к худому парню и крикнул злым надтреснутым голосом:

— Ты почему ударил меня?

— А чего пристаешь?

— Почему ты меня ударил? — еще раз рванулся Гайоз вперед, но на товарища своего, а тем более, как это казалось остальным, на шурина, руки не поднял. Худого приятеля, (разумеется, не только из-за худобы) уважали больше, чем Гайоза, и поэтому они разделились на два неравных лагеря. Сосед Гайоза попытался встать между ними, но тамада опередил его и наотмашь ударил Гайоза пониже скулы. Гайоз, у которого от бессильной злобы подкосились колени, снова рухнул на землю, но немного погодя подскочил как бешеный. Не имея понятия, кто залепил ему пощечину, он кинулся к чубастому парню и хотел укусить его. Чубастый, понимая, что Гайоз не собирается с ним целоваться, сам лягнул нападающего во избежание всяких неожиданностей. Гайоз ответил площадной бранью. За это на него, не сговариваясь, набросились все вместе и нещадно поколотили.

Гайоз еле унес ноги. Остановился, провел рукой по губам и стал отплевываться. Потом стал выкрикивать ругательства. Ребята пообещали всыпать еще, если он сейчас же не замолчит и не отправится домой. Угроза, как видно, подействовала, так как после этого Гайоз прикусил язык и куда-то исчез, словно испарился.

Парни подняли гвалт, стали всю ругать беглеца. Брат красивой девушки, худой парень, и близкий сосед Гайоза вроде бы уже отрезвели, заторопились домой и уже не принимали участия в общей перебранке. Понимали, что ничего геройского они не совершили. Наконец, собравшись вместе под фонарем и решив, что вся эта история не заслуживает внимания, они затаили песью. Сверху на них один за другим посыпались камни. Кто-то, видно, подбирал камни одинаковой величины. Вслед за этим послышалась отборная брань Гайоза. Поющие сначала растерялись, потом кинулись враспынную.

Тамада все же раньше других сообразил, что делать.

— Куда ты от меня денешься сейчас? — крикнул он и ринулся туда, откуда летели камни. Остальные последовали за ним.

Гайоз кинулся наутек, свернул в переулок, по обе стороны которого росли кусты граната, и пустился вниз по мостовой. Преследователи не видели впереди себя Гайоза, несмотря на то, что с поразительной точностью следовали за ним. Ни один из них не был уверен, что бежит по верному следу, и несмотря на это, никто не думал останавливаться. Один лишь сосед Гайоза мешкал. Если бы ему не было по пути, он бы и вовсе вернулся назад.

Тамада вскоре устал и остановился. Остановились и остальные. Гайоз обернулся к преследователям, прислонился спиной к каменной ограде. Только теперь и заметили его и почему-то удивились. Запыхавшиеся, тяжело дыша, уставились они на Гайоза. И Гайоз смотрел на парней. Вдруг он пошел вперед, повернул влево, приблизился к деревянной ограде и что есть силы ударился об нее головой. Немного погодя он повернулся, поднял воротник дождевика и, ссутулившись, пошел своей дорогой.

Все молча смотрели ему вслед.

— Чокнутый какой-то! — произнес наконец один из них. После этих слов все повернули обратно, дошли до конца переулка и разошлись кто куда.

Шли они по безлюдным мощеным улицам, спешили к теплу и мягкой постели. Смутно припоминалось недавнее происшествие. В самом деле поколотили они Гайоза или это им только почудилось? Тамада, кото-

рый пил лучше остальных, шагал легко, им овладело какое-то непонятное чувство восторга, и шел он, словно летел на крыльях. Хорошо еще, что не я сказал, люблю, мол, твою сестру... Не заслужил разве взбучки Гайоз? Еще как заслужил!..

Примерно то же самое думали и остальные. Хотели как-то оправдать и объяснить свой поступок, свой постыдный поступок, только у одного из них была тяжесть на сердце, у другого в голове, а всех клонило ко сну, и для размышлений не оставалось времени.

Гайоз же в то время, когда все думали, что идет он впереди них, пройдя сто шагов, остановился. Сел на плоский камень под деревом, вытер слезы, высморкался, уткнулся головой в колени и задремал. Вскоре он продрог. Проснувшись, он с трудом разобрался, где он находится и подумал, что проспал здесь всю ночь. Его знобило, глаза слипались. Силился что-то припомнить и не мог. Наконец он вроде бы вспомнил все, но не мог отличить сна от яви и, тяжело переставляя ноги, поплелся дальше.

Узкий переулочек, напоминающий проселочную дорогу, был весь засажен гранатовыми деревьями. Поднимающиеся вдоль ограды гибкие ветви граната раскачивались от малейшего дуновения ветерка. Луна светила всю, тени деревьев сетью покрывали сухую землю.

Гайоз спрятал в воротник дождевика худое бледное лицо и, понурив голову, пошел дальше.

Дул легкий ветер, играя ветвями деревьев, раскачивался расстеленный по земле гамак. У Гайоза, который не отрываясь смотрел на качающиеся тени деревьев, закружилась голова. Он посмотрел наверх и увидел полную луну. Понял, что во всем виновата эта старая луна. Больше не буду смотреть вниз, подумал он, на эту огромную качалку-гамак, пока не миную луну. Но терпения у него не хватило, и чуть погода он оглянулся и увидел, как огромная, словно втиснутая в гранатовые ветки, луна следует за ним. Он рассердился и прибавил шагу, луна не отставала. Гайоз побежал, потом опять оглянулся и понял, что луна не следовала за ним, а преследовала его.

Так и бежали они вдвоем до самого дома, человек и луна.

Перевод Гины ЧЕЛИДЗЕ

ИСТОРИЯ БОЛЕЗНИ БИЧИКО

ՀԱՅԿԵՍՏԱՆԻ
ՆԱԽԱՐԱՐԱԿԱՆ

СЧИТАЮ себя обязанным написать эту историю. Хотя сомневаюсь, справлюсь ли я, человек не сведущий в медицине и социологии, с этой задачей? Сам я почти не знал Бичико. Помню лишь последние, безрадостные годы его жизни и его смерть.

Лето. Прекрасная лунная ночь. Так тихо, что слышно, как с дерева, кружась, падает листик. Кошка осторожно крадется по крыше, словно боится поломать черепицу.

В дверь Бичико Эретэли стучат.

— Кто там? — отвечают изнутри.

— Я.

— Кто?

— Туквадзе.

«Какой еще Туквадзе?» — думает растерянный хозяин, натягивает штаны и оглядывает комнату испуганным взором. На дворе тихо. Уже за полночь. Где-то вдали кричит петух. Бичико вслушивается в тишину и, охваченный непонятной тревогой, нервно поглядывает на дверь.

— Открой же наконец! — по-свойски говорят за дверью.

Хозяин открывает.

В комнату входит высокий тучный мужчина.

— Здорово! — говорит он.

— Здравствуй, — растерянно отвечает Бичико.

Тучный мужчина (или как он сам назвался — Туквадзе), в застегнутом на все пуговицы френче и фуражке защитного цвета, ходит по освещенной луной комнате, заложив руки за спину. Хозяин надевает азиатские сапоги и подпоясывается.

— Ну, как поживаешь? — косо поглядывая на него, спрашивает Туквадзе.

Бичико молчит.

Гость шарит рукой по стене, зажигает свет. Залетевшая в окна мошкара роится вокруг лампочки. Ослепленный ярким светом, Бичико на миг жмурится и

потом медленно открывает глаза. Перед ним стоит все тот же Туквадзе. Бичико достает папиросу. Пальцы его дрожат. Туквадзе достает из широкого кармана френча зажигалку, щелкает ею и подносит к носу хозяина. Бичико прикуривает, успокаивается. Туквадзе прячет зажигалку и опять кладет руки за спину.

— Ты в доме один?

— Две комнаты сдаю, сам живу в этой, а та, смежная, пустует...

— Это нам известно... — говорит Туквадзе. Потом открывает ногой дверь соседней комнаты, смотрит в темноту, но не заходит. Закрывает дверь, подходит к письменному столу, разглядывает бумаги и фотографии, но ничего не трогает.

— Одевайся, пойдем!

— Я одет, — недоумевая отвечает Бичико.

— Накинь что-нибудь. На всякий случай... — по-медлив, говорит Туквадзе.

— Что-нибудь взять с собой? — спрашивает Бичико, глядя на гостя.

— Не надо ничего... — отводит взор Туквадзе.

Бичико надевает поверх рубашки коверкотовый пиджак, кладет в карман папиросы, спички, часы и идет к двери.

Выходит. За домом высоко висит луна. На деревянную лестницу ложатся длинные тени. В тишине поскрипывают азиатские сапоги и доски. Бичико держит в руке шапку, идет выпрямившись.

В чистом дворике, у забора, стоят несколько человек. Они похожи на призраков. Завидев Бичико, призраки кашляют и расходятся с таким видом, словно вышли погулять. «Как им удалось бесшумно войти во двор?» — недоумевает Бичико.

На улице, под кроной ткемали, стоит черная «эмка». Увидев идущих, шофер запускает двигатель. Туквадзе садится на переднее сидение. Бичико, между двумя мужчинами, на заднее. Один из стоявших во дворе призраков исчезает. Машина катится по спуску. Бичико видит пустынную улицу, заборы. Потом откидывается на кожаную спинку сидения, перестает смотреть по сторонам, молчит. Молчат и остальные.

Во двор выходят квартиранты Бичико. Видно, они все слышали, но боялись показаться. Сейчас они (Ша-

дико и Васику) стоят у лестницы, шепчутся и испуганно разводят руками.

* * *

საქართველოს
რესპუბლიკის
საქართველოს
საქართველოს

Когда произошла эта история, Бичико было тридцать семь лет. У него не было жены и родителей, и он жил один в отцовском доме. Будучи по специальности инженером, он руководил участком на строительстве большой электростанции. Потом его перевели начальником строительства важного объекта в родном городе, где его знали все. Бичико идет, Бичико дерется, Бичико кутит, Бичико отличился, портрет Бичико напечатали в газете — то и дело слышал я в детстве. Многие, наверно, и сейчас помнят, как Бичико возвращался с кутежа на четырех фаэтонах. Фаэтоном тогда, конечно, трудно было кого-нибудь удивить, но мы, мальчишки со всего квартала, стайкой бежали за этим необычным кортежем, а соседи, и стар и млад, высыпали на улицу. Бичико, с расстегнутым воротом, сидел на козлах рядом с извозчиком. В самом фаэтоне лежала его фуражка. На втором и третьем ехали его друзья, а замыкал эскорт четвертый фаэтон с музыкантами. Я как сейчас вижу резвых взмыленных коней, высекавших подковами искры из мостовой. Под звуки зурны и доли Бичико спрыгивал с козел, прощался с друзьями, гладил лошадь по холке, надевал шапку и, выпрямившись во весь рост, вступал во двор, красивым жестом приветствовал соседей и, улыбаясь, сверкал золотой коронкой.

На другой день, с чертежами под мышкой, Бичико спешил на работу. Иногда в выходные дни за ним приезжала машина и увозила его на строительство. Говорили, что у Бичико была невеста и он собирался жениться. Наверно, так оно и было, но по каким-то причинам свадьба не состоялась.

Теперь я расскажу, кем был этот Туквадзе и что у него было общего с Бичико. Зимой и летом Туквадзе ходил, надвинув на глаза выцветшую фуражку защитного цвета. Это был видный и стройный мужчина, с полным круглым лицом и непомерно маленькими глазами. Он носил кожаное пальто и ходил, заложив руки в карманы. Недавно один почтенный человек сказал мне, что в те годы много значило, когда кто-то носил кожаное пальто и держал руки в карманах. Почему это

значило много, он мне не объяснил. Но так или иначе, Туквадзе побаивались. Почему? — спросит кто-то. Ответить на этот вопрос нетрудно, но, думается, не так уж и обязательно.

Говорят, что Туквадзе и Бичико знали друг друга с детства. Они не дружили, но оба вращались в кругу, в котором ценились храбрость, хлебосольство, юношеский задор и откровенность. Туквадзе был одним из лучших, но Бичико все-таки был первым, и Туквадзе не мог ему простить этого и затаил в сердце обиду. Шло время. Оба избрали свой жизненный путь. Жили, работали и с сожалением прощались с юностью. Неожиданно Туквадзе сделал карьеру (речь не о том, какими путями). Окружающие уважали его и боялись. Окончательно разошлись их с Бичико дороги. От прежних друзей Туквадзе отошел, стал надолго исчезать из города. Говорили, что он занят какими-то важными государственными делами. А Бичико жил и трудился по-старому, вечерами по-прежнему встречался с друзьями в городском сквере. Когда при появлении Туквадзе вокруг начинали шептаться, Бичико улыбался. Словом, Туквадзе перестал для него существовать. Завязка последующих событий произошла в ресторане. Разумеется, меня там не было, обо всем подробно рассказал мне один уважаемый человек.

Бичико кутил с приятелями в «Симпатии» — модном в ту пору ресторане. Их столик стоял в центре зала. Со всех сторон друзьям посылали вино, и они веселились на славу. Вот эту картину и застал вошедший вместе с приятелем в ресторан Туквадзе. Сперва он даже хотел уйти, но потом раздумал. Бичико пригласил его к столу. Туквадзе, сославшись на неотложное дело, отказался и вместе с товарищем остановился у буфетной стойки. Видно, они и вправду торопились — стоя ели и молча, без тостов, пили вино. Тамада за столом Бичико неожиданно поднял тост за здоровье Туквадзе, и все в один голос стали хвалить и превозносить его. В это время со стойки упала на пол фуражка Туквадзе, и ее поднял низенький спутник Туквадзе, которого никто раньше не видел. Бичико встал, и все подумали, что он тоже произнесет здравицу. Туквадзе вытянул шею, но Бичико заказал музыкантам танцевальную, зубами поднял столик и пустился в пляс. Вот как было дело.

5920
010000

Туквадзе тотчас покинул «Симпатию». Выходка Бичико, говорили, а теперь и сам я догадываюсь, очень его оскорбила. Произошло это двадцать второго октября. Знакомый, рассказавший мне эту историю, точно помнит дату, так как в тот день у него родился сын и он с друзьями отмечал это событие. По слухам, с того дня, то есть с двадцать второго октября и до самой весны, Туквадзе регулярно тренировался в поднятии зубами тяжелого стола. Действительно ли это было так, трудно сказать, хотя вполне вероятно, а поднимали стол (я уточнил позже) так: одну из ножек прижимали к груди (так легче поднять), захватывали зубами край стола, выпрямлялись и так, в обнимку с ножкой, плясали. Впрочем, говорят, это мало кому удавалось, поскольку зависело от множества факторов: силы, сноровки, твердости зубов и, конечно же, от размеров стола и сервировки.

Был разгар лета, когда увезли Бичико. Один случай непосредственно связан с другим. Ничто не происходит без причины. Но, возможно, инцидент в «Симпатии» и официальное задержание Бичико и не имеют ничего общего, кто знает?

Бичико вернулся домой на рассвете. Ночью его снова забрали, и он не появлялся десять дней. Начались пересуды. Никто не знал, куда он исчез. На одиннадцатый день, когда все уже потеряли надежду его увидеть, Бичико вернулся. Опустив голову, молча пересек двор, открыл дверь и вошел в комнату. Соседи и квартиранты видели, как он закрыл изнутри ставни и заколотил дверь.

Прошли сутки. Бичико не проявлял признаков жизни. Никто о нем не справлялся, люди не знали, имеют ли право общаться с человеком, который так подозрительно и надолго отлучается из дому.

Еще через день, после короткого совещания, Шалико и Васико подошли к двери, прислушались. Бичико ходил по комнате, курил и громко разговаривал. Слов нельзя было разобрать. Квартиранты молча переглянулись, пожали плечами и разошлись. Лишь на другой день, в полдень, поняв, что хозяин явно не собирается выходить из дома, они решили все-таки проникнуть к нему.

Было жарко. Студент Васико, отбивший воинскую

повинность, решительно взбежал по деревянной лестнице, Шалико же остался внизу и, разинув рот, не сводил глаз с товарища.

Васико постучал в дверь.

— Кто там? — ответили из дома.

— Это я, Васико.

— Чего тебе?

— Открой, ради бога!

— Погоди, сейчас...

Васико глянул на Шалико, прислонился к перилам и отвернулся от солнца. Так он стоял довольно долго. Но вот за дверью что-то скрипнуло, приоткрылись ставни, и удивленные квартиранты увидели в оконном проеме Бичико. Опираясь рукой и ногой на подоконник, он смотрел вниз. Он был худ и бледен. Васико не мог понять, почему это хозяину понадобилось выходить через окно, а не через дверь. Шалико смекнул, что дела плохи, и на всякий случай, хоть и не считал себя трусом, залез под лестницу.

Яркий полуденный свет ослепил Бичико. Прикрывая ладонью лицо, он спрыгнул на землю, подобрал два огромных камня и, низко опустив голову, метнулся к забору. Пока квартиранты сообразили, в чем дело, он выдернул несколько кольев и с оглушительным криком ворвался в соседний двор, в котором стояла церквушка с обломанным крестом.

— Туквадзе, убью, стой... твою мать!

Испуганные квартиранты бросились за ним. Васико рискнул даже войти в церковный двор, а Шалико замер у забора. На улице собрались любопытные.

Бичико с громким криком кружил вокруг церкви, в которой помещался тогда продовольственный склад. Завскладом, взвешивавший соленую рыбу, спрятался за бочками. Правда, фамилия его была не Туквадзе, а Кекуа, но ему все же показалось, что опасность грозит именно ему.

— Туквадзе, убью, все равно, не уйдешь!.. — вопил Бичико. Иногда он останавливался и бежал в другую сторону, как бы перерезая дорогу невидимому обидчику.

— Туквадзе, выходи, если ты мужчина!.. — иступленно кричал Бичико. Жилы на его шее вздулись,

казалось, Бичико вот-вот лопнет и разлетится на куски. Никто не осмелился приблизиться к нему.

Целый час бегал и кричал Бичико. Потом вдруг остановился, бросил камни и, никого не видя и ничего не замечая, вернулся к себе во двор. Там он сел на ступеньку перед домом, уставился в землю и забормотал.

Васико выпроводил за ворота любопытных.

На другой день, в полдень, все повторилось.

На третий день Бичико отвезли в психиатрическую лечебницу. Родственники и квартиранты опасались, что он окажет сопротивление, но Бичико беспрекословно покорился.

Его осмотрели лучшие врачи. Когда Бичико произнес несколько бессмысленных фраз, один из них, мужчина в очках, сказал коллеге: у пациента разрыхленные сознания и ярко выраженные признаки аутизма.

Бичико почти все время молчал. Он не проявлял недовольства, ничего не требовал. Казалось, что больше всего на свете он жаждет покоя.

Несмотря на это, интересующая нас «история болезни» все же была заполнена.

История болезни.

Больной — Эретэли Бичико Вахтангович

Возраст — 37 лет

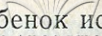
Образование — высшее

Национальность — грузин

Время поступления в клинику — 12 июля 193... г.

Анамнез:

Мать — домохозяйка, со средним образованием, набожна, чувствительна. Скончалась в возрасте сорока лет. Отец — адвокат. В молодости пил умеренно, физически здоров, уравновешен. Погиб трагически. Больной первый и единственный сын у родителей. Беременность матери протекала нормально. Роды — без осложнений. Младенца вином не поили, во сне не кричал, не падал, травм головы не получал. Болел свинкой и коклюшем. В половую зрелость вступил нормально. Учился хорошо. Был упрям и самолюбив. Легко выходил из себя. В детстве ему дважды померещилось, что по крыше бежит

черная кошка с огненным шаром на хвосте. Ребенок испугался. Видел эту картину во сне и надолго ее запомнил; переживал, дрожал, ложась в постель, с головой укутываясь в одеяло и долго не мог уснуть. Венерическими заболеваниями не страдал. Кроме свинки и коклюша, в раннем детстве перенес еще какую-то инфекционную болезнь, но какую именно, не помнит. Во всяком случае, болезнь та беспокоила его не больше, чем свинка и коклюш. Попыток самоубийства, навязчивых идей, понижения критического мышления, чрезмерной веселости или беспокойства не замечалось. На работе характеризуется как чуткий, деловой и авторитетный товарищ. Считается лучшим специалистом в своей области. Друзья его любят. Как выясняется, он легко покоряет окружающих, является душой общества. Несмотря на это, иногда вел себя странно, надолго запирался в кабинете, разговаривал с самим собой, выходил из комнаты испуганный и обескураженный. Тогда на это не обращали внимания. Высокого роста, хорошо сложен. Мышечная система развита хорошо. Сухожильные рефлексы симметричны. Сужения зрачка не замечается. Имеет легкий тремор пальцев и продолжительный дермографизм. Ориентируется как во времени, так и в окружении и пространстве. Понимает, что находится в клинике, но не знает, в какого типа лечебном заведении, хотя здесь же следует заметить, что у пациента нет никаких контактов с другими больными. Беспокоится, ночью спит плохо. На вопросы отвечает неохотно. Разговаривает несвязно. Прошрое вспоминает ясно, хоть и беспорядочно; не может сохранять последовательность фактов и явлений. Больным себя не считает. Очень удивляется, когда об этом заходит речь. Примерно в полдень с ним случается припадок, он становится очень агрессивным и остановить его почти невозможно. Называет чью-то фамилию... (Кого и зачем преследует больной, в истории не сказано. Не ясно, заинтересовались в клинике этим фактом или нет. Во всяком случае, очевидно, что факт этот привлек не больше внимания, чем перенесенные пациентом в детстве свинка и коклюш).

Иногда больной высказывает свои соображения. Он утверждает, что у каждого человека есть двойник. Из них двоих (двойника или человека?!) настоящим явля-

ется то один, то другой. Больной уверен, что человек делает все по подсказке двойника до тех пор, пока сам не становится двойником и не начинает диктовать и приказывать своему я. Сам больной время от времени слышит голос двойника. Он действует по велению этого голоса и доказывает, что и мы подчиняемся воле призрака или двойника и впоследствии сами становимся призраками...

В тот же день Бичико раздели донага, стали искать на его теле, языке следы укусов, проверили зрение (нет ли признаков конъюнктивита глазной роговицы и каковы рефлексы зрачков), обоняние, вкус и слух, чувствительность мышц, артикуляцию сухожилий колена, а также, в целях проверки речи, заставили произнести скороговорку.

Через несколько дней Бичико подвергли ассоциативному эксперименту идей. На основе такого устаревшего опыта иногда удается установить некоторые особенности личности и хотя бы отчасти изучить причины, вызвавшие болезнь. Так, на слово «государство» под гипнозом больной может ответить «Бразилия», это вовсе не означает, что он футболист или же хочет сбежать за границу. Но сделать кое-какие выводы все же можно. На слово-раздражитель подопытный иногда дает и вправду интересный ответ; но Бичико молчал, или же, по мнению врача, отвечал настолько бессодержательно, что не дал науке ничего нового.

Доктор предложил Бичико закрыть глаза и убедил его, что он спит. Бичико легко перешел в состояние сомнамбулизма. Начались вопросы и ответы.

Вопрос		Ответ
Голос	(через минуту)	да, слышу!
Цель	(через 11 секунд)	ясно, слышу...
Мужчина	(время не зафиксировано)	больной кашляет
Деньги		да, деньги.
Черный		белый.
Белый		черный.
Время	(через сорок секунд)	(какая ужасная ночь... Я не виновен, я ничего не знаю. Голоса, голоса... Я слышу эти ужасные

Страх		голоса.
Ночь		ответа нет.
День		день.
Большой		день.
Волк	(никакой реакции)	ответа нет.

Месяц спустя Бичико Эретэли выписали из клиники. Лечение оказалось безрезультатно. По сравнению с прежним, Бичико выглядел сломленным. Вот и все. Его ничего не интересовало и он все время молчал. Молчал и думал. Иногда он застывал на месте и начинал шевелить кистью руки, как бы споря с кем-то.

В полдень, в одно и то же время, Бичико взрывался, с дикими воплями вбегал в церковный двор, бранился, преследуя Туквадзе. Через полчаса, успокоившись, он бросал камни и садился на ступеньку перед домом. Больше он не причинял никому никакого вреда.

Постепенно к крикам Бичико привыкли и перестали обращать на него внимание. Когда он бесновался и кружил вокруг церкви, Кекуа, завскладом, спокойно пересчитывал деньги или же подписывал накладные. Как-то в город приехал известный психиатр. У дверей дома, где он остановился, весь день толпились пациенты. В городе оказалось гораздо больше больных, чем следовало ожидать. Профессор осмотрел и Бичико и с уверенностью констатировал, что лечение возможно, так как больной физически здоров, сознание его не притуплено, рассудок не разрыхлен, признаки аутизма выражены не остро, и посоветовал поместить Бичико в клинику какого-либо большого города, лучше — московскую, в которой работал он сам.

Дальние родственники, имевшие виды на дом Бичико, решили было вмешаться, но так и не удосужились что-либо предпринять.

В Москве жил двоюродный брат Бичико, которому он в свое время помог окончить вуз, поставил на ноги. Узнав о болезни Бичико, брат обеспокоился, несколько раз выслал деньги, хотел было и сам приехать. Но на том все и кончилось.

Тогда решили вмешаться друзья. Они даже несколько раз собрали деньги, но каждый раз проедали их и ругали друг друга, обвиняли в равнодушии. Зато, как правило, собравшись за столом, они пили за здо-

ровье Бичико. Тост этот стал привычным и вскоре все уже знали, за каким тостом последует тост во здравие Бичико. Выпив, друзья вздыхали, сокрушались, дескать, что мы за люди...

Если б Бичико был в здравом уме, он все равно не потребовал бы от друзей большего, ведь он любил их не из корысти. Ну и что с того, что он делил с ними деньги, талант и любовь, посвятил им большую часть своей жизни? Ведь не потому он был наказан, просто ему не повезло.

Вскоре началась война, и всем уже было не до Бичико.

Одного из его квартирантов, Васико, призвали в действующую армию. Незадолго до этого Васико женился. Когда же ей, вероятно, подсказало сердце, что она больше не увидит мужа, через год она вторично вышла замуж за мельника.

Дом Бичико полностью перешел в руки второго квартиранта, Шалико. Правда, у Шалико были большие уши, но я не думаю, чтоб из-за этого его сочли негодным к военной службе. Видно, у него оказался еще какой-то изъян, раз его не послали на фронт, оставили в глубоком запасе. В конце концов, не трудно догадаться, что из хозяина квартиры Бичико превратился в батрака Шалико, работал с утра до вечера — рубил дрова, мотыжил огород, ходил на базар. В полдень он отводил душу руганью и преследованием Туквадзе и потом отдыхал на лестнице. Следует признать, что бывший квартирант так или иначе заботился о нем — кормил и одевал в обноски. Если б не он, Бичико умер бы в одиночестве, без присмотра.

Девятого мая кончилась война. Одни вернулись с войны, другие — нет. Жизнь продолжалась, в городе поднимались новые дома, рождались дети, умирали старики. В жизни же Бичико — никаких перемен, он по-прежнему гонялся за Туквадзе, но уже не с прежним пылом. Кроме того, дом оградил каменным забором, завскладом Кекуа посадили, церковь, в которой помещался склад, расчистили и устроили в ней избу-читальню. Бичико запретили бегать и орать, и он лишь из своего двора грозил Туквадзе расправой. Наконец самого Бичико прозвали Туквадзе, и многие позабыли его настоящую фамилию.

Молодежь, которой не было известно, кем был Бичико раньше, как жил, трудился, кутил, любил и ненавидел и, наконец, как он дрался, стала над ним насмехаться, но Бичико не реагировал на насмешки, и вскоре его оставили в покое.

Бичико прожил недолго. Он умер ранней осенью, тихо, никого не беспокоя. Перед смертью печально смотрел куда-то вдаль, думая о чем-то своем. Возможно, и не догадывался, что пробил его последний час.

Помнил ли он человека, изломавшего ему жизнь? Возможно, помнил. Хочется верить, что перед смертью он простил людей.

Хоронили Бичико вскладчину. На похороны пришло много народу. В основном это были друзья и родственники Шалико, бывшего квартиранта, но были и те, кто пришел из уважения к Бичико Эретэли. Многие думали, что фамилия усопшего — Туквадзе. Между прочим, на похоронах был и сам Туквадзе. Его привел знакомый, приходившийся дальней родней Шалико. Знакомый сказал Туквадзе, что идет на похороны его однофамильца и если он не занят, то они могут пойти вместе. У Туквадзе и вправду не было дела, и он охотно согласился сопровождать знакомого. Когда они пришли, часть людей уже сидела за столами, накрытыми прямо во дворе, под деревьями.

Туквадзе осмотрелся, вспомнил что-то и у него сразу испортилось настроение. Он спросил знакомого, уверен ли тот, что здесь действительно жил его однофамилец. Знакомый ответил, что здесь действительно жил Туквадзе и когда-то ему принадлежал этот дом, который впоследствии отошел его квартиранту, а сам Туквадзе стал постояльцем своего бывшего квартиранта. Подлинный Туквадзе ничего не понял.

— Почему ты меня спрашиваешь об этом? — поинтересовался знакомый.

— Здесь, в этом дворе, лет двадцать, двадцать пять назад жил один... Да, точно, этот двор... Интересно, где он сейчас?..

Знакомый промолчал, так как ему не было дела до того, кто кого знал двадцать пять лет назад, к тому же он едва успевал здороваться с толпящимися в воротах людьми.

Двери были открыты настежь, и из комнаты доно-

силась траурная музыка. Вокруг гроба сидели посевевшие друзья Бичико.

Туквадзе не вошел в комнату. Он сказал знакомому, что все равно никого не знает и лучше постоит во дворе, подышит свежим воздухом. Знакомый не стал его упрашивать и вошел в дом. Туквадзе отошел в сторонку и, подобно призраку, прижался к забору. Он стоял с таким жалким видом, что невольно привлекал внимание окружающих. Худого и бледного, его трудно было узнать. Он всем уступал дорогу, шаркал при этом ногами. Если кто-нибудь с ним сталкивался, он первый извинялся. На нем был старенький защитного цвета плащ без погон и такая же фуражка. Над козырьком виднелась вмятина от кокарды, на руке большие старые часы. Но кое-кто все же узнал его, с ним стали здороваться. Туквадзе, сжимая в руках защитную фуражку, вежливо кланялся.

Туквадзе давно исчез из поля зрения местных жителей, поговаривали, что он умер в Сибири. Узнав в этом старом, дряхлом человеке Туквадзе, люди зашептались: смотрите, Туквадзе вернулся, во что он превратился, лица на нем нет. Наконец кто-то осмелился подойти к нему и подать руку. Удивлялись, дескать, что за штука жизнь, как свободно мы с ним разговариваем, а ведь раньше одно упоминание имени этого человека наводило на всех ужас. Даже стали жалеть его...

Туквадзе пригласили к столу, но он отказался:

— Спасибо, но мне незачем садиться за стол, есть и пить врачи мне запретили...

Он говорил тихим и слабым голосом, то и дело доставал из кармана какие-то лекарства и показывал их окружающим:

— Язва у меня, жизни нет никакой, оперировали, не помогло... Пенсию обещали назначить, да вот справки не могу собрать, хожу взад-вперед... Что поделаешь...

Его утешали: ничего, дескать, все образуется, никто твоих заслуг не забудет...

— Дай-то бог, — повторял Туквадзе.

Его знакомый, выпив за столом три стакана вина, сказал соседу:

— У Туквадзе, кажется, рак, но от него это скрывают... Кто ему скажет... А сам, бедняга, не догадывается...

Толпа встрепенулась, все встали из-за столов. Гроб с останками Бичико вынесли на двор. Перед гробом шел мальчик с портретом покойного в молодости. Портрет был сделан примерно в тот период, с которого мы начали наш рассказ. Глядя на увеличенную фотографию, люди вздыхали.

Если б Туквадзе взглянул на портрет, он, возможно, и узнал бы, на чьи похороны пришел. Но толпа оттеснила его в самый угол двора, кто-то наступил ему на ногу, лицо Туквадзе исказила мучительная гримаса, и он уже ни на что не обращал внимания.

Мальчик с портретом вышел на улицу. У него были голубые глаза и светло-каштановые волосы, зачесанные набок.

Туквадзе поплелся за процессией, но вскоре отстал.

Тихо переговариваясь, с деланной серьезностью шли люди в процессии, медленно, неторопливо двигающейся к кладбищу.

Стоял приятный прохладный вечер.

Возвращавшемуся в одиночестве Туквадзе трудно было ступать. С каждым шагом лицо его искажала гримаса, видно, он испытывал ужасные муки.

Перевод Георгия САРТАНИЯ

СЕКРЕТ СЧАСТЬЯ

Да не носись ты с самим собой,
как дурень с писаной торбою!
Всегда старайся осчастливить
другого
и тогда —
счастлив будешь сам!

ПАРАДОКС

Настоящее —
ничтожнейший промежуток времени
меж вдохом и выдохом,
и мы
фактически
живем лишь в Прошлом и в Будущем.

СКРОМНОСТЬ

Один мой знакомый поэт
был о себе столь неестественно высокого мнения,
что стыдился даже думать об этом,
избегал разговора о своей персоне
и потому —
слыл весьма скромным человеком!

В ЭРМИТАЖЕ

Экскурсант
внимательно вглядывается
в застекленную раму
рембрандтовского офорта
и пытается
выдавить
выскочивший на носу прыщик.

ДИКТАТОР

Все знаки отличия
не умещались на щедедушной груди
диктатора
и потому на торжественных приемах
рядом с ним
стоял чиновник по особым поручениям
и держал в высоко поднятых руках
мундир властителя
с прикрепленными к лацканам
орденами и медалями.

* * *

Ничто так не возвышает человека,
как самоирония.
И еще —
способность
забывать о самом себе.

ТОСТ

Чтобы порадовать юбиляра,
нужно сказать ему:
«Пусть сегодняшний день —
счастливейший день твоей жизни —
станет для тебя
самым д а л е к и м воспоминаньем.»

* * *

«Скончался», —
произносят в Грузии об умершем так,
будто говорят о живом:
«Смотри, что он натворил!»...
Это потому, что в Грузии
все — живые и мертвые —
одинаково участвуют в действе,
именуемом ж и з н ь ю.

* * *

Каждый грузин по натуре —
артист

и всякий раз
так увлеченно,
с таким самозабвением
играет роль самого себя,
что часто не спрашивает,
в каком спектакле он занят!

ПОЭТУ

Порой ты, как форель,
бьешься в тенетах фраз,
тычешься лбом в словесные сваи
и мучаешься:

как продрасться сквозь частокол слов
в водоворот живых представлений?!

ЦВЕТЫ

Как гордо и заносчиво
глядели вчера
эти самодовольные цветы!
Но вот ночью ударил мороз,
и словно смерть взмахнула косой, —
посмотри, как они жалки:
склонились, переломившись, тонкие стебли
почернели и, словно тряпки,
повисли пожухлые листья.

СТРАННОЕ ЖЕЛАНИЕ

Как бы хотелось мне
дожить до того дня,
когда я смогу прийти
на твою могилу,
наклониться и крикнуть:
— Ты всеми забыт!
Лишь я один вспомнил о тебе
и пришел, чтобы сказать:
ты дрянной человек!

ИЗДАТЕЛЬСТВО
СОВЕТСКИЙ ПЕЧАТНИК

В АЭРОПОРТУ

Пройдешь через «магнитные ворота»
и, если
окажется в кармане твоём
металлический предмет, —
вспыхнет красная лампочка
и зазвенит звонок.

Я вывернул карманы,
а лампочка горит.
Звенит и звенит звонок!

Кто-нибудь подумает:
«Верно, у этого человека
железная воля
или, может, таит он в мыслях
нечто пострашнее оружия?..»

* * *

Казбеги!
Его величием славен Кавказский хребет.
Славой о нем овеяна каждая гора и вершина,
малый бугорок и даже камешек...
Так и поэт, —
слава о д н о г о стихотворения
бросает отблеск на все его творения,
дарит им тайный смысл и значение,
а будь они созданы иным поэтом,
может, показались бы нам
незначительными и банальными.

СМЕРТЬ

Умирает человек,
и смерть его
вызывает у живых такой интерес,
столько толков и пересудов,
что послушаешь
и невольно пожалеешь покойного:
— Ах, если б он мог
на мгновенье воскреснуть, —
как много нового
узнал бы о себе!

ИСКУШЕНИЕ

საქართველოს
რეპუბლიკის
ქვეყნური ბიბლიოთეკა

Волосы — будто шлем
на запрокинутой голове.
Груди — грозные стрелы,
нацелены в мужское сердце.
Коса, ниспадающая ниже пояса, —
упругая, как тетива в нетерпеливом ожидании:
вот-вот
чья-то неведомая десница
с силой натянет ее и...
Прощайте тогда,
жена моя и дети мои!

ЖЕНЩИНЫ ГРУЗИИ

Как бы соблазнительна
ни была женщина,
дети ее —
будь то сын или дочь —
не должны испытывать
чувства неловкости,
когда проходят по улице
рядом с ней...
Женщины Грузии
в совершенстве владеют
целомудренным этим искусством!

* * *

Помимо главных пяти чувств,
есть у человека еще одно,
может быть, самое неистребимое,
унаследованное от предков —

ЧУВСТВО НЕОТВРАТИМОСТИ КОНЦА...

Случалось ли вам заметить,
с какой взрослой печалью,
глазами поистине трагическими
глядит на мир
новорожденный ребенок?..

Обремененный тысячью забот —
 легкомысленный пассажир —
 я опоздал
 на свой последний поезд.
 И остался один,
 как костер, разожженный пастухом
 в ночной степи.

И одно мне осталось:
 делить с каждым путником
 тепло и свет
 моего одинокого сердца!

* * *

Заснеженное деревенское кладбище,
 утыканное могильными крестами, —
 это ли не белый лист ведомости,
 где расписалась
 необученная грамоте Смерть?!

ВЕНЦЫ

Лишь один венец —
 лавровый, терновый или золотой —
 может украшать голову человека:
 быть увенчанным сразу тремя венцами —
 невозможно!

ЗАПОЗДАЛЫЙ НЕКРОЛОГ

«После непродолжительной,
 но тяжелой болезни,
 именуемой жизнью поэта,
 скончался

князь

Николоз (Тато) Мелитонович
 Бараташвили...

Смерть вырвала из наших рядов...
Светлая память о нем...
в наших сердцах...
и т. д. и т. п.

Группа товарищей».

Перевод Лидии ЛИБЕДИНСКОЙ

ХРОНИКА

«ЗОЛУШКА» В ТБИЛИСИ

НОВЫЙ год Тбилисский театр оперы и балета имени З. Палиашвили встретил премьерой балета Сергея Прокофьева «Золушка». Постановщик спектакля — главный балетмейстер театра, заслуженный деятель искусств Георгий Алексидзе. «Золушка» — не первое произведение Прокофьева, поставленное на сцене Тбилисской оперы. Здесь прозвучали его оперы «Семен Котко», поставленная Львом Михайловым, позднее — «Любовь к трем апельсинам» в постановке Г. Мелива, а в 1966 г. Вахтанг Чабукиани создал свою «Золушку».

Либретто к новой постановке написано Н. Волковым и переработано Г. Мелива. Сделаны некоторые купюры, перестановки номеров, балет стал более динамичным.

Для художника Ушанги Имерлишвили «Золушка» — второе обращение к Прокофьеву, первым было оформление оперы «Любовь к трем апельсинам». Дирижирует спектаклем Ираклий Чиаурели.

В спектакле участвуют молодые способные артисты — Ирина Абулашвили, Владимир Джулухидзе, недавно гастролировавший в США в составе труппы «Молодой балет» под руководством В. Гордеева, Алла Абесадзе, Ирина Саиладзе, Меги Чиковани, Мака Махарадзе, Сергей Терещенко, Михаил Геловани и другие.

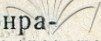
В планах театра — постановка с Юрием Григоровичем и Солико Вирсаладзе «Раймонды» Глазунова (ноябрь 1988 года), постановочная группа из Ереванского театра оперы и балета имени Спендиарова во главе с Виленом Галстяном будет готовить с труппой театра «Гаянэ» Хачатуряна. Г. Алексидзе собирается поставить новый грузинский балет. Будет осуществляться и такая идея — ставить детские балеты силами хореографического училища. В проекте пока четыре названия: «Буратино» Якова Бобохидзе, «Доктор Айболит» Морозова, «Приключения Саламуры» Рамаза Кемурлария, «Коппелия» Делиба.

Рассказы

Чужой в городе

БЫЛО жарко. По теневой стороне улицы медленно брел мужчина. От жары асфальт плавился, и подошва липла к мягкому, клейкому покрытию, при ходьбе раздавалось неприятное чмокание, которое усиливало тягостное чувство у путника. Тень не умеряла жары, от зноя слиняли краски — все было серым и бесцветным, а воздух — раскаленным и сухим. По обеим сторонам широких чистых улиц тянулись низкие газоны, за газонами виднелись уродливые однообразные карликовые дома, они все имели нежилой вид: двери наглухо закрыты, узкие окна забраны железными решетками. И потому весь город напоминал огромную, тщательно выметенную тюрьму. Неосознанная тоска и одиночество охватили мужчину. Он думал о том, каким уютным и милым показался ему этот город утром, когда после долгого пути поезд подошел к маленькому, утопающему в зелени и утренней дымке городку. Красные черепичные крыши чудесно гармонировали с густо-зеленым и ярко-синим фоном. Умиротворенность и покой охватили путника и побудили его сойти с поезда на этой станции. Два старичка сиротливо стояли на перроне, видимо, дожидаясь поезда. Поезд остановился, и они поспешно направились к своему вагону, с поразительной легкостью неся большие деревянные чемоданы, перевязанные грубыми ремнями и толстыми веревками. Удивительным было это зрелище — мирные сухонькие старички с огромными чемоданами в руках на перроне маленькой изящной станции. С поезда сошел только он, и это несколько озадачило его. Он даже спросил служителя — почему нет людей, на что тот неприятно усмехнулся, по-

жал плечами и сплюнул в сторону. Мужчине не понравилась эта явная неучтивость, но он ничего не сказал, не вступать ведь в конфликт с первым же встречным. Неподалеку от вокзала он отыскал закусочную-автомат, запил черствое печенье жидким чаем и вышел в город. Контраст между безлюдным вокзалом и шумными улицами был разителен. Заспанные горожане торопливо, чуть ли не бегом направлялись по своим делам, порядок, однако, царил необыкновенный, они шли группами, молча, как хорошо вымуштрованные солдаты на параде. Однако очень быстро улицы опустели, кое-где еще виднелись одинокие фигуры, но вскоре исчезли и они, и город вымер, за каждым зарешеченным окном были заперты, или, быть может, заперлись сами, добровольно, покорные горожане... Куда-то исчезли умиротворение и покой, которые охватили его утром, куда-то исчезли и те развесистые деревья, что так чудесно обрамляли приютившийся в сухой ложбине город, исчезла и дымка, что так уютно окутывала красные черепичные крыши... Вместо всего этого — зной и пыль от пустынных улиц и облезлых, чахлых кустов. Он обошел центр города — главные улицы и большую площадь — глазу не на чем было остановиться, и усталый и разочарованный путник вернулся к вокзалу, чтобы до отхода ближайшего поезда переждать полуденный зной. Если не считать женщины, хлопочущей в камере хранения, он застал лишь того же служителя. Не найдя ни расписания движения поездов, ни справочного бюро или билетной кассы, он вынужден был обратиться к служителю, который, однако, оказался столь же невежественным, сколь и невежливым. На все вопросы он либо пожимал плечами, тараща глаза, либо мямлил что-то невразумительное. Пришлось обратиться к женщине, она посоветовала подойти к участковому уполномоченному, так как, оказывается, движение поездов, а следовательно и пассажиров, согласовывалось в первую очередь с ним. Всего-то. Но и это непонятное препятствие, а вернее ограничение, чрезвычайно раздосадовало путника — он никак не мог взять в толк, что такое «участковый уполномоченный» или какая связь между расписанием поездов и уполномоченным. Наконец решил разобрататься во всем в гостинице (еще утром он заметил на площади длинное трехэтажное здание с двумя глад-

кими, напоминающими почему-то клыки, столбами у входа). За всеми этими делами прошло достаточно времени, было уже за полдень, и путник одновременно с усталостью ощутил и голод. В гостинице он увидел ресторан и направился сначала туда, тем более, что портье не было на месте: В огромном пустом зале было относительно прохладно. В конце его за стойкой дремал сидевший без дела буфетчик, который, увидев посетителя, вскочил с удивительным проворством. Это был разбухший, как дрожжевое тесто, человек. Он с улыбкой смотрел на вошедшего, но раздраженному путнику не понравилась эта чрезмерная любезность и гостеприимство. Он медленно пересек зал, оперся о стойку и остановился, не говоря ничего. Буфетчик молчал, улыбался, глядя в упор, словно в оцепенении, взгляд у него был острым и пронзительным. О лице его нечего было сказать, ибо оно состояло только из щек, да еще у угла верхней губы торчала большая синевато-черная родинка с маленькой белой точкой посередине, солнечным зайчиком выглядывающая из редкого взъерошенного пуха. Родинка напоминала око, в отличие от обычного глаза, недремлющее око, высматривающее нечто сокрытое. Путник и буфетчик — оба одновременно заговорили:

— Пива бы, холодного. Устал я.

— Устал, похоже. Пива бы тебе, холодного.

У буфетчика был писклявый, с хрипотцой голос, он, видимо, обрадовавшись своей догадливости, рассмеялся. Смеялся беззвучно. Звук, должно быть, терялся в рыхлом, жирном теле. По гладким скользким щекам ручьями текли слезы, он весь трясся, тряслись живот и жирный подбородок, лишь родинка недобро смотрела на безмерно изумленного путника.

— Тьфу, — взорвался он вдруг, не выдержав. — Тьфу, да что с тобой?!

Буфетчик тотчас же перестал смеяться, молча повернулся и налил пиво. Подавая полную кружку, он склонил голову набок (насколько позволял жирный подбородок), как-то съежился и смотрел жалко, как побитая собака. Он глядел так покорно, что путник вместо жалости почувствовал отвращение. Одним залпом он опорожнил кружку, пиво действительно было холодное, приятное, он успокоился. Буфетчик тотчас почувствовал это и льстиво усмехнулся:

— Помогло, да?!

Путник кивнул, жестом показал: налей, мол, еще, и вторую кружку пил медленно, с остановками. Даже захмелел слегка. Он уже почти допил кружку, когда в зал, грохоча сапогами, вошли двое. Путник с любопытством оглядел вошедших, и было на что поглядеть — в ватных тулупах, с ружьями наперевес, в патронташах, опоясывающих их талии, они буквально исходили потом, который задерживался на щетине небритых щек и подбородка, а затем крупными каплями стекал по шее. Они были удивительно похожи друг на друга — широкие лица, одинаково усталые, бесцветные глаза, выдающиеся скулы, впалые морщинистые щеки и такие же морщинистые узкие лбы. Однако один был рослым здоровяком, другой же — маленьким и щуплым. Здоровяк снял патронташ и бросил его на стол, при этом глубоко вздохнув.

— Устал, — проговорил он.

Щуплый сурово взглянул на него, снял шапку, вытер лысую голову большим грязным платком, вытирал довольно долго, медленно, кончив, строго сказал буфетчику:

— Холодной воды.

У буфетчика в кувшине с широким зевом стояла вода со льдом, он быстро налил ее в стаканы. Щуплый жадно выпил два стакана подряд, передохнул и все так же неприязненно глянул на своего товарища.

— Чего вздыхаешь? — спросил он почти с угрозой.

— Э-эх, — ответил здоровяк, махнув рукой.

Тут не к месту вмешался буфетчик:

— Вы обо мне? Я ни при чем. Я не вздыхал. С чего бы? — быстро заговорил он.

Щуплый даже не взглянул на него.

— Может, случилось что-нибудь? Или работа в тягость, а?

— Да, не нравится она мне, — не сразу, устало ответил здоровяк. — Работаю помимо своей воли... Нет в этом моей вины, жалко мне их. Быть может, они и не виновны вовсе.

— Чтөөо?! — щуплый не верил своим ушам, он просто задышался от ненависти. — Понимаешь ли ты, что говоришь, понимаешь?! — почти шептал он, — ты думаешь «там» не знают, что правильно, а что — нет?!

А?! Или, может, «они» ошибаются, а?! — бесновался он. — Врагов народа жалеешь? Ты думаешь, я палач, а? Может, палач, скажи, скажи! — выстреливал он слова. Чужак стоял и слушал, затаив дыхание, слушал, но ничего не понимал, в недоумении переводя взгляд с одного на другого. Буфетчик окончательно слинял, здоровый словно бы не слышал слов своего товарища, но тот, однако, не унимался. Внезапно он остановился, налил себе воды, залпом выпил ее; над запотевшим стаканом угольками сверкали мелкие, глубоко сидящие глаза, только тут обратил он внимание на посетителя, следившего за их беседой, и удивленно, настороженно воззрился на него. Тот словно бы физически ощутил взгляд, гнетущим, недобрый предчувствием проникший в его плоть; глаз, однако, не отвел. Щуплый спросил:

— Кто вы?

Путник сделал неопределенный жест рукой, высыпал на стойку деньги за пиво и пошел к выходу. Не успел он сделать несколько шагов, как услышал резкий сухой щелчок взводимого курка и окрик: «Стой!». Он остановился и повернулся.

— В чем... в чем дело? — с трудом произнес он. Во рту у него пересохло, и он с трудом ворочал языком. Здоровяк целился ему то ли в грудь, то ли в живот. Сделай он еще хоть шаг и пуля, наверно, угодила бы в него. Путник знал даже место, куда, как он чувствовал, вошла бы пуля. — Как вы смеете... — пролепетал он.

Щуплый рукой отвел ствол ружья, правда, не сводя глаз с путника.

— погоди. Это, видимо, тот, что приехал сегодня утром.

— А-а, — добродушно, почти весело, с облегчением вздохнул здоровяк, ухмыльнулся даже, осторожно спустив курок, поставил ружье опять к стойке. С пыхтеньем перегнувшись через стойку, буфетчик с трудом дотянулся до щуплого и дернул его за рукав:

— Смотри, — зашептал он, указывая пальцем.

В дальнем углу зала, у окна, за пустым столом спиной к ним сидел какой-то мужчина, наблюдая за улицей, над ним висели клубы табачного дыма. Никто не заметил его появления. На миг воцарилась мертвая тишина, путник вдруг почувствовал острый интерес к этому человеку.

— Займитесь своим делом! — Слегка обернувшись, так, что стал виден его курносый профиль, спокойно произнес мужчина. — Оставьте этого человека и займитесь своим делом.

Щуплый тотчас направился к выходу, крупный же замешкался, видимо, размышляя, выпить или нет воду, стакан с которой он держал в руке, потом, решив не пить, бережно поставил стакан на стойку и поспешил за товарищем. Шли почти на цыпочках, стараясь не стучать сапогами, даже не взглянув на приезжего, обошли его и вышли. В окно было видно, как они пересекли улицу и у перекрестка присоединились к группе так же одетых и вооруженных людей. А приезжий остался стоять посередине зала. Сидящий в углу оглянулся на него и сказал:

— Пожалуйте, мой друг, за столик, пообедаем вместе, — речь его была учтивой и любезной. — Заодно и побеседуем, если желаете, разумеется.

— С удовольствием, с большим удовольствием, — заторопился приезжий. Сидящий в углу привстал и шагнул ему навстречу.

— Здравствуйте! — сказал он и протянул руку. Рука у него была маленькая, потная, с сильными пальцами, так что при рукопожатии приезжий почувствовал силу, неожиданную в этом невысоком изможденном человеке. Он с восточной обходительностью простирал левую руку к столу, с улыбкой говоря:

— Я — как раз тот человек, который вам нужен. — Приезжий смотрел на него, не понимая, и он добавил: — Я — уполномоченный, а ведь вы ищете, если я не ошибаюсь, уполномоченного. Пообедаем, заодно и о делах поговорим.

Приезжий был совершенно растерян и перестал что-либо соображать от множества неожиданных и непонятных явлений. Ему с трудом удавалось сохранять внешнее спокойствие. Слово «уполномоченный» его подбодрило, он жадно ухватился за него, надеясь вновь восстановить ощущение реальности.

— Благодарю вас, благодарю, — заговорил он. — Ведь я тут совсем один в такой большой столовой, — добавил он не к месту, тем более, что в это время буфетчик как раз принес еду на большом подносе.

— Разумеется, разумеется, — хихикал буфетчик, ловко накрывая на стол, — я не в счет... Я что...

Некоторое время они молча ели. Уполномоченный радушно предлагал каждое блюдо, похваливая их. Но все они были на один вкус, вернее — одинаково безвкусны — пресные и неприправленные.

— Мы немного знаем вас, мой друг, — несколько утолив голод, заговорил уполномоченный. — Да, немного, однако, к счастью, этот недостаток исправим, со временем мы будем знать вас лучше. Надеюсь, мой друг, в будущем мы все будем знать о вас в подробностях, не правда ли?

Приезжий механически отметил про себя, что уполномоченный называл его «другом», но это замечательное слово в устах собеседника звучало непривычно и имело словно бы какой-то другой смысл.

— Мне очень приятно, — произнес приезжий, — что вы заинтересовались моей персоной, но не стоит, однако, беспокоиться, уверяю вас, не стоит. Я должен сказать, что у нас, к сожалению, не будет времени для близкого знакомства, ибо я намереваюсь ближайшим поездом, сегодня же, выехать отсюда. Именно в связи с этим я и хотел видеть вас. — Приезжий старался говорить спокойно, рассудительно. Одновременно он украдкой рассматривал уполномоченного, лицо которого напоминало маску — миндалевидные невыразительные глаза, выдающиеся скулы и острый подбородок, верхняя губа не закрывала торчащих острых зубов и потому нижняя казалась вроде бы прикушенной.

— Да, да, конечно, — неопределенно проговорил уполномоченный. — Что вы можете сказать о нашем городе, как он вам понравился? — Поскольку приезжий замешкался с ответом, уполномоченный продолжил: — Что касается вашего отъезда, я попрошу вас, покорнейше попрошу — поговорим об этом позже. — Приезжий хотел было возразить, но уполномоченный резко, нетерпеливо поднял руку. — Конечно, по сравнению с другими городами постороннему, приезжему человеку многое у нас может показаться непонятным, но уверяю вас, друг, это все лишь на первый взгляд. Наш город — ступень к прогрессу. Вы увидите и убедитесь сами — мы строим новое общество, в котором не будет места насилию, нужде и другим бедам.

— Да, это, конечно, чрезвычайно интересно, но...

Уполномоченный вновь перебил приезжего:

— Поживите некоторое время с нами и сами всем убедитесь. К счастью, ваш приезд совпал с приятным событием. После длительного перерыва, на который были свои объективные причины, сегодня состоится выступление Кафа-Джао в Мраморном Зале его имени. — Уполномоченный достал из внутреннего кармана пиджака какую-то бумажку и протянул ее приезжему: — Пожалуйста, возьмите, это — пропуск. Поверьте, вы узнаете много интересного о настоящем и будущем нашего города.

Приезжий машинально взял пропуск, на котором было написано: «Одноразовый пропуск (дата и время) в Мраморный Зал. Пленум Комитета общественной науки. Докладчик — Кафа-Джао». Мужчина вопросительно взглянул на уполномоченного и тот не замедлил пояснить:

— О-о, это великий человек! Называйте как угодно — вождь, предводитель, кормчий. Убедитесь сами! — Уполномоченный встал: — А теперь, простите, я должен покинуть вас, дела... — Ловко и легко двигаясь, он быстро пошел к выходу. Только после его ухода приезжий слегка пришел в себя и тогда лишь заметил, что зал битком набит людьми. Столовая гудела, как улей, у стойки бойко хлопотал буфетчик, да и вообще все вокруг имели весьма деловой вид. Но вдруг, как бы по знаку невидимого распорядителя, затихла, замедлилась жизнь столовой, как-то сразу прекратился гул, как подкошенный, упал на стул буфетчик, замер, как будто даже задремал, и, казалось, что, давая отдых глазам, он следил за залом своим волосатым оком. Вся остальная публика также сидела без движения; впечатляющее зрелище являл собой зал, заполненный словно бы онемевшими и окаменевшими людьми. Приезжий подумал даже, что все это мерещится ему и, с грохотом отодвинув стул и развязно прошествовав по залу до стойки, громко спросил счет. Буфетчик отозвался быстро, шепотом, приезжий, не поняв, переспросил. По лицу буфетчика прошла тень, сразу впали его выпуклые блестящие щеки, он быстро проговорил:

— Ш-ш, у нас перерыв.

Тут приезжий уже не выдержал, взорвался: — Че-

го?! Чего?! — кричал он, уже ничего не соображая. — Тупица! Болван! Что ты мелешь?! Я с тобой говорю?!

Но буфетчик не проявлял никаких признаков жизни. Перегнувшись через стойку, приезжий, схватив буфетчика одной рукой за ворот и трясая изо всех сил, правой двинул его по щеке, не сильно, а так, чтоб растормошить, вытряхнуть хоть слово. В этот именно момент кто-то хлопнул приезжего рукой по спине, и тот сразу успокоился, будто хлопнул его друг, пришедший на выручку. Двое в форме стояли перед ним — поразительно одинаковые, оба держали в руках короткие пестрые палки. Один из них, приподняв шапку с большим картузом, вежливо сказал:

— Пройдемте, гражданин. Прошу не шуметь.

Второй, достав из-за пазухи какую-то бумагу, успокаивающе повторил: — Так будет лучше.

Мужчина успокоился, он вновь смотрел на окружающее глазами путешественника, в нем пробудились интерес и любознательность, раздражение отступило, и он совершенно спокойно спросил:

— Куда?

— Идем. Идем, — улыбаясь, повторил один из тех, что были в форме и взял его под локоть, тут же за другой локоть подхватил его и второй, легонько подтолкнул к выходу. Путник смирился; молча проследовали они мимо оцепеневших людей. На улице от раскаленного воздуха на миг перехватило дыхание, мужчина словно бы очнулся, в нем пробудился инстинкт самосохранения, все тело его напряглось, но в следующее же мгновение он почувствовал какую-то вялость. Сопровождающие его люди в форме, должно быть, даже не заметили этого секундного протеста. Они шли по улицам мимо карликовых угрюмых домов, возле одного из них замедлили шаг, вошли в дверь и очутились в узком темном коридоре. Перед низкой обитой кожей дверью остановились. Дверь изнутри открылась, и путник вошел в комнату. Сопровождающие же остались за дверью. Путник оказался в полутемной комнате с низким потолком, за спиной дверь бесшумно закрылась, и он физически, осязаемо почувствовал жуткое одиночество. Под грязным потолком висела такая же грязная лампа, слабый свет которой с трудом пробивался сквозь клубы висевшего табачного дыма. Привыкнув к этому свету,

111035940
518-1110333

мужчина увидел, что был не один. Это слегка подбодрило его. Комната была перегорожена надвое. С одной стороны ее было много народу, люди сидели на низких длинных скамьях или прямо на полу, все — в форме. Возле низкой дощатой перегородки сидел за столом человек, одна его рука лежала на телефоне, другой же он вертел карандаш и казался весь погруженным в дела; за перегородкой на большом деревянном чемодане сидел лишь один старик (путник вспомнил увиденных утром на вокзале старичков с такими же чемоданами) и смотрел прямо перед собой ничего не выражающими глазами. Тишина становилась невыносимой. Не выдержав, мужчина приблизился к столу и робко кашлянул. Служащий вскинул на него глаза и резко спросил:

— В чем дело?

— Да собственно ни в чем, — ответил путник, — Меня...

— Без дела не стоять, — строго сказал служащий, не отводя, однако, пристального взгляда.

— Меня... вот они привели, — мужчина хотел было показать, кто именно, оглянулся, но никого, кроме старика, не увидел, махнул рукой на перегородку. — Схватили и привели насильно.

— Насильно? — повторил служащий. — Вы сказали насильно?

— Да, сказал, — путник начинал уже злиться, — я подчеркиваю этот факт и ни за что его не прощу вашим сотрудникам или подчиненным, не знаю, кто они такие, — ярость прибавила ему силы и еще мелькнула мысль, что, быть может, это мистификация, разыгранная специально для него, для пришлого. Эта мысль его подбодрила и прибавила даже немножко дерзости: — Я категорически требую объяснить, что все это значит. Я путешественник, гражданин другой страны, у меня есть паспорт и виза, в конце концов. И, кроме того, я не привык к насилию. Поэтому требую объяснений. Вы должны отвечать за произвол своих подчиненных.

Строгий и серьезный в начале беседы служащий теперь уже откровенно издевался. Мужчина замолк, а чиновник почти весело заговорил:

— Погодите, погодите. Во-первых, в нашем городе путешественников не бывает... их попросту не существ-

вует, и вы должны были знать это. — Он очень похоже передразнил интонацию мужчины. — Если не знали, нас это не касается. Во-вторых: поскольку у нас нет путешественников, то у них нет и никаких прав, а раз вы находитесь в нашем городе, то обязаны, естественно, подчиняться нашим законам; а вы что натворили — грубо нарушили правопорядок, подняли в общественном месте дебош, оскорбили служащий персонал, и все это, что самое главное, в час отдыха!

Путник захохотал, чиновник молча смотрел на него.

— Гениально! — смеялся мужчина. — Вот так логика, вот это я понимаю... — Внезапно он умолк, а в комнате поднялся настоящий гвалт. Смеялись все, смеялись грубо, громко и усердно. Издеваются, — мелькнула у путника мысль. Только старик сидел спокойно, чинно дымя трубкой, словно в зале ожидания на вокзале. Путник с трудом взял себя в руки и стал терпеливо ждать, пока успокоятся присутствующие. Ждать пришлось недолго. Когда установилась тишина, он продолжил: — Послушайте... — заговорил он степенно, стараясь подбирать слова, — прошу дать мне возможность связаться с уполномоченным. Тут какое-то недоразумение, и он, думаю, разберется, — мужчина с удовлетворением отметил внезапно изменившееся отношение к себе и добавил смелее: — Как раз сегодня мы вместе завтракали, и он (вам, верно, известна его любезность) даже дал мне пригласительный билет, — мужчина достал из кармана приглашение и протянул служащему. Тот внимательно осмотрел билет, повертел его в руках и недовольно проговорил:

— Уполномоченный большой человек, надежный друг...

— Да, да, и надо сказать, чрезвычайно тонкий, образованный, — многозначительно поддакнул путник.

Служащий, не отвечая, пошел к двери и сделал приглашающий жест рукой.

— Пожалуйста, — сказал он, пропуская вперед мужчину, открыл дверь, они вышли в тот самый длинный темный коридор. — Сюда, пожалуйста, — служащий был явно недоволен. Открыв такую же обитую кожей дверь рядом, он пригласил путешественника туда. Комната эта разительно отличалась от первой — светлая, обставленная отличной дубовой мебелью, в одном из уг-

лов стояли два глубоких кресла, диван, низкий столик с хрустальным графином и бокалами на ножках, в другом углу большой письменный стол и книжный шкаф. Они сели в кресла. Первым заговорил служащий: — Да, уполномоченный... старший уполномоченный — большой человек.

— Да, разумеется, — охотно согласился путник, поудобнее устраиваясь в кресле. — Хотя, по правде говоря, я лишь сегодня познакомился с уполномоченным и, к сожалению, не знаю даже какие функции он выполняет. Не подумайте, пожалуйста, что это праздное любопытство.

— Если говорить кратко, уполномоченный изучает весь существующий материал о кадрах, а затем дает рекомендации, в общем он активно служит делу укрепления нашего общества. Пригласительный билет, который он дал вам, это своего рода рекомендация, поэтому я и пригласил вас в эту комнату, где нам никто не помешает и я смогу исчерпывающе ответить на ваши вопросы. Я являюсь начальником службы наблюдения, наш долг — собрать как раз тот материал, который затем рассматривают уполномоченные. Помимо этого, чтоб вы представили себе систему охраны общества (это на будущее), у нас есть еще и служба преследования, которая обязана вести борьбу с врагами народа.

Постепенно чужак начал злиться, но чтоб не выдать себя, старался сдерживаться.

— Не понимаю, почему я должен учитывать что бы то ни было на будущее, не думаю, чтобы у меня было какое-либо будущее в этом городе, ибо в ближайшее время, сегодня же, или завтра, спозаранку, я уеду отсюда. У меня мало времени. Кроме всего прочего, помнится, вы сказали одну странную вещь — путешественников, мол, у нас не бывает. Непонятно. Допустим, что у вас, в вашем, как вы изволите называть, обществе, не любят путешествовать, но я-то из другой страны. К тому же, по моему, да и не только по моему глубочайшему убеждению, путешествие — один из лучших способов как для культурного общения, так и для обогащения своих знаний.

Служащий терпеливо выслушал мужчину. Чувствовалось, что он не был расположен спорить, и когда пут-

ник замолк, сделал над собой усилие, чтобы дать следующее объяснение:

— Все ясно. Однако эти ваши рассуждения устарели, мы же создаем новое общество, поэтому всякую миграцию считаем одним из неблагоприятных факторов. Нам нужны постоянные кадры, кадры, с которыми мы могли бы вести систематическую работу; это и обусловило инструкцию (я говорю инструкцию, ибо, к сожалению, закон еще не утвержден, что, однако, вовсе не означает, будто мы хоть сколь-нибудь ограничены в правах и не можем действовать так, как посчитаем нужным), которая гласит: любой человек, кем бы он ни был, тотчас по прибытии в наш город автоматически считается местным жителем. Вот так. Вместе с тем (я думаю, вы хоть это знаете) никто не имеет права выезжать из нашего города. Я вижу, вы улыбаетесь... должно быть, вспомнили старичков, что видели утром на станции. И тот старик, что сидел в комнате, тоже выезжает завтра. Но для того, чтоб получить разрешение на выезд из города, нужно пройти множество инстанций и в каждой доказать, что ты покойник... Да! Да! Покойник в современном понимании этого слова, в совершенно новом смысле, то есть человек, лишенный способности воспринимать что-либо, пребывающий в полной апатии. Такое состояние обычно для одряхлевших с возрастом людей, но оно, к сожалению, не так уж редко и среди молодых... Конечно, все это кому-нибудь, на первый взгляд, может показаться наивным. Симуляцией одряхления обмануть нас невозможно. От нее мы надежно застрахованы. И вот как: за каждым горожанином со дня его рождения установлено постоянное наблюдение; скажем так: за каждым горожанином закреплен один наблюдатель, систематически поставляющий нужные нам сведения. Разумеется, можно подкупить наблюдателя, однако практически это исключено, ибо наблюдателями назначаются особые, выученные самим Кафа-Джао кадры. Если со временем объект наблюдения выходит из строя (как известно, человек — сложный, чрезвычайно сложный механизм), то по этому вопросу подается заявление в низший стадиум особой комиссии, где участковые уполномоченные внимательно изучают объект и представленные о нем материалы, дополнительно выделяются наблюдатель или даже наблюдате-

ли (в зависимости от ценности и значения объекта). За низшим стадием следуют нижний, полусредний, средний, высокий и высший стадиумы, заместителем председателя которого я и являюсь. Кроме того, вопрос дополнительно рассматривается самим Кафа-Джао. Вот та сложная и, я бы сказал, совершенная иерархия инстанций, которую должен пройти объект.

В начале этого своего монолога служащий говорил словно бы неохотно, но мало-помалу оживился, даже начал жестиковать при этом, но к концу опять сник и последние слова произнес устало, словно бы разочарованно.

Путник уже ничего не понимал, все это показалось ему чудовищной ахинеей. Поэтому он ничего не сказал в ответ, и когда служащий, вернув пригласительный билет, предложил ему вместе отправиться в Мраморный зал, молча покорно согласился.

День клонился к вечеру, но прохладнее не становилось, воздух был недвижим. Путник сказал:

— В моей стране тоже бывает сильная жара, но полудни задувает свежий ветерок. Я очень люблю наши летние вечера. Раннее утро и вечер, когда сердце вдруг начинает полниться любовью ко всему на свете... Но еще прекраснее в моей стране осень, когда наступают дивное многоцветие, все окрашивается в неповторимые цвета — деревья, трава, камни, воздух...

Коротконогий и коренастый служащий едва поспевал за своим спутником, вцепившись ему в рукав, он слушал, затаив дыхание.

— Хотя каждое время года в моей стране неповторимо и чудесно, — продолжал путник, — я все времена года люблю одинаково, представьте себе, все... Поздняя осень, время до наступления зимы, самое чудесное и печальное. Все вокруг — в блеклых, нежных тонах, как в чудесном сне, солнце драгоценным украшением висит в дымчато-синем небе. Улицы покрыты желтыми листьями, правда, одинокие листья все еще виднеются пятнами на некоторых деревьях, усеянных гроздьями воробьев... — Мужчина мечтательно улыбнулся. — Нет, воробьям еще не холодно, но они все же поеживаются в ожидании зимы и громко, в один голос щебечут. Достаточно малейшего звука, чтоб они враз за-

молкли и, тревожно вертя головками, слетели с дерева. Затем наступает зима, теплая, какая-то чистая... И хотя дует ветер, он только бодрит... э, эх...

Они пошли медленнее. Мужчина, занятый своими мыслями, не замечал оживления на улицах. А людей становилось все больше и больше. Заходящее солнце как-то неестественно удлиняло тени. Мужчина с удивлением заметил, как длинные, тощие тени мешались в беспорядке, сталкивались, пересекались. Служащий дернул своего спутника за локоть и тихо и быстро спросил:

— А весна?

Путник вздрогнул, настолько неожиданным был вопрос.

— Что вы сказали? — Он даже приостановился.

Служащий ничего не ответил, и они какое-то время молчали.

Мужчина размышлял о вопросе служащего, решив в конце концов, что он ослышался, а затем, вспомнив и утренний случай, заговорил сам.

— Вы рассказали мне кое-что относительно ваших... э-э... порядков. Мне хотелось бы знать больше. Ведь вы сказали, что я отныне считаюсь, так сказать э-э... вашим гражданином... Мне было бы интересно узнать, кто они, те, что ходят с ружьями, в ватных тулупах, кто они? Почему они так ходят? Для кого эти ружья?

Служащий оживился.

— Да, да. Ружья. Вы правы. Действительно, это лишнее — ружья, на взгляд чужака. Я хочу сказать — лишними они кажутся тому, кто не вник глубоко в механизм нашего общества. Правда, новая структура нашего города совершенна, то есть совершенна теоретически, но в практике еще много упущений. Да, мы не боимся признать это. Более того, у нас есть враги, неусыпные враги. Они умышленно, преднамеренно нарушают наши законы, не признают наших правил и, представьте себе, даже пытаются бежать отсюда. В таких вот именно случаях и действуют наши преследователи. Хотел бы отметить, — редко кому удается скрыться от их зоркого глаза и чуткого уха. Факт этот сам по себе чрезвычайно печален и как будто даже бросает тень на престиж нашего города, но что поделаешь! Подобные мероприятия пока необходимы, и мы не жалеем никаких

сил и средств для создания мощных когорт преследователей, чего мы почти уже достигли. Я в первую очередь упомянул внутренних врагов, так как от внешних, благодаря этим нашим когортам, мы почти полностью застрахованы. — Лицо чиновника выражало удовлетворение, он явно гордился могуществом своего города.

Мужчина с жгучим интересом слушал его. Удивительным было то, что все это перестало раздражать его. Станный, дикий смысл слов, которые с такой легкостью и гордостью произносил служащий, уже не резал слух.

— Да, все это понятно, во всех городах и государствах для защиты от врага имеются отряды, по разному именуемые в разных странах; они тоже вооружены как положено, но здесь... Мне кажется несколько странной их форма, да и снаряжение...

— О-о-о, — с чрезвычайно довольным видом протянул служащий, — именно в этом наша исключительность. И если угодно, оригинальность, это и обуславливает их силу. Я думаю, вам понятно. Для истинного преследователя никакого значения не должно иметь время года. Более того, обитатели нашего города совершенно уже не считаются с такими глупыми понятиями как времена года, которые свидетельствовали бы о их слабости. К сожалению, кое-кто еще склонен их принимать в расчет. Это — слабость, сударь мой. Что нам какое-то время года, это просто предрассудки, тем более для наших преследователей, которые составляют и авангард наш, и арьергард. Да... Вас заинтересовали ружья. Да, да, я понимаю, что вы имеете в виду, вас интересуют не ружья сами по себе, а, должно быть, готовность наших бойцов немедленно наказать виновных. Но, представьте себе, одно из главнейших достоинств наших преследователей... — Он не успел договорить, они смешались с группой людей.

Несмотря на то, что народу было много, порядок был идеальный. Все происходило само собой, как бы по взмаху палочки невидимого дирижера, длинная цепочка людей медленным шагом двигалась к низкому, из темно-коричневого камня зданию, у входа в который стояло несколько преследователей с ружьями. Они смотрели куда-то в пространство пустыми глазами. Мужчина оказался за спиной чиновника. Он внимательно

наблюдал за всем, стараясь не упустить ничего. Нет, странности, происходящие вокруг, явно ничего общего не имели со старинными обычаями и традициями или праздником. Все были очень серьезны. И если чужак внимательно приглядывался ко всему, он ловил на себе не менее внимательные взгляды окружающих. Цепочка медленно ползла вперед, шаг за шагом, и темно-коричневое здание невозмутимо заглатывало покорных людей, а стоящие у входа люди с ружьями были как бы когтями некоего безобразного чудовища, которое олицетворяло это строение. Сразу у входа начиналась каменная лестница, ведущая вниз в полутемный коридор, он был узкий и витой; таинственными казались звуки осторожных шагов, которые словно вторили биению сердца мужчины, вселяя чувство тревоги. От волнения все тело его горело, к горлу подкатил комок; он собрался было уже кашлянуть, но тут только обратил внимание на то, что в коридоре никаких звуков, кроме шарканья осторожных шагов, не было слышно. Наконец они вошли в большой зал. Обходя арену посередине зала, люди так же тихо и осторожно занимали свои места. На арене стояла покрытая ковром тахта, освещенная так искусно, что казалось, будто она светится сама; на тахте сидел маленький человечек, оцепеневший, словно сфинкс, с застывшим взглядом, свет, идущий от тахты, подчеркивал, вызывая какое-то внутреннее содрогание, его потухшие глаза. Зал постепенно заполнялся. В дверь все еще поодиночке просачивались люди, поэтому у входа образовалась толпа. Народу все прибавлялось; толпа уже колыхалась как море. Путник, как зачарованный, наблюдал за происходящим, потому что чувствовал, что это касалось непосредственно его — именно на нем рвалась цепь, созданная людьми — их языком, противоречиями, уступками. Он стонал, кричал, но крик его терялся в его же теле, и ему казалось, что его тело и было этим залом, в который можно спуститься длинными темными извилистыми коридорами, где любой зов останется без ответа.

— Это наш единственный недостаток, единственный и главный, нам не удалось еще довести муштру до такой степени, чтоб это... это безобразие не имело бы места... — скороговоркой шептал чиновник.

Но путник не слушал его, он смотрел на человека,

сидящего на тахте, который словно бы пробуждался от глубокого сна и, набираясь сил, медленно, словно повинаясь внутреннему ритму, покачивался.

— Кафа-Джао, Кафа-Джао, — шептал служащий, и в голосе его слышалось странное возбуждение. Сквозивший в нем страх назойливо резал ухо, отдавался в голове. Путник в сильном волнении следил за искусственно замедленными движениями человека на арене, которые рождали ощущение, будто на глазах у вас происходит чудо. Человек словно восставал из мертвых, оживая и собираясь с силами прямо на глазах. «Кафа-Джао, Кафа-Джао оживает у меня на глазах». Эта фраза, громко произнесенная мужчиной, вызвала волнение в притихшем зале. «Ш-ш, тише, тише», — в отчаянии дернул служащий своего спутника за рукав. Кафа-Джао встал с тахты, повелительно поднял правую руку, оттопырив мизинец, и некоторое время молчал. Затем негромко произнес:

— Вы правы, к сожалению, это так—мне каждый раз нужно оживать. Я существую только в вашем сознании. Я знаю и верю, что вы поклоняетесь моему имени, но этого недостаточно. Этого крайне мало для того, чтоб защитить и упрочить то новое общество, которое я создал для вас...

У Кафа-Джао был четкий резкий голос, слова он произносил по слогам, будто не говорил, а кидал кусочки льда в толпу. У слушателей слабела воля, слова его падали на мягкую, податливую почву, врываясь в сознание, они постепенно вытесняли всякие другие мысли.

Кафа-Джао умолк.

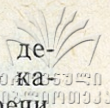
— Сегодняшняя моя лекция, — вновь заговорил он, — не содержит ничего нового. Это будет повторением старого. К счастью, я рано понял, что повторения необходимы. Беседовать с вами сейчас легче, ибо основные принципы вам известны... После лекции я устрою наглядную демонстрацию. Значит, так... Вы хорошо помните, в каком вы были состоянии несколько лет назад, когда я впервые пришел в этот город. К счастью, нашлось несколько человек, которые сразу поняли меня и оказали действенную помощь в создании нового, счастливого общества. Правда, впоследствии многие из них допустили грубые ошибки, нанеся тем самым ощутимый вред распространению новых идей, однако мы

своевременно выявили их преступные ошибки... Но нынче речь не о них.

Какое значение имеет новое общество нашего рода? Неужели дело лишь в том, что мы первые? Нет!.. Первое это еще не значит новое, лучшее. А мы создаем лучшее общество. Это и есть главное. Если ты твердо уразумел это, то никакие трудности уже не страшны... Основы, на которых зиждется наше общество, и являются главным предметом изучения. Конечно, знание принципов не означает знания основ. А если хочешь достичь цели, иначе говоря, попасть в самую точку, ты должен ясно видеть мишень. Это — необходимое условие... В противном случае все будет зависеть от случайности, вероятности...

Кафа-Джао делал частые паузы. Пауза длилась долго, докладчик словно бы выжидал, пока в сознании слушателей слова его выстроятся в мысль, и каждая займет предназначенное ей место, затем продолжал высоким резким голосом, обладающим удивительной, завораживающей силой.

— Когда речь заходит о нашем новом обществе, на первый план, друзья мои, выступают взаимоотношения между дрессировщиками и теми, кого они дрессируют. Тут очень нужны осторожность и внимание. Взаимоотношения эти в некоторых, я бы сказал, в большинстве случаев строятся неверно. Именно здесь проявляется незнание основ нашего общества. Друзья, мы стоим на демократических началах. Многих смущает слово демократия, но почему? Ответ один — демократию они понимают в старом значении, мы же придали этому слову новое звучание. История происхождения этого слова общеизвестна, с течением времени это слово утратило свое первичное значение и стало означать свободу личности. Но что такое свобода личности? Это выражение, друзья, цинично! Кого подразумевать под личностью и как личность может быть свободной, если ей неизвестно, что такое свобода? Быть может, это неразумная трата времени или бесцельное скитание? А может, преступление? Или неограниченная свобода слова и действия? Нет и еще раз нет, друзья мои. Демократия, в нашем понимании, это — прокладка верного пути массам под разумным руководством, демократия — это когда массы по своей воле подчиняются избран-

ным представителям человечества. Вот что такое демократия! Вот новое понимание этого слова и ни о какой «свободе слова и действия» не может быть и речи. В противном случае, мы будем топтаться на одном месте, будем лишены средств производства, будем вынуждены заботиться только о себе, об удовлетворении своих мелких запросов... Система дрессировки, которую я вам предложил, это невиданная, совершенная система. У нас есть отличные мастера муштры как в области обороны, так и в бытовом обслуживании, в деле охраны порядка и во многих других областях, которые я не стану тут перечислять. Однако между этими лучшими кадрами заметна некоторая несогласованность. Хоть эти разногласия весьма незначительны, они все же влияют на дрессируемых. И что за этим следует? Недоверие, друзья! Недоверие — это тот червь, который проникает в самую сердцевину. Первые признаки недоверия проявляются в том, что уже и среди дрессируемых появляются свои дрессировщики, активизируются тенденции самовольного выдвижения, и этого допускать ни в коем случае нельзя... Часто сама дрессировка бывает низкого качества. Это — прямой результат всего того, что я сказал. Хочу сказать и то, что наши дрессировщики испытывают раздвоение, печально то, что оно происходит помимо их воли. Знаете, чем это нам грозит?! Эти почти незаметные симптомы грозят нам катастрофой! Именно поэтому я и решил устроить сегодня методическую лекцию. Неужели вы не задумываетесь над тем, почему так участилась симуляция смертных случаев в нашем городе? Почему прибавилось работы нашим преследователям?! А ведь не так давно у наших преследователей почти не было дел. Предупреждаю, друзья, надо глубже вникнуть в наше сегодняшнее положение и кардинально улучшить работу, дабы избежать катастрофы. Иначе будет поздно. Катастрофа губительна, ибо дело, за которое мы взялись, потребовало в начале больших жертв, а этого нам массы не простят. Массы не любят приносить жертвы.

Воцарилось тяжелое молчание. Мужчина думал о том, что этот зал похож на огромную гробницу, где люди захоронены по своей воле, а голос Кафа-Джао сулит ужасы ада. Размышления путника были прерваны голосом Кафа-Джао:

— Массы не любят муштру... Массы глупы и предпочитают свою эфемерную свободу моей истинной, спасительной свободе. — Голос Кафа-Джао словно бы изменился, он был совсем другим. Сама последняя фраза была какой-то совершенно иной, не той, что произносились в этом зале для бессловесных слушателей. Словно кто-то в течение вечера спорил с Кафа-Джао, мешал ему и в конце концов заставил произнести эту последнюю фразу.

На арену один за другим вышли двенадцать человек, вышли и столпились в кучу; один из них упал, вставая, случайно сбил с ног другого, остальные слонялись без толку, спотыкались о тех, кто лежал, не давая им встать, и падали сами. Вскоре на полу образовалась куча тел, она беззвучно извивалась, некоторые вставали, снова падали, размахивая руками. Кафа-Джао в глубоком раздумье стоял спиной к ним. Потом он сказал:

— Вот вам свобода действий. Я не давал им еще свободы слова, поэтому они пока молчат.

Кафа-Джао щелкнул пальцами. Сразу же к нему подбежал какой-то человек, подал короткую кожаную плеть и кусочек сахара. — А вот вам и свобода слова, — сказал он, щелкнув кнутом. «О-оп!» — неожиданно резко выкрикнул он, и в тот же миг в зале поднялся страшный гвалт. Вытянув в сторону руку с кнутом, Кафа-Джао смеялся. Потом он несколько раз снова взмахнул кнутом и во внезапно наступившей тишине крикнул: «Алле, оп». Двенадцать человек на арене тотчас расположились полукругом за спиной Кафа-Джао.

— Вот вам два маленьких примера, — смех Кафа-Джао был очень неприятен.

Это было похоже на обычное цирковое представление. Дрессировщик был одет в костюм из блестящей ткани, какие обычно надевают артисты цирка (путник поздно заметил это). В одной руке он держал кнут, а в другой — кусочек сахара и с их помощью заставлял свою группу проделывать разные трюки. В стране, откуда родом был мужчина, в цирке так показывали маленьких белых собачек, которые ходили на задних лапах, прыгали через кольцо по очереди, делали сальто, стойку, считали на счетах и делали еще многое другое.

После очередного трюка дрессировщик незаметно для зрителя давал сахар дрессированному, тому же, кто не подчинялся, кнутом обжигал ноги. Это было подобно кошмару. Зрелище обрело чудовищный лик. Оно ползло из арены, словно многоногое пресмыкающееся, и надвигалось на ряды зрителей, давя их своими когтистыми лапами, лишая их способности к сопротивлению.

По выходе из зала после представления люди отталкивались друг от друга, как одинаково заряженные частицы, между ними образовывалось безвоздушное пространство, каждый из них, казалось, беспомощно повис над бездной страха и одиночества...

Сзади, совсем близко, слышалось тяжелое дыхание. Справа под склоном горы чернела вода. Слева наперерез бежали две согнутые, горбатые тени. Это было как во сне, когда падаешь со страшной высоты... Это было как во сне, когда бежишь от преследователя и не можешь убежать... и не можешь убежать. Но то, что случилось потом, уже не походило на сон. Посреди дороги стояла горбатая фигура и чужак изо всех сил бежал на нее. Фигура все увеличивалась и теперь уже ясно можно было различить ее узкую голову, длинные руки и ружье, ствол которого зловеще поблескивал при свете звезд.

1971 г.

Яма

МЕДВЕДЬ хромя сбежал по косогору и остановился у ручья. Здесь у большого скользкого валуна ручеек образовывал небольшую заводь и, круто сворачивая, с тихим журчанием бежал под откос.

Овражек этот, казалось, был вырублен в лесу, и впечатление это усиливали торчащие из-под земли причудливо переплетенные корни деревьев. От влажной земли, согретой лучами весеннего жгучего солнца, шел пар. Там, где остановился медведь, склон был более пологим и каменистым. На краю оврага внезапно появилась собака, желтая облезлая, остановилась как вкопан-

ная и с напряженным интересом стала следить за медведем. Она не смела приблизиться к нему, но и уйти не могла.

Медведь, подняв тяжелую голову, на мгновение замер, прислушиваясь, нагнулся к ручью, с шумом втянул в себя воду и вновь огляделся. Сознавая свою беспомощность, собака тихо поскуливала, но не приближалась. Медведь снова с хлюпаньем выпил прохладную лесную воду и, не торопясь, сильно прихрамывая, скрылся в чаще. Собака подбежала к тому же месту, поспешно напилась воды, а затем, стараясь не упустить след медведя, бросилась за ним.

Обессилевший зверь уже давно кружил по голодному весеннему лесу. Он чуял, что пища где-то близко, но инстинкт и резко обострившееся чутье гнали его прочь, в глубь леса. Кора деревьев, которую он изредка грыз, не утоляла невыносимого, доходящего до боли чувства голода. Он попробовал было погнаться за собакой, но она оказалась проворнее. Поняв, что она ему не по зубам, он потерял к ней всякий интерес. Но с той минуты запах собаки, невыносимо возбуждая, не покидал его. Выйдя на опушку леса, медведь учуял едва уловимый запах пищи. Он замер, жадно вдыхая его. Подул ветерок и принес с собой издали резкий дух, означавший опасность. Страх и ярость овладели всем существом зверя, он весь напрягся, загривок вздыбился. Сердито сопя, он мотнул тяжелой головой и вновь ушел в глубь леса, ослабший, изнуренный. Собственная плоть подводила его, не давая возможности двигаться осторожно и бесшумно, как тяжелую ношу тащил он больную лапу, оставляя следы на шуршащей прошлогодней листве. Запах пищи преследовал его, не давая далеко уйти и, покружив по лесу, он вновь вышел на опушку. Тут он был резче, этот гипнотизирующий запах. Набежавшая слюна толстыми тягучими каплями стала стекать с бурой морды медведя. Не имея больше сил уйти от этого запаха, он залег тут же, в частом кустарнике. Откуда-то издали доносились до него невнятные голоса — там было село. Но то, от чего шел резкий дурманящий дух, было близко, совсем близко. И этот дух властно подчинил медведя: он решился и, почти распластавшись по земле, пошел на него. Осторожно высунув из кустарника плоскую треугольную голову, он увидел на

лучайке перед опушкой леса белую корову, вокруг не было ни души. Внезапно она медленно подняла голову и, вытянув морду, протяжно замычала. Неодолимая сила потянула туда медведя. Но тут до его слуха донеслось яростное рычание. Между медведем и коровой стояла, вся дрожа и оскалившись, желтая облезлая собака. Так они стояли какое-то время, медведь и собака, окаменев от страха, ярости и отвращения друг к другу. Опять протяжно замычала корова, медведь мельком посмотрел на нее, прикинул расстояние между коровой и собакой, упрямо мотнул головой и неторопливо, с ленцой вновь повернул в лес. Собака несколько раз с силой царапнула землю задними лапами, затем, осторожно обнюхивая все вокруг, приблизилась к тому месту, где стоял медведь. Покружила у дерева и бесшумно двинулась в глубь леса. Они уже давнѸ ходили вокруг села, охрану которого, не колеблясь, взяла на себя бездомная собака. Медведь было зло, угроза селу, где не ведала ни ласки, ни тепла желтая облезлая собака. Но безотчетная преданность месту, где научилась она всяким уловкам и хитростям, доведя до совершенства искусство добывания пищи, упрямо гнала ее теперь по следу зверя. Один раз она потеряла след, бежала почти вслепую и вдруг наткнулась прямо на своего врага. Эта встреча была неожиданностью для обоих. Собака, которую жизнь многому научила, оказалась сметливее и находчивее — она стремительно отпрыгнула, шерсть у нее стала дыбом, поджав хвост, вся натянутая как струна, она зло смотрела на врага. Медведь от неожиданности присел на задние лапы и утробно зарычал. На этот раз первым уступил медведь, он повернулся и, хромя, с пыхтеньем побежал в лес. Осмелевшая собака некоторое время преследовала его, яростно лая, но затем одумалась — враг был намного крупнее и сильнее.

Село было тихое и спокойное, дни здесь текли неторопливо, без происшествий, ничто не нарушало их мирного течения. Поэтому хозяин и оставлял корову пастись одной. К вечеру она по зову приходила к знакомой калитке, но потом перестала делать и это — встречала утро там, где ее настигала ночь. Этот вечер был таким же, как предыдущие, спокойным и безмятежным. Медленно настала тихая ночь. Привычные звуки плыли в сумерках, мир и покой разлились окрест. Корова еще

раз протяжно и печально замычала, затем с тяжелым вздохом грузно опустилась на влажную теплую землю. Казалось, ничто не грозило оставшейся в одиночестве белой корове.

В ту ночь я сидел на широкой веранде дома, откуда открывался вид на уютное, мирное село. Я никогда не чувствовал столь счастливого одиночества. Мир притих в удивительно бесконечной гармонии, тихая ночь нежно ласкала меня, вдали виднелись безоблачные сумеречного цвета горы, за ними — заснеженные вершины Кавкасиони, сияющая синева которых сливалась с темной синевой неба и яркими звездами на нем. Медленно плыла ночь... Внезапно тишину прорезали ужасные звуки. Ошеломленный, я выскочил во двор. Откуда-то послышался визг собаки. Опять раздался протяжный, полный обреченности рев. Это был зов о помощи, зывали ко мне, только ко мне — и я, не раздумывая, побежал. Пробежав проулком к опушке леса, я увидел несущуюся прямо на меня белую корову. Она остановилась возле меня, пригнув голову и выставив рога. Ужасный рев, который она издавала, превратился теперь в беспомощный стон.—Эй,—окликнул я ее,—эй! И тут вдруг увидел окровавленный вспоротый бок, из которого свисали клочья мяса. Большие слезы текли из полных страдания и боли глаз коровы. Она тихо и жалобно мычала. Гнев и жалость обуяли меня. Где-то дважды прогремело ружье, и звуки эти словно бы подтолкнули меня — туда, скорей туда...

К лесу бежал человек с ружьем. Дикая радость охватила меня, стало свободнее дышать. Человек кричал: Медведь, там медведь! Я догнал его и тоже кричал: Где он, где? Я хотел увидеть его, поймать и задушить голыми руками. Удрал, сукин сын, опять удрал, — человек остановился на опушке леса, он тяжело дышал, но был спокоен, успокоил и меня. — Я попал в него, точно попал, я хорошо стреляю, но сейчас идти за ним в лес нельзя, он сидит, верно, где-нибудь в засаде. Хитер, черт. Это тот, которого я подранил в прошлом году...

Оглянувшись, я заметил на лужайке собаку, она была мертва. Я с отвращением смотрел на искромсанное, изуродованное тельце. Так и не смог потом стереть из памяти освещенную бледным светом луны, странно изогнувшуюся, с вывороченными внутренностями мерт-

вую собаку. Вздумала тягаться с медведем, несчастная, — усмехнулся мужчина. В желтой оскаленной пасти собаки виднелся клочок бурой шерсти. — Нет, преследовать его сейчас не имеет смысла. Если он ранен, заляжет, верно, где-нибудь поблизости, утром найду его по следу, если же нет, со страху теперь далеко уйдет из этих мест.

Мужчина широко зашагал по тропинке к ферме. Вдруг он остановился и разрядил ружье в сторону леса. От неожиданности я отпрыгнул в сторону, поскользнулся и чуть было не упал. Мужчина коротко рассмеялся: Чего испугался, чудак?! Он протянул мне руку, и я почувствовал, какая сильная у него была рука. — Надо, чтоб он слышал выстрелы, иначе этот бандюга еще натворит дел, выстрелы отпугнут его.

Возвращались в село на рассвете. Мужчину звали Сашей. Ночь, проведенная на ферме, сблизила нас. Пастухи угощали нас водкой и шашлыками. У костра вместе с нами сидели угрюмые, полные собственного достоинства огромные псы. Они внимательно приглядывались к нам, чужакам. Разговаривал Саша степенно, неторопливо, со скрытым юмором, и пастухи с удовольствием слушали его, сдержанно улыбаясь шуткам. И словно бы ничего не случилось, так же тихо плыла ночь, бездонная тишина так же царила над миром, и я, одурманенный водкой и тишиной, блаженствовал у весело потрескивающего костра.

На обратном пути мы вновь остановились возле уже обсиженного тучами мух тупа собаки. На земле явственно виднелись следы ночной борьбы. Шагов десять протащил медведь вцепившуюся в него собаку. Видимо, она налетела на него сзади и изо всей силы впилась острыми зубами в лапу. Яростно сжав челюсти, она не отпускала, и тогда, света не взвидев от боли, медведь ударил ее лапой. И собака завизжала, заскулила, позвала на помощь. А медведь лупил и лупил ее. Кровь опьянила его, напоследок он вонзил клыки в живот собаки, в это время и прогремел выстрел. Пуля так же угодила в него, уходя, он уже едва тащил свое огромное тело, тащил его в лес, единственное свое пристанище и спасение. Это все было видно по следам на земле, все было написано на ней. Крупные капли крови ве-

ли в густой кустарник, затем они тянулись по следу зверя уже непрерывной полоской.

Косые лучи солнца пронизали густую листву деревьев, когда мы вошли в лес. Опьяненный странным истерическим азартом, я потерял чувство времени. За каждым кустом, за каждым деревом мне чудился сидящий в засаде кровожадный зверь. Саша безошибочно и уверенно шел по следу, шел легким стремительным шагом, временами останавливался, прикладывая палец к губам, затем вновь быстро и бесшумно продолжал идти. Внезапно лес кончился, вернее, мы очутились у края каменистого овражка, прорезающего его. На камнях еще отчетливее стала видна полоска крови. И там, на дне овражка, у огромного скользкого валуна лежал медведь, нет, не лежал, а был распростерт у большого мшистого камня. Идущий впереди Саша предостерегающе поднял левую руку, правой же удобнее взял ружье, уперев приклад под мышку, и спустил предохранитель. Мгновение спустя он сказал: Подышает. А затем: Он уже не опасен. Мы приблизились. Медведь часто и тяжело дышал, в открытых, полных тоски глазах угасала жизнь. Остановившимся взглядом он смотрел на лес. Медленно, мучительно уходила из него жизнь. У открытой его пасти роились большие зеленые мухи. Саша приставил дуло ружья ему под лопатку и выстрелил. Тело медведя дрогнуло, с недовольным жужжанием взлетели было мухи, но тут же вновь уселись у открытой пасти, у все еще живых глаз. Грех так оставлять, — тихо промолвил Саша и отошел. А я стоял и не мог оторвать глаз от жирных, роящихся возле пасти медведя мух.

До села мы шли молча. Он — впереди, незнакомый, чужой, шагал бодро и весело, пытался свистеть, правда, неумело, но старательно. Получалось что-то непонятное и не очень приятное. Он свободно нес свое крепко сбитое тело, сильными кривыми ногами ловко перепрыгивая с камня на камень. У него была могучая толстая шея, и я мстительно подумал, как было бы хорошо, если бы на нее села жирная зеленая муха.

В селе царило оживление — готовились к пиршеству: кто ставил палатку, кто хлопотал у больших котлов, кто нес сыр, хлеб, вино. Особенно старался хозяин коровы: все обернулось как нельзя более выгодно для

него — деревня собрала половину стоимости коровы, а пир готовился сообща. Крестьяне, гордясь своим единством, с редкостной деликатностью и предупредительностью обращались друг с другом. Задним числом я думаю, разве было что в этом дурное, или как по-другому могли поступить эти люди?! Нет, все было, наверное, абсолютно правильно. Но почему же тогда мной овладело чувство отвращения, от которого я потерял голову?!

Долго и нудно вспоминали они, какая именно собака увязалась за медведем, и не могли вспомнить. Сошлись на одном: собака есть собака. Не знаю, что за сила заставила меня сделать это, не знаю, но я вдруг дернул за край палатки, в которой мы все сидели, и половина ее рухнула вовнутрь: послышался звон посуды. Меня пытались схватить, рвали на мне одежду, колотили по чему попадая — помню, высокий визгливый голос все повторял: Вишь, сукин сын, какой буйный! И еще помню низкий, хриплый голос прямо в ухо: Придушу, ублюдок, придушу!..

На следующее утро под жалостливыми взглядами сельчан я сел в старенький грязный автобус, идущий в город. Меня настойчиво преследовала одна и та же картина: остекленевший в бесконечном страдании и печали глаз медведя и у открытой пасти рой жирных зеленых мух, там, в тени большого мшистого валуна, где склон овражка становился пологим и ручеек образовывал заводь, затем сворачивал и с тихим журчанием бежал под откос.

II

И прошло много времени.

Однажды, не зная почему, нахлынула на меня вдруг беспричинная тоска. Поначалу я принял ее за скуку. Помню даже тот день, когда она пришла. За столом сидели неплохие ребята, застолье шло своим ходом, с чудесными песнями и разговорами. Но меня внезапно обуяла тоска, она поглотила меня целиком и заставила уйти, не дав досидеть за столом.

Со временем тоска эта превратилась в тревожное предчувствие, я не находил себе места в огромном городе, среди друзей и близких. Сочувствие их меня раздражало, вопросы пугали, я пытался обрести утрачен-

ное спокойствие в общении с посторонними, полужнакомыми людьми. Так было до того вечера, когда, изнуренный бессонными ночами, я внезапно погрузился в сон — словно кто-то извне погасил мой разум. Но тоска не покидала меня и во сне, она ворочалась во мне и, вынудив меня вскочить на рассвете, погнала из дому. Крадучись, я вышел. В бледном свете замерли окутанные туманом безлюдные улицы. Звук собственных шагов казался чужим и далеким. У перекрестка я остановился и недоверчиво оглядел притихшие улицы — густой толстый слой тумана стлался над землей. На злой чудной сон походило это раннее утро. Из тумана выплывали качающиеся, с размытыми очертаниями слепые дома. Я оглянулся и возле одного из домов увидел какую-то тень, бесформенную и бесшумную. Сердце мое на мгновение сжалось и заледенело, но тут же бешено забилося, я почувствовал дурноту и прислонился к стене дома, возле которого стоял. Украдкой посмотрев в ту сторону, я вновь увидел ее — бесплотную, кривобоковую. И это тоже было как злой сон — я хотел закричать и не смог, хотя чувствовал, как из меня рвется какой-то звериный крик. Я был уверен, что отогнать эту проклятую тень можно только криком. Я сразу же понял, что это было. Это был рок. Кричать я не мог — у меня не было сил, сила была у нее. Я взял себя в руки и, стараясь придать себе уверенный и деловой вид, повернулся и пошел. К духану Читава уже сходились постоянные клиенты. Один из них что-то спросил у меня, я приостановился, воровато оглянулся и успел заметить, как тень скользнула в маленький скверик, некоторое время она стояла за деревом, словно тоже скрывалась от меня, затем перебежала к дому на противоположной стороне и, прислонившись к стене, замерла. Может, мерещится мне все это? — подбодрил я себя, но в следующую минуту, боясь оглянуться, уже почти бежал к площади.

Слепо следующая за мной тень исчезла. Затихала тревога, но покой был утрачен, какая-то неведомая сила гнала меня вперед, к неосознанной цели.

День уже клонился к вечеру, а я все еще бесцельно слонялся по городу. Голод и усталость напомнили мне о доме, но мысль эта тотчас затерялась среди множества других. Сумерки сгустились как-то сразу, наступила ночь. Ко мне вдруг вернулись спокойствие и способ-

ность воспринимать окружающее — я услышал запах хвои и нагретой земли и увидел, что иду по лесу, вернее, по асфальтированной дороге, проложенной в лесу. Город вдаль со сверкающими светлячками огней был как праздник. Я совсем уже было успокоился, как вновь увидел проклятую тень. Тревожно забилося сердце, я прыгнул в сторону и притаился в густом кустарнике. В тишине явственно слышалось чужое дыхание, кто-то сопел прямо за моей спиной... и я побежал. Откуда только взялись силы — я бежал сломя голову под гору. Колочие ветви били меня по лицу, я упал и покатился, больно ударившись о дерево, тотчас вскочил, словно подброшенный пружиной, и снова помчался и внезапно полетел в пустоту. И все...

Медленно, словно издалека возвращалось ко мне сознание. В первый момент я почувствовал страх, страх, который испытал во время падения, потом услышал тишину — она громко звенела в ушах. Следом явилась боль. Хотя, быть может, я все осознал разом. Невыносимо болела нога. Я осторожно ощупал ее: как будто ничего — перелома не должно быть. Я присел, затем осторожно попытался подняться, поднялся, стараясь не тревожить больную ногу, но стоять без опоры не смог. Вытянув вперед руку, я уперся в стену и почувствовал, как осыпается под ней земля. Я понял, что угодил в канаву. В кромешной тьме я побрел вдоль стенки, долго ходил по мягкой сырой земле, стараясь ставить на пятку ушибленную ногу, шел медленно, спешить было некуда, изредка рукой натыкался на торчащие корни деревьев. Порой я останавливался и смотрел вверх — надо мной в темно-синем небе безмятежно сияли звезды. Вдруг рука моя коснулась шершавой поверхности — доска, рядом другая... Значит, тут работают люди. Слегка успокоившись, я без сил опустился возле досок на корточки. Я безумно устал и уже ничего не соображал. Там же возле досок я и уснул.

Проснулся я от какой-то колющей боли в боку. Подняв голову вверх, я увидел, что на краю канавы стоял мужчина с длинной палкой в руках, этой палкой он и ткнул меня в бок. Я невольно прикрыл глаза рукой — чистое, сияющее голубизной небо ослепило меня. Почувствовав себя отдохнувшим и полным сил, я ухватил-

ся за палку и поднялся на ноги, но тут резкая боль напомнила мне о прошедшей ночи. Я огляделся и увидел, что нахожусь в яме, в глубокой яме. Мужчина наверху стоял, раскорячив ноги, снизу они казались непомерно длинными, а туловище — маленьким. Я почувствовал радость и вместе с тем неловкость, словно меня застали врасплох: ничего, пытался утешить я себя, то ли еще бывает. Надеюсь выкарабкаться с помощью палки, я удобнее ухватился за нее, но тут же понял, что не смогу этого сделать с больной ногой.

— Этой палкой мне не помочь, дружище, — сказал я с извиняющейся улыбкой, — я подвернул ногу. Может, найдешь лестницу или веревку?! Лучше веревку, крепкую и длинную веревку, чтоб обвязаться вокруг пояса. Если приведешь еще кого-нибудь, вдвоем вы за просто вытащите меня.

— Хочешь подняться... — тусклым невыразительным голосом сказал мужчина, то ли спрашивая, то ли утверждая. Шутит, мил-человек, подумал я. Голос показался мне знакомым, повеселев, я крикнул:

— Слушай, ты кто?

— Хочешь подняться, — снова повторил он, и это уже не было похоже на шутку, но мне все же хотелось думать, что он шутит.

— А ты думал, я здесь поселился?

Не успел я закончить фразу, как он вырвал у меня из рук палку. Это было настолько неожиданно, что я не успел выпустить ее из рук и вогнал себе занозу в ладонь. Подпрыгнув, я попытался поймать выскользнувший из рук конец палки, но у меня ничего не вышло, зато нога разболелась с новой силой. Меня терзала досада, я был, наверное, смешон и жалок. Я прислонился к стене и молча смотрел вверх. Мысль лихорадочно работала: кто это, боже, кто это, какой знакомый голос... Мужчина исчез. Ушел. Я стоял, замерев, весь превратившись в слух. Тишина, ужасная тишина звенела в ушах...

— Эй, помогите кто-нибудь! — изо всех сил кричал я и чуть было сам не оглох от собственного голоса. Он, верно, был слышен далеко вокруг. — Эе, эгей, эгей! — кричал я, кричал долго, пока не запершило в горле... Затем замолчал и прислушался — замолк последний отголосок и воцарилась гнетущая тишина. Мной цели-

ком завладела одна мысль — мне очень важно было узнать, кто этот человек и где, собственно, я нахожусь. Или вернее, с горечью поправил я себя, где и кем была вырыта эта яма. Теперь главное было узнать, кто он! Кто подстроил все это? И сколько может длиться этот глупый бессмысленный розыгрыш? Внезапно мне стало стыдно за свои панические вопли, кому-то, видимо, очень хотелось услышать, как я взываю о помощи. Я попытался припомнить, сколько времени я бежал по лесу и в какую сторону бежал. Я ясно помнил, что находился в Худадовском лесу и шел в сторону Кукийского кладбища. Я был на полдороге, когда увидел эту треклятую тень. Сколько же времени я бежал?! Пять минут? Наверяд ли, я бы и минуты не выдержал, какой из меня спортсмен? Я пробежал, наверное, не больше сотни-полторы метров в сторону Нахаловки. Значит, я тут же у дороги, буквально в двух шагах от нее. И все-таки, кто этот ублюдок?! Почему мне так знаком голос?..

— Эгей-е-ей!.. — неожиданно для самого себя закричал я и прислушался. В тишине явственно слышался какой-то едва различимый гул, далекий, очень далекий. Я догадался, что это шумит город.

— Эге-е-ей!.. — рвался помимо моей воли крик. Меня вновь обуял дикий страх. Придут, обязательно придут, уговаривал я сам себя, не бойся. Но тут вспомнил кривобокую, безмолвную тень, и мне стало жутко. Не бойся, кто-нибудь обязательно придет, дорога ведь рядом, люди ходят, придут, придут... Я попробовал было снова закричать, но голос тут же оборвался. Шло время. По-прежнему ослепительно сияло небо. А я валялся на дне глубокой ямы, одинокий и несчастный. Острая жалость к себе охватила меня, болела нога. Я медленно присел на корточки, поудобнее прислонился к стене и стал смотреть в небо, где буйствовала лазурь. Нет, яма не очень глубокая, если бы она была очень глубока, отсюда и днем видны были бы звезды, ведь известно, что в старину днем из глубокого колодца велись наблюдения за звездами. В конце концов выберусь сам, пошли все к черту! Дудки, пусть не воображают, что я остался тут навсегда, выберусь и узнаю, кто все это подстроил. И чего я так испугался? Какой-то тени!

И в самом деле, у страха глаза велики. Все же интересно, кто это был? Боже, помоги вспомнить, чей это голос! Да я запросто отсюда выберусь! Тот, кто рыл эту яму, надо полагать, выбрался из нее — выберусь и я. Но все же кто это был? Нет, я определенно болен, и болен давно, надо бы сходить к врачу... У этого типа, вероятно, была лестница. Да, кто же это все-таки был? Я хотел пить, от жажды язык прилипал к гортани. Эге-ей... — попробовал было я свой голос, но ничего не вышло. Потом, кажется, я задремал, потому что очнулся уже в полной темноте. Сперва мне показалось, что я продолжаю спать, потом что-то замерцало на краю ямы, бледное это мерцание стало медленно приближаться. Я попробовал было подняться, но онемевшие члены не слушались меня. Огонек приблизился и повис надо мной в воздухе. Наверху обозначилось чье-то бледное, размытое лицо. Я здесь, — услышался знакомый голос. Свет вновь стал приближаться, а лицо отдалялось и на фоне темнеющего неба казалось грязно-желтым пятном. Послушай, кто ты? — проговорил, вернее, прохрипел я. Я не отрываясь смотрел на огонь, он просто приковал к себе мой взгляд. Медленно, плавно покачиваясь, он продолжал спускаться, трепещущий нимб его слабо освещал корявые стенки ямы с вросшими в них корнями, в зыбком свете больше напоминающими змей. Может, все-таки скажешь, кто ты, — повторил я, — вот выберусь отсюда, не поздоровится тебе! Передо мной покачивалась спущенная на тонкой веревке керосиновая лампа, тень от моей руки металась на стенке ямы. Лампу я поставил на ладонь левой руки, правой осторожно придерживая ее. Лица моего коснулось тепло, исходящее от лампы, веревка легко скользнула на мое плечо и обвисла. Я судорожно сглотнул слюну и почувствовал, как прочистилось горло. Эй! — голос окреп, в нем даже чувствовалась угроза, но я тут же понял, что наверху никого нет. Ушел. Внезапно на меня напал смех, я весь трясся от смеха, но ничего не мог поделать с собой. Я снова крикнул, но вместо крика получилось какое-то дребезжащее хихиканье. Я ослабел, очень хотелось пить. От сиденья на корточках затекли ноги, приподнимаясь, я сделал упор на ушибленную и невольно застонал от боли. Жалобный этот стон, казалось, вернул меня к жизни. При свете лампы мне удалось хо

рошо рассмотреть яму. Она была круглой, не больше шести шагов в ширину, казалась очень чистой, словно ее специально вычищали. Но все это ничего по сравнению с тем, что только сейчас приковало мое внимание — большие неоструганные доски, скрепленные двумя грубыми косыми рейками. Для меня уже ничего кроме этих досок не существовало. Я увидел, что то была дверь. Она открылась с ленивым скрежетом, я вошел в небольшую сухую и тихую пещеру и поставил лампу на пол, круглый луч света уперся в сводчатый потолок. Я оставил там лампу и вышел.

Луны не было, но темное облако засеребрилось с одного бока, и небо просветлело. Послышался шум поезда и дальний рев электровоза — у меня забилося сердце. Я представил себе в ночи выгнувшийся дугой поезд с ярко освещенными окнами. И снова заметалась мысль: кто это был? Чей это голос, чей, чей? Нет, я никого не вспомнил, никто не пришел мне на ум. Возникло смутное ощущение злости и в то же время спокойствия. Реальностью было время, которое не двигалось, и ночь — сплошная ночь... Помню однажды, очень давно, я испытал такое же чувство. Прислонившись к стене ямы и глядя в небо, я медленно вспоминал то далекое время. Не знаю, что привело нас тогда в планетарий на фуникулере. Помню небритого билетера, сидящего перед входом на складном стуле, между колен у него лежали костыли с вылезшей из подмышников грязной ватой, в руках он держал рулончик билетов. Заходи, заходи, — почему-то сердито сказал он. Мы вошли в дверь и очутились в маленьком с высоким сводчатым потолком зале. Помню плохо выкрашенные, в грязных пятнах, исцарапанные стены и побеленный потолок. Это было как чудо, что во внезапно наступившей темноте маленький зал смог вместить целую вселенную. Над нами вдруг разверзлось небо. Безграничное пространство черной ночи прочертил Млечный путь, зажглась Большая Медведица. И я остался совсем один. Никого, кроме меня, не было в этой бескрайности, и тогда, я помню, все мое существо охватил всеобъемлющий, неизведанный дотоле страх. Еще долго потом я не мог вернуться в свое привычное бытие, пока полностью не прошло то чувство одиночества, которое ощутил я тогда в крошечном зале планетария.

Войдя в пещеру, я вытянулся на мягкой земле рядом с лампой и лежал в оцепенении. Послышался шорох, и я понял, что я не один. Раздался противный писк. Я резко привстал и увидел спующих возле входа двух мышек. Какое-то время я молча смотрел на них, а затем хлопнул в ладоши, оглушенные, они враз исчезли. Мой хлопок был для них, что гром средь ясного неба. Я засмеялся, но страх все не отпускал меня. Не схожу ли я с ума, — подумал я, — мне не на что рассчитывать. Они вообще забыли о своей шутке, думают, что я давным-давно уже выбрался отсюда и не показываюсь, потому что сержусь на них. А я сижу тут и жду непонятно чего. Я вышел из пещеры и опять взглянул на небо. На фиалковом небе едва мерцали звезды, слегка розовело высокое белое облако. Светает, второй раз светает, а я все еще здесь. Интересно, какая тут высота? В три или в два моих роста?.. Нет, по стенке подняться невозможно. Я потерял всякую надежду, но тут взгляд мой упал на дверь, и меня вдруг осенило. Сравнительно легко мне удалось сорвать дверь. Она была довольно-таки тяжелой, я решил было оторвать от нее одну доску, но они были сколочены на совесть, и, немного поразмыслив, я решил оставить так, как есть. Ногу ломило, но я все же не бросал работы, надежда придавала мне силы. Я установил дверь, затем, взявшись за верхний край, легко подтянулся и, поднявшись, встал ногами на планку. Опершись локтем об край двери, я другой рукой шарил по стенке, ища какую-нибудь опору, чтоб уцепиться, тогда я смог бы подтянуться и встать ногами на самый край двери, а там выбраться уже было парой пустяков. Я запрокинул голову, чтоб посмотреть наверх, дверь подо мной качнулась. Главное—не бойся, это главное, уговаривал я себя. Рукой я нащупал что-то, видимо, корневище дерева, взялся за него и попробовал подтянуться. Оказывается, я еще и прекрасный альпинист, усмехнулся я, и тут дверь свалилась. Оказавшись на мягкой земле рядом с дверью, я головой пребольно стукнулся об нее. Медленно, кряхтя я присел, рука сама потянулась к ушибленному месту, там уже была здоровая шишка, машинально поглаживая ее, я взглянул вверх и увидел того человека, он лежал на земле, свесившись в яму. Я увидел только голову, длинную шею и узкие плечи. Он с любопытством глядел на меня, гля-

дел долго, потом исчез. Наслаждался моими страданиями и исчез. Эге-ей! — закричал я в ярости, — эге-е-ей. Ну что я мог сделать с этим ублюдком! Я не находил слов, которыми можно было выразить обуревавшую меня ненависть, ярость, бешенство и отчаяние. Я размахнулся и ударил ногой по нелепо торчащей посреди ямы двери и тут же присел от дикой боли. Злоба душила меня. Растирая ушибленное место, я ругался последними словами. Я снова взялся за дверь, перевернул ее, кое-как мне удалось отодрать от нее одну доску. Пот ручьями стекал с меня. Из доски торчали острые гвозди, с их помощью я прикрепил ее к косо́й верхней планке на двери, так, чтоб она не ходила подо мной. Я остался доволен своей работой — получилось что-то наподобие лестницы. Бодро и легко я поднялся по двери, затем ступил на доску; какое-то время она продержалась, затем напружинилась, скакнула куда-то в сторону и с грохотом свалилась. Я едва успел отстраниться, но все же, падая, доска задела меня острыми гвоздями, порвав брюки и поранив бедро. Еще хорошо, что я инстинктивно оттолкнул ее, иначе не спастись бы. Нервы мои были на пределе, я не выдержал и закричал: люди, помогите! Я не мог остановиться и кричал до тех пор, пока не пропал голос и крик не превратился в шепот: люди, помогите... Я окончательно выдохся. От сознания собственной беспомощности и бессилия я заплакал. Все та же назойливая мысль крутилась в голове: да кто же это, в конце концов, кто это?! Слезы градом катились из глаз, задерживались в углублении над верхней губой, затем срывались, и соленый привкус оставался на губах. Я подставил ладонь — капли были большие, горячие. Я попытался отогнать мрачные мысли, энергично выморкался, и мне как будто полегчало. Тем временем стемнело, тяжелое черное облако низко нависло над ямой. Будет дождь, — механически подумал я и в ту же минуту почувствовал тяжелые прохладные капли на лице и шее. Одиноко светила оставленная в пещере лампа. Нас двое, — подумал я, придвинул лампу и прилег рядом. Ладно уж, — сказал я вслух, — посмотрим... В тишине явственно слышался шум дождя.

Если будет сильный дождь, яма наполнится водой, — не знаю, говорил я это вслух или просто думал. Я устал, безумно устал. Медленно текли тягучие мысли. Во-

да наполнит яму и таким образом поднимет меня, чего я так мучаюсь. Надо подождать и все, я потихоньку успокаивался. Не знаю почему под шум дождя пришел мне на память тот день. Мы с отцом возвращались с охоты. Купив мне два леденца, отец оставил меня у входа на рынок, попросив продавца присмотреть за мной. За плечом у него висела двустволка, вокруг пояса — патронташ, на ногах были высокие со спущенными голенищами сапоги. Вскоре он вышел со связкой перепелок на поясе. Не взглянув на меня, он положил мне на шею руку. Рука была большая и теплая. Дома у нас было много народу, не помню, по-моему, был праздник. Было очень хорошо, так хорошо... Даже сейчас у меня потеплело на душе, словно в ожидании чего-то хорошего. Потом мы все сидели за большим столом, на столе было очень много всяческих яств, все что-то говорили, смеялись, было хорошо, очень хорошо, и я вдруг громко сказал: а перепелов мы купили на базаре. Сразу стало тихо, все замолчали. — Что, что ты сказал? — спросил меня дядя. Я повторил. Мне запомнилось, как захихикал мой дядя. — Ну ты даешь, ну ты даешь! — поминутно повторял он и смеялся. Я тоже смеялся. Но было нечто, теперь я уже не помню, что именно, но день погас, погасла радость. Я открыл глаза, в беспросветной тьме одиноко светила лампа, кружок света от нее упирался в кривой потолок. Наверху шел дождь. Обычно мы очень долго готовились к отъезду и все же что-то в последний момент забывали. Мама всегда говорила: сынок, ты среди нас самый памятный, и наказывала за чем-то присмотреть. Потом была уйма всяких важных дел — надо было не опоздать на поезд, не потеряться в дороге, подняться в вагон, уложить багаж и запомнить, где что лежит. Затем мы искали сумку с едой, как правило, ее всегда долго искали, затем еду раскладывали на столике. Тем временем поезд уже давно мерно постукивал. Он стремительно прогромыхивал по короткому с низкими перилами мосту, приближавшиеся телеграфные столбы, поравнявшись, вдруг убегали назад. Какими вкусными были сваренные вкрутую яйца, посыпанные солью, завернутой в газетный клочок, разрезанный на четыре части помидор и вареная куриная ножка. Мы, дети, сидели у окна, рядом — счастливые родители, за окном плыли медленно кружащиеся поля и лу-

га, вдали — недвижные горы... Я помню одну проводницу, она и сейчас стоит у меня перед глазами — толстая русская женщина в синем кителе. У нее были надутые полные щеки и маленькие без ресниц глаза. Я смотрел на нее снизу, и огромные ее груди закрывали верхнюю часть туловища, а когда она глядела вниз, то взгляд ее словно бы соскальзывал с толстых щек, голову наклонять она не могла. На перронах во время остановок поезда творилось нечто невообразимое, я смотрел на всю эту кутерьму с верхней полки. Когда поезд трогался, я высовывался в окошко и видел, что весь этот люд с платформы бросался к вагонам, и начиналась свалка. И вот, когда поезд уже набрал ход, я увидел, как на ступеньке нашего вагона висит какой-то мужчина в телогрейке. Я спрыгнул со своей полки и, торопясь, побежал к проводнице, чего-то боясь и в то же время гордясь, наверное, тем, что исполняю свой долг. — Тетенька, тетенька, — закричал я издали, — там кто-то висит. Она, злая, выскочила в тамбур, я за ней, быстро открыла дверь. Ну-ко, ну-ко, марш отсюда, — закричала она, замахиваясь на него желтым флажком, но, видя, что это не производит впечатления, два раз ударила его по руке. Помню лицо мужчины, с ненавистью глядевшего на нее, и непонятное слово «сука», которое он хрипло выкрикнул, смачно плюнув в нее. Затем он ловко спрыгнул с набравшего ход поезда. Вот шалава, говорила проводница, оттирая платком плевки с груди. Помню, отец сказал мне: молодец!, и было в этом что-то очень плохое, и сразу исчезло все очарование поездки, и помню, очень отчетливо помню, как я плакал во сне, а может, сон был плохой... Я вышел из пещеры, по-прежнему шел дождь и вместе с ним в яму опускался легкий туман. Я стоял под дождем в каком-то оцепенении. Внезапно он прекратился, и наступившая тишина отрезвила меня. Туман размыл очертания всех предметов. Бездумно смотрел я на стенку ямы. Тихо клубился туман. Нет, и речи не могло быть о том, что я смогу отсюда выбраться. Мной овладела полная апатия, я повернулся и вошел в свою пещеру. Тихо, бесшумно горела лампа.

Исчезло чувство времени, вернее, я полностью погрузился в какой-то безмятежный покой, исходящий от света, который разливала вокруг лампа, от тихого, се-

рого спокойного дня, от шума изредка срывавшихся, на-
верно, с ветвей дерева капель. Я уже не думал о на-
стоящем, предаваясь туманному течению воспоминаний
об исчезнувшем во времени и пространстве прошлом.
Подобно одиноким каплям дождя, оно просачивалось
откуда-то, заполняя все вокруг.

Откуда они взялись, эти крошечные мыши?! Мо-
жет, это самец и самка, лениво подумал я, ищут в яме
уединения. Я чмокнул губами, и они внезапно окамене-
ли, затем, как по команде, повернули свои головки ко
мне. На меня смотрели черные блестящие бусинки глаз,
в следующее мгновение, сорвавшись, мыши исчезли. Я
вспомнил далекий солнечный день, еще не зная, поче-
му память извлекла именно этот день, я увидел белую
корову в ночи, со вспоротым боком, окровавленную, с
мольбой глядевшую на меня полными от боли и смер-
тной тоски глазами. И эта картина последовала за
мною в солнечный день, на кутеж пьяной толпы. Как в
кошмаре, я снова увидел лоснящиеся хихикающие ли-
ца, кокетничающих толстых матрон, которые украдкой,
словно бы невзначай, оголяли свои тела. Капризные,
упрямые, как зеленые трупные мухи, бабы, и там же, во-
зле стола, вся в крови голова белой коровы. Внезапно
все исчезло, погасло в памяти. Я вышел из пещеры, в
яме висел, клубился темно-серый туман. Невыносима
была эта тишина, эта втиснутая в пробирку вселенная,
я чувствовал себя, как под стеклом. Эй! — закричал я
назло тишине, — эй, может, вы и сейчас там пируете и
жрете мясо коровы, которая просила у вас помощи, эй
вы, что гордитесь своей справедливостью и силой, эй! И
сейчас, верно, льется ваша песня! — бессмысленно кри-
чал я вверх, кричал, чтоб освободиться от чувства бес-
силлия, кричал самому себе, потому что вдруг отчетливо
увидел свою жизнь после того случая, увидел ее отор-
ванной от своего детства, юности, увидел ее сквозь при-
зму разгула пьяной толпы. Туман становился все гуще и
темнее. Удивительно, удивительно! Я стоял, прислонив-
шись к стене ямы, на лицо мое падали тяжелые редкие
капли, я стоял, глядя куда-то в пространство. Куда исче-
зла та тоска, что мучила меня? Где я? Удивительно! От
кого я прятался в этой глухой блаженной яме, от ка-
кого зверя бежал?! Мысли неслись одна за другой. Уже

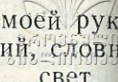
в пещере, свернувшись калачиком на теплой земле, я подумал: слава создателю за его милость, слава создателю!

И в памяти моей, словно я перебирал четки, стали всплывать одна картина за другой. На высоком темном комодe стоит красный патефон, я смотрю на него снизу, на внутренней бархатной стороне крышки нарисован золотистый ромб. Я стою, потрясенный открытием: оказывается, сегодняшний день — продолжение вчерашнего, дни не существуют отдельно друг от друга, они следуют один за другим. В наполненной солнечным светом комнате порхает легкая, как пух, музыка, и, пронизанные солнечными лучами, кружатся мои смеющиеся родители. Помню, они были такими красивыми, такими воздушными и красивыми, что на глаза у меня навернулись слезы. У меня и сейчас дрогнуло сердце и ком подкатил к горлу. Помню черные печальные глаза моей учительницы Веры Семеновны, полные слез глаза обреченной белой коровы. Жорик Гукасов поставил мне фонарь под глаз, и, чтоб не выдать товарища, я обвинил во всем Веру Семеновну. Я, сынок? Ты точно знаешь, что это сделала я? — спрашивала она с надеждой и страхом. Она была матерью Гиви Габлиани, и вся ее дальнейшая судьба зависела от моего ответа. И сейчас я слышу, как она спрашивает меня, и вижу себя, плачущего, с опущенной головой, кивающего: Да, вы. И помню Джибути, ткибульского Джибути, огромного румяного мужчину. У него были толстые щеки и большой красный нос. Он был в синем итальянском плаще, надетом прямо на рубашку, в расстегнутом вороте которой виднелись курчавые седые волосы. Он был пьян и целовал меня слюнявыми губами; а я тем временем таскал из его кармана деньги, помню, вытаскал довольно много. Что-то заподозрив, он бормотал: Ты гляди у меня, не забывай, я Джибути, ткибульский Джибути. Словно и сейчас я слышу его голос.

— Хочешь подняться...

— Послушай, да кто ты в конце концов, почему не хочешь помочь мне выбраться?

Вселенская тьма опустилась в яму. Вернулось ощущение времени, оно словно бы всегда было со мной. Я

вынес лампу из пещеры, и снова на ладони моей руки затрепетал слабый, одинокий, нежный и легкий, словно ласка матери, чувственный, словно любовь, свет. Я вспомнил, как спускалось в яму это трепетное пламя. Веревочка была как спасение, свет очерчивал мой мирок, проводил грань между мной и внешним миром. В то пасхальное воскресенье стояла теплая солнечная погода. Сионский собор был великолепен, шла служба, и пение хора наполняло весь храм. Натия зажигала большую свечу у иконы пречистой девы Марии. Она никак не могла закрепить ее в подсвечнике и от усердия морщила лоб и кривила губы. На ней было голубое ситцевое платье в горошину, узкие худые плечи выдавали ее беззащитность. Она очень старалась, и наконец ей удалось закрепить свечу. А потом она смотрела на ровное и сильное пламя удивленными глазами, в которых трепетал праздничный отсвет, и безмолвно шевелила губами. О чем могла просить деву Марию маленькая Натия?! Эй! — невольно, так что сам испугался собственного голоса, закричал я, — эгей! Где Натия? Голос осекся, последнее слово я уже произнес шепотом. Лампа выпала из рук, бледный нежный луч света исчез, и я очутился в непроглядной тьме.—Эй, эгееееей,—ревел я, кидаясь на осыпавшиеся стенки ямы и безрассудно молотя по ним кулаками. Случайно я наступил на стекло лампы и раздавил ее, хруст стекла отрезвил меня. Все, это конец, — промолвил я тихо.

Опять остановилось время, исчезло пространство, передо мной была всего лишь сырая, глухая, высокая стена. И непроглядный мрак вокруг. Теперь этот пяточок стал моим жилищем, единственным, что осталось у меня. Скользя вдоль стены, я присел там же на корточки, чтоб перевести дух. Разумом я понимал, что пройдет ночь и за ней наступит день. Я призывал себя к спокойствию, спокойствию и терпению, но разум уже не подчинялся мне, не подчинялась и плоть. Я как бы раздвоился, увидел себя со стороны: я сидел скорчившись на дне сырой глубокой ямы и шарил вокруг себя руками в надежде найти опору. Жалкое зрелище безнадёжности и отчаяния! Но с этой минуты я видел все так, будто это не имело ко мне никакого отношения, и

я снова услышал голос, такой знакомый, близкий. Он донесся издали, едва прошелестел надо мной, так тихо, что надо было напрячься, чтоб услышать его и крадучись пойти за ним. Осторожно, бесшумно подкрасться... Услышать его и понять.

В то дождливое утро кончились выходные дни.

Перевод Наны ДВОРАКОВСКОЙ

Николай ГУМИЛЕВ

„Вам, Кавказские ущелья...“

* * *

Я в лес бежал из городов,
В пустыню от людей бежал...
Теперь молиться я готов,
Рыдать, как прежде не рыдал.

Вот я один с самим собой...
Пора, пора мне отдохнуть:

Д УХОВНОЙ родиной Николая Гумилева всегда считалось Царское Село. Он родился в Кронштадте, учился в Царском Селе и Тифлисе, жил в Париже, Слепнево, Петербурге, Лондоне, погиб в Бернгардовке. Но, видимо, магней пушкинского Царского Села можно объяснить тот факт, что историки литературы связывают с ним имя поэта. Между тем имя Гумилева впервые появилось в печати в газете «Тифлисский листок» (8 сентября 1902 г., № 211) под стихотворением «Я в лес бежал из городов»; при этом в подписи была допущена типографская ошибка: «К. Гумилев». Именно это стихотворение открывает альбом, поступивший в Пушкинский дом в 1980 году от наследников Марии Михайловны Синягиной, в девичестве Маркс (Несколько слов об этом альбоме см. в статье А. И. Павловского «Николай Гумилев», Вопросы литературы, 1986, № 10). Уезжая из Тифлиса, будущий поэт записал в альбом 14 стихотворений и подарил его Машеньке Маркс. Всю свою долгую жизнь (1889—1967) Мария Михайловна хранила подаренный ей в отрочестве альбом со стихами.

Свет беспощадный, свет слепой
Мой выпил мозг, мне выжег грудь.
Я страшный грешник, я злодей:
Мне бог бороться силы дал,
Любил я правду и людей;
Но растоптал свой идеал...

Я мог бороться, но, как раб,
Позорно струсив, отступил
И, говоря: «увы, я слаб!»
Свои стремленья задавил...

Я страшный грешник, я злодей...
Прости, господь, прости меня,
Душе измученной моей
Прости, раскаянье ценя!..

Есть люди с пламенной душой.
Есть люди с жаждою добра,
Ты им вручи свой стяг святой,
Их манит, их влечет борьба.

Как память о матери хранился этот альбом в семье ее дочери, В. И. Синягиной, которая рассказала его историю московскому биографу и исследователю творчества Н. Гумилева Нелли Максимовне Иванниковой.

Значение этого альбома трудно переоценить, хотя стихи, которыми он заполнен, далеки от совершенства.

Но зато теперь мы знаем, что было между газетной публикацией и первым сборником «Путь конквистадоров» (1905), целиком написанным осенью 1905 года. Кстати, ни одно из публикуемых стихотворений в этот сборник не вошло, не печатались они и до настоящего времени (за исключением стихотворения «Я в лес бежал...»). Мы видим также умонастроение юного Гумилева («Молодой францисканец»), присутствующее при рождении Гумилева-переводчика (эта сторона его деятельности достаточно известна).

И, наконец, привлекает внимание посвящение к сборнику «Горы и ущелья» — видно, что по каким-то причинам Гумилев не поспешил с первой книгой и что она, эта несостоявшаяся книга, эхом отозвалась в «Пути конквистадоров» (в названии раздела: «Высоты и бездны»).

Меня ж, господь, прости, прости.
Прошу я милости одной:
Больную душу отпусти
На незаслуженный покой.

АЛЬПИЙСКИЙ СТРЕЛОК Из Шиллера

С самострелом и стрелами
Через горы и леса
Держит путь стрелок свободный,
Смело глядя в небеса.

Там, где с высей низвергаясь
Мутный плещется поток,
Где так жарко греет солнце
Там царем один стрелок.

И своей стрелою меткой
Он разит из далека.
Лучше денег, лучше власти
Жизнь веселая стрелка.

Тема «Гумилев и Кавказ» пока не изучена и ждет своего исследователя. Дружеские связи Гумилева с грузинскими писателями, поэтами и художниками почти не прослежены. Известно, что во время своего первого пребывания в Париже в 1907 году Гумилев сблизился со многими художниками, в том числе грузинскими. Он постоянно бывал в салоне Е. С. Кругликовой и, вероятно, там он познакомился с Я. Николадзе. По-видимому, к парижскому же периоду относится и его знакомство с Г. Робакидзе. Одно из писем Гумилева к Г. Робакидзе было опубликовано в декабре 1922 года в тифлисской газете «Бахтриони» (Об этой публикации любезно сообщила Т. Л. Никольская).

«Рукописи не горят...» Конечно, прав был Михаил Булгаков, хотя это скорее благое пожелание, мечта, нежели научный постулат. И все же — рукописи не горят! То, что уцелел юношеский альбом Николая Гумилева, — еще одно тому подтверждение.

Виталий ПЕТРАНОВСКИЙ,
Михаил ЭЛЬЗОН

* * *

Я вечернею порою над заснувшею рекою
Полон дум необъяснимых, всеми кинутый, брожу,
Точно дух ночной блуждаю, встречи радостной не знаю,
Одиночества дрожу.

Слышу прошлые мечтанья и души моей страданья
С новой силой, с новой злобой у меня в груди встают.
С ними я окончил дело, сердце знать их не хотело,
Но они его гнетут.

Нет, довольно мне страданий, больше сладких упований
Не хочу я и в бесстрастье погрузиться я хочу.
Дайте прошлому забвенье, к настоящему презренье
И я в небо улечу.

Но напрасны все усилия; тесно связанные крылья
Унести меня не могут с опостылевшей земли.
Как и все мои мечтанья, мои прежние страданья
Позабиться не могли.

ПОСВЯЩЕНИЕ К СБОРНИКУ «ГОРЫ И УЩЕЛЬЯ»

I

Люблю я чудный горный вид,
Остроконечные вершины,
Где каждый лишний шаг грозит
Несвоевременной кончиной.

II

Люблю над пропастью глухой
Простором дали любоваться
Или неверною тропой
Все выше, выше подниматься.

III

В горах мне люб и божий свет,
Но люб и смерти миг единый!
Не заманить меня вам, нет,
В пустые, скучные долины.

У скалистого ущелья
Одинокий я стоял
Предо мной поток нагорный
И клубился и сверкал.

Из-за туч кроваво-красна
Светит полная луна
И в волнах потока мутных
Отражается она.

И какие-то виденья
Все встают передо мной
То над волнами потока
То над пропастью глухой.

Ближе, ближе подлетают
Наконец, — о страшный вид! —
Пред смущенными очами
Вереница их стоит.

И как вглядываюсь ближе
Боже, в них я узнаю
Свои прежние мечтанья
Молодую жизнь свою.

И все прошлые желанья
И избыток свежих сил
Все что с злобой беспощадной
В нас дух века загубил.

Все, что продал я, прельстившись
На богатство и почет,
Все теперь виденьем грозным
Предо мною предстает.

Полон грусти безотрадной
Я рыдаю и в горах
Эхо громко раздаётся,
Пропадая в небесах.

I

Младой францисканец безмолвно сидит
Объятый бесовским волненьем
Он книгу читает, он в книге чертит
И ум его полон сомненьем.

И кажется тесная келья ему
Унылей, угрюмее гроба,
И скучно, и страшно ему одному,
В груди подымается злоба.

Он мало прожил, мало знает он свет
Но чудные знает преданья
О страшных влияньях могучих планет,
О тайнах всего мирозданья.

Но все опостылело в жизни ему
Без горя и радостей света.
Так в небе внезапно прорезавши тьму
Мелькает золотая комета.

И после себя не оставив следа
В пространстве небес исчезает,
Так полная сил молодая душа
Бесплодно в стенах изнывает.

Младой францисканец безмолвно сидит.
Главу уронивши на руки
Он книгу отбросил и в ней не чертит,
Исполнен отчаянной муки.

«Нет, полно,—вскричал он,—начну
жить и я,
Без радостей жизнь да не вянет.
Пускай замолчит моей грусти змея
И сердце мне грызть перестанет.

Бегу из монашеских душных я стен,
Как вор, проберуся на волю,
И больше, о нет, не сменяю на плен
Свободную, новую долю».

Суров инквизитор великий сидит,
Теснятся кругом кардиналы
И юный преступник пред ними стоит,
Свершивший проступок не малый.

Он бегство затеял из монастыря
И пойман был с явной уликой,
Но с сердцем свободным, отвагой горя
Стоит он бесстрашный, великий.

Вот он пред собраньем ведет свою речь
И судьи, смутятся, робеют,
И стража хватается гневно за меч,
И сам инквизитор бледнеет.

«Судить меня смеют, и кто же—рабы!
Прислужники римского папы
Надменно и дерзко решают судьбы
Того, кто попался им в лапы.

Ну что ж! Осудите меня на костер,
Хвалитесь мощью своею!
Но знайте, что мой не померкнется
взор,
Что я не склоню свою шею!

И смерть моя новых борцов привлечет,
Сообщников дерзких, могучих;
Настанет и вашим несчастьям черед!
Над вами собираются тучи!

Я слышал: в далеких германских лесах,
Где все еще глухо и дико,
Поднялся один благородный монах,
Правдивою злобой великий.

Любовию к жизни в нем сердце горит!
Он юности ведает цену!
Блаженство небес он людям не сулит
Земному блаженству в замену!

041935340
2023010033

А вы! Ваше время давно отошло!
Любви не вернете народа.
Да здравствует свет, разгоняющий зло!
Да здравствует наша свобода!

Прощайте! Бесстрашно на казнь я иду
Над жизнью моею вы вольны,
Но речи от сердца сдержать не могу,
Пускай ею вы недовольны».

* * *

Вам, кавказские ущелья
Вам, причудливые мхи
Посвящаю песнопенья.
Мои лучшие стихи.

Как и вы, душа упряма,
Как и вы, душа мрачна,
Как и вы, не любит шума,
Ее манит тишина.

Буду помнить вас повсюду
И хоть я в чужом краю,
Но о вас я не забуду
И теперь о вас пою.

* * *

На сердце песни, на сердце слезы,
Душа страданиями полна
В уме мечтанья, пустые грезы
И мрак отчаянья без дна.

Когда же сердце устанет биться,
Грудь наболевшая замрет?
Когда ж покоем мне насладиться
В сырой могиле придет черед?

* * *

В шумном вихре юности цветущей
Жизнь свою безумно я сжигал,
День за днем, стремительно бегущий,
Отдохнуть, очнуться не давал.

Жить как прежде больше не могу я,
Я брожу, как охладельный труп,
Я томлюсь по ласке поцелуя,
Поцелуя милых женских губ.

* * *

Злобный гений, царь сомнений,
Ты опять ко мне пришел
И, желаньем утомленный, потревоженный и сонный,
Я покой в тебе обрел.

Вечно жить среди мучений, среди тягостных
сомнений —

Это сильных идеал,
Ничего не созидая, ненавидя, презирая
И блистая, как кристалл.

Назади мне слышны стоны, но свободный,
обновленный,
Торжествующая пошлость, я давно тебя забыл.
И, познавши отрицанье, я живу, как царь создання
Средь отвергнутых могил.

* * *

Много в жизни моей я трудов испытал,
Много вынес и тяжких мучений,
Но меня от отчаянья часто спасал
Благодатный, таинственный гений.

Я не раз в упоеньи великой борьбы
Побеждаем был вражеской силой,
И не раз под напором жестокой судьбы
Находился у края могилы.

Но отчаянья не было в сердце моем
И надежда мне силы давала.
И я бодро стремился на битву с врагом,
На борьбу против злого начала.

А теперь я, наскучив тяжелой борьбой,
Безмятежно свой век доживаю,
Но меня тяготит мой позорный покой
И по битве я часто вздыхаю.

Чудный гений надежды давно отлетел,
Отлетели и светлые грезы,
И остались трусости жалкой в удел
Малодушно-холодные слезы.

* * *

Я всю жизнь отдаю для великой борьбы.
Для борьбы против мрака, насилья и тьмы.
Но увы! окружают меня лишь рабы,
Недоступные светлым идеям умы.

Они или холодной насмешкой своей,
Или трусостью рабской смущают меня,
И живу я, во мраке не видя лучей
Благодатного, ясного, светлого дня.

Но меня не смутить, я пробьюся вперед
От насилья и мрака к святому добру,
И, завидев светила свободы восход,
Я спокоен умру.

* * *

Во мраке безрадостном ночи,
Душевной больной пустоты,
Мне светят лишь дивные очи
Ее неземной красоты.

За эти волшебные очи
Я с радостью, верь, отдаю
Мое наболевшее сердце,
Усталую душу мою.

За эти волшебные очи
Я смело в могилу сойду
И первое, лучшее счастье
В могиле сырой я найду.

А очи, волшебные очи
Так грустно глядят на меня
Исполнены тайной печали,
Исполнены силой огня.

Напрасно родятся мечтанья
Напрасно волнуется кровь:
Могу я внушить состраданье,
Внушить не могу я любовь.

Летит равнодушное время
И быстро уносится в даль,
А в сердце холодное бремя
И душу сжигает печаль.

* * *

М. М. М[аркс]

Я песни слагаю во славу твою
Затем, что тебя я безумно люблю
Затем, что меня ты не любишь,
Я вечно страдаю и вечно грущу
Но, друг мой прекрасный, тебя я прощу
За то, что меня ты погубишь.
Так раненный в сердце шипом соловей
О розе-убийце поет все нежней
И плачет в тоске безнадежной,
А роза, склонясь меж зеленой листвы,
Смеется над скорбью его, как и ты,
О друг мой, прекрасный и нежный.

В стихах сохранена авторская пунктуация.

ДИАЛОГ: Коба ИМЕДАШВИЛИ
Гурам ПАНДЖИКИДЗЕ

О „СПИРАЛИ“ И ВОКРУГ „СПИРАЛИ“

Коба Имедашвили: Батоно Гурам, ваш роман «Спираль», опубликованный в журнале «Цискари» (конец 1985 — начало 1986 гг.), стал своего рода бестселлером. В начале 1986 года он вышел отдельной книгой тиражом 60 000 экземпляров. И если бы тираж был больше, вероятно, книга все равно бы распродалась.

Причины такой ее популярности, без сомнения, кроются прежде всего в актуальности проблематики романа, в резко очерченных характерах героев, остром сюжете, увлекательной манере повествования. На мой взгляд, ваш роман — произведение необычное, своеобразный эксперимент в нашей прозе.

Согласитесь, однако, что совершенная во всех отношениях книга еще не написана и вряд ли когда-либо будет написана — вкусы читателей неодинаковы (и хорошо, что это так). Поэтому не удивительно, что ваша книга, заинтересовавшая очень многих, не получила однозначной оценки, мало того, мнения о ней разделились, и настолько резко, что полностью исключают друг друга.

Мне бы хотелось, насколько это возможно, разобраться вместе с вами в положительных и отрицательных сторонах вашего романа и одновременно в положительных и отрицательных тенденциях, в той или иной мере характеризующих современную литературу.

менную грузинскую прозу и отчетливо проявившихся в вашем произведении. В то же самое время мне как специалисту хотелось бы заглянуть в вашу творческую лабораторию, с вашей точки зрения взглянуть на некоторые вопросы и, быть может, поспорить с самим собой или с другими критиками, убедиться в обоснованности или необоснованности высказанных соображений.

Проблемно-тематическая коллизия «Спирали» состоит в том, что мозг старого академика пересаживается молодому человеку. Казалось бы, такой эксперимент невозможен и неосуществим в нашей действительности, однако его не так уж трудно вообразить.

Подобная акция имеет несколько аспектов:

1. Юридический: пересадка головного мозга одного человека другому незаконна. «В нашем законодательстве не предусмотрено право пересадки человеческого мозга»*.

2. Футурологический: «Вы уверены в том, что в будущем сильные мира сего не используют это величайшее завоевание человеческого разума в преступных целях против человечества?».

3. Моральный, экологический: «Не слишком ли активно вмешиваемся мы в дела природы? Не забываем ли мы, что сами являемся ее детьми и что мать-природа не простит нам излишней дерзости?».

4. Физиологический: как произойдет вживание старого мозга в молодой, полный энергии организм, как приспособятся они друг к другу?

5. Личностный: «Какой смысл имеет операция, если мозг сделает тело послушным своей воле?! Старый, износившийся мозг, в свое время, правда, прогрессивно мыслящий, но сегодня он уже консервативный, быстро состарит молодое тело. А если тело подчинит себе мозг, тогда ведь я уже не буду я. Значит, мой опыт, знания, талант и способности, мышление и интеллект попадут в рабскую зависимость от чужого тела! Разве это не повлечет за собой большую личную трагедию, которая, вполне возможно, доведет меня до самоубийства?!»

В самом же начале романа автор и его герои — врач и пациент — предопределяют результат этой операции: все должно кончиться трагически, так как сделка, о которой идет речь в романе, незаконна, бесчеловечна, неэтична, противоречит за-

* Цитаты из романа «Спираль» даны в подстрочном переводе.

конам природы и продиктована эгоистическим стремлением быть первым (врач), либо сохранить себе жизнь (Георгадзе). Но герои романа не знают, какие трагические последствия (не только для них, но и для других людей) таит в себе подобное вмешательство в волеизъявление природы.

Жизнь и литература знают примеры неизбежности трагических результатов при подобном вмешательстве.

Критик Сосо Сигуа в своей рецензии на ваш роман обстоятельно рассуждает о том, какое отражение нашел фаустовский мотив вообще в мировой литературе. Он стал своего рода мифологической моделью, художественное обобщение которой во все времена проводило одну главную мысль: высокая цель не может быть достигнута низкими средствами, божественное — бесовским, союз большого интеллекта с аморальностью — преступление перед самой жизнью. Перед современным человеком стоит насущная проблема — направить высокоразвитый человеческий интеллект по пути добра, ибо сегодня только моральные преграды могут спасти человечество от самоистребления.

Таким образом, у вас были довольно веские причины и реальные основания в самой действительности для создания подобного романа. Но меня интересует, что конкретно явилось стимулом к написанию книги, что послужило толчком к созданию коллизии романа, в котором явственно звучат отголоски споров, вспыхнувших после первой операции по пересадке сердца, выполненной Кристианом Барнардом, о моральном аспекте этой операции.

Гурам Панджикидзе. Из упомянутых вами пяти аспектов основного замысла моего романа я выделю третий, который вы условно назвали «моральным и экологическим», но я, со своей стороны, добавил бы, что мне хотелось осветить эту проблему с философско-психологической точки зрения.

Можно сказать, что эта проблема — основная в «Спиральи», остальные же исходят из нее. Да, основной вопрос произведения стоит именно так, как говорит главный герой: «Не слишком ли активно вмешиваемся мы в дела природы? Не забываем ли мы, что сами являемся ее детьми и что мать-природа не простит нам излишней дерзости?».

Прежде чем полностью расшифровать мою мысль, мне хотелось бы рассказать, как и когда родилась у меня идея создания этого романа.

17 января 1963 года в городе Кливленде американские

ученые Роберт Уайт, Краве Вердура и Морис Албин впервые в истории медицины с успехом произвели пересадку мозга одной обезьяны другой. А в 1965 году провели такой же эксперимент с собаками.

Еще дальше в этом отношении пошел руководитель группы Роберт Уайт. В 1971 году он произвел пересадку головы одной обезьяны второй. Операция прошла успешно. Обезьяна жила четыре дня. Он же высказал предположение, что в будущем, когда будут найдены методы восстановления функций спинного мозга после отсечения головы, появится возможность проводить такие опыты с человеком.

И вот 17 июня 1984 года в газете «Комунисти» я прочел следующую заметку: «Руководитель нейрохирургического отделения клиники города Кливленда (США) Роберт Уайт (тот самый, о котором мы говорили выше — Г. П.) завершил целую серию экспериментов по пересадке мозга живых организмов.

По сообщению прессы, он готов приступить к опытам по пересадке человеческого мозга. Как говорят оппоненты Уайта, «к счастью, его опыты пока не проводятся на людях».

В последнее время специалисты стали задумываться об этическом характере проблемы. Какое воздействие окажет пересадка чужого мозга на личность человека?

«Останется ли человек после подобной операции самобытной личностью?» — спрашивают противники пересадки человеческого мозга. Как говорится, осуществление этой идеи не за горами, не завтра, так послезавтра подобные операции могут быть начаты.

Будучи противником вторжения в «запретную зону» природы, я и высказался по поводу этого в своем романе. Не надо думать, однако, что я руководствовался голыми эмоциями. Попытаюсь вкратце определить, что такое «запретная зона» природы.

Приведу несколько примеров. Скорость светового луча составляет 300 000 (точнее — 299 792) километров в секунду. Большой скорости в природе не существует. Здесь возникает первый «запрет» — ни одно материальное тело, имеющее массу покоя, не в состоянии развить большей скорости, чем эта. Во всяком случае, согласно фундаментальным законам физики, на сегодняшний день это так. Не будем объяснять почему, это уведет нас слишком далеко от темы разговора.

Теперь о другом «запрете» — в рамках нашей жизни на Земле. Прошу прощения за такие искусственные термины, как

«запрет природы» или «запретная зона» природы, они заимствованы мною у физиков.

Человек получает природное солнечное тепло, но помимо него вырабатывает и дополнительное тепло, которое называется приростом солнечной радиации или плюс энергией. С течением времени необходимость в энергии для человечества возрастает в геометрической прогрессии. Здесь речь не о том, сможет ли человек найти необходимую для жизни энергию.

Допустим, он подчинил себе безграничные источники энергии. Ученые точно подсчитали: если общая температура всей планеты увеличится хотя бы на четыре градуса, то нарушатся сформировавшиеся на протяжении миллионов веков экологические балансы земли, полностью растают ледники, повысятся уровни океанов, и четыре пятых земной суши окажется под водой.

Ученые с точностью подсчитали и то, сколько дополнительной энергии одновременно может выработать человек.

Примеры можно приводить бесконечно.

Логически возникает вопрос — существуют ли подобные «запреты» в биологии? Наверное, будет лучше адресовать эти вопросы биологам. А мы поговорим о моей конкретной позиции. Ведь главной мыслью моего романа является не то, что операция по пересадке мозга человека есть вмешательство в «запретную зону» природы. Подобно тому, как природа допускает выделение определенного дополнительного количества энергии, о котором мы говорили выше, она может позволить и такие операции, как пересадка сердца, почек и многих других органов, но пересадка мозга — это уже операция не в имя спасения жизни человека. Пересадка мозга — это попытка создания нового человека.

Процесс создания человека искусственным путем уже начался.

В 1978 году английские ученые Патрик Стептон и Роберт Эдвардс получили в своей лаборатории эмбрион, который затем был перенесен в женскую матку. Таким образом, из полученного в лабораторной пробирке и там же развившегося эмбриона родился первый ребенок — Луиз Браун. Этот необычный, не бывалый доселе процесс зачатия ребенка был назван «ин-витро пертилизейшн». Подобным образом зачато уже около нескольких тысяч детей. Но ученые пошли еще дальше — из эмбрионов, полученных в лаборатории, родились близнецы.

Несомненно, принести счастье людям, которые не могут иметь детей, — хорошее, доброе дело.

Но прогресс науки имеет две стороны — положительную и отрицательную.

Зачатие и создание эмбриона лабораторным путем повлекли за собой множество проблем и предосудительных с точки зрения морали последствий. Возникли торговые синдикаты, целая армия «матерей-суррогатов». У социологов, юристов и священнослужителей капиталистических стран появилось множество трудноразрешимых вопросов. Например, имеет ли «мать-суррогат» право на аборт? Может ли ребенок требовать наследства у своих биологических родителей, т. е. у тех, из чьих яйцеклеток и сперм создан лабораторный эмбрион, который затем пересадили в матку «матери-суррогата»? Или же он является наследником только своих «социальных» родителей?

Создание искусственного эмбриона вызвало такое количество трудноразрешимых вопросов, что министры юстиции капиталистических стран специально собрались на совещание в Страсбурге для их обсуждения, но, как писали газеты, это совещание не дало желаемых результатов.

Американские клерикальные круги являются противниками лабораторного зачатия. На философский вопрос — с чего, в конце концов, начинается жизнь, они дают однозначный ответ — с зачатия. И это зачатие, по их представлениям, должно происходить только в человеческом организме.

Американское правительство по этому вопросу поддерживает духовенство и отказывается финансировать подобные научные эксперименты. Однако ученым удалось найти частных лиц, согласившихся финансировать их опыты. Они разработали технологию охлаждения спермы до 196 градусов и создали специальные банки-холодильники. Ученые утверждают, что из полученной сегодня от доноров и указанным методом хранящейся спермы и через 1 000 лет можно будет создать эмбрион. И если это действительно так, то, естественно, возникает вопрос: почему бы не заняться улучшением людской породы? Вопрос этот был поставлен, и даже предприняты «серьезные» шаги по его решению. Вот что пишет в «Литературной газете» В. Симонов (№ 31 за 1986 г.): «Здесь, в США, да и в других странах Запада не скрывают своих симпатий к евгенике. Довод такой: если уж мы пришли к возможности создать человеческий эмбрион от произвольной яйцеклетки и спермы, то зачем оставлять этот процесс на произвол случая? Западногерманская клиника в Эссене, например, пишет в своей рекламе,

что среди ее доноров «нет толстых мужчин, нет длинноухих и с крючковатыми носами». Крайнее проявление евгеники — это, конечно, знаменитое «хранилище зародышевого выбора» в городе Эскондидо в Калифорнии, более известное как банк спермы Нобелевских лауреатов. Правда, недавно банк оплошал. Ссудил свои нобелевские сокровища какой-то уголовщине».

Лично я не приемлю этих отвратительных последствий прогресса науки.

Разве не ужасно то, что в Америке и в странах Западной Европы уже появились матери, торгующие своими подобным путем зачатými детьми?! Сегодня нам даже трудно представить, какие ненормальные явления могут повлечь за собой эксперименты медиков!

Но в то же время бездетность — одна из самых острых проблем в мире. В США из-за бездетности ежегодно разваливается почти миллион семей. В развитых странах бездетна почти каждая восьмая женщина.

Цивилизованный мир сегодня пожинает плоды сексуальной революции, наркомании, алкоголизма, моды на сигареты и т. д.

А тут еще одно чудо. Еще одно крупное открытие ученых.

Казалось, еще совсем недавно отрицали существование генетики. Однако шло время, и ученые смогли выделить ген. Еще через некоторое время в Швеции начали реставрацию мумий, хранившихся в Берлинском музее Египта. Ученые взяли несколько клеток кожи из левой голени мумии младенца и вывели из них молекулу «ДНК» (дезоксирибонуклеиновой кислоты), в которой закодирована генетическая информация. (Для точности необходимо отметить, что полную «молекулу жизни» ученые тогда еще не получили, были выделены всего лишь ее небольшие фрагменты).

Эти фрагменты ДНК ввели в бактерии кишечной палочки. Бактерия, как ни в чем не бывало, продолжала деление и в каждом новом поколении производила свои измененные копии. Каждая копия содержала в себе фрагмент ДНК мумии. Значит, она не потеряла свои жизненные функции и после двухтысячелетнего «сна».

Результаты этого открытия можно сравнить с самыми смелыми мечтами фантастов. Благодаря найденным в коже мумии активным ДНК (ясно, что ДНК должна быть полной, а не фрагментарной) стало теоретически возможным создать полную копию египтянина 2430-и «лет»!

Возможно, это теоретическое рассуждение кому-то пока-

жется чересчур фантастическим, — писала «Комсомольская правда», — но вот в Калифорнийском университете пытаются возродить кваггу, вымерший вид зебры.

Что касается научных исследований по борьбе с вредными мутациями, то к ним положительно относится советский ученый академик Л. Бадальян. Как избавиться от них (вредных мутаций — Г. П.)? — спрашивает он. — Работа в сфере генетических исследований, которая ведется в США и Советском Союзе, весьма значительна. Возможно, и наше поколение доживет до того времени, когда врачи смогут «улучшать» гены, проводить их хирургическую коррекцию. Это будет триумфом медицины.

От факта никуда не денешься — человек вторгся в такую неизведанную область, таинство таинств природы, какой является возникновение жизни, и хочет расшифровать тайны, хранимые природой на протяжении десятков и сотен миллионов лет, взять на себя функции природы.

Несомненно, человеческую мысль остановить нельзя. Но нельзя не помнить каждую минуту, каждую секунду, что может последовать за поспешным, слепым вторжением в тайны природы.

Человечество должно быть психологически готово к восприятию достижений науки и техники. Все, что может за нами последовать, должно быть проанализировано и глубоко осознано. А это необыкновенно сложная проблема, так как мы живем в очень разноречивом, пестром мире, где постоянно сталкиваются, ведут борьбу различные политические партии, взгляды и идеи, различные социальные и религиозные факторы. В разных странах различны также уровни просвещения, цивилизации и культуры.

По приказу аятоллы Хомейни в Иране для разминирования заминированных иракцами полей посылаются дети в возрасте от десяти до пятнадцати лет. Аятолла считает, что потеря обученного и подготовленного к военной службе солдата — более существенный урон для государства. Поэтому лучше, чтобы на минах подрывались дети. Мы становимся свидетелями страшных фактов этой бессмысленной войны. В заминированных местах уже подорвалось около 130 000 иранских детей. В оправдание этого аятолла Хомейни заявляет: счастливы те семьи, которые пожертвовали своими детьми ради нашего большого и святого дела.

На одну минуту представим, что будет, если в руках подобных фанатиков окажется термоядерное оружие!

Несколько лет тому назад один сингапурский врач, который специализировался на операциях над гермафродитами, сделал первую в мире, беспрецедентную операцию: мужчину переделал в женщину!

Я видел документальный фильм об этой операции с комментариями врача, проведшего ее.

«Решив осуществить подобную операцию, — говорит он, — я долго думал: не совершаю ли преступления перед богом? До этого, когда я делал операции над гермафродитами, я исправлял ошибки природы. А в этом случае я должен был пойти против самой природы, против бога!».

И он, а вслед за ним целый ряд ученых все же пошли против природы. Мне приходилось видеть в Сингапуре, ФРГ, Испании проституток — бывших мужчин...

Можно ли представить себе что-либо более ужасное и отвратительное?

Несколько лет назад возникла идея — заставить искусственным способом забеременеть мужчину. Эту мысль подсказал врачам один факт. В Новой Зеландии некая Маргарет Мартини, несмотря на то, что у нее была вырезана матка, родила с помощью врачей совершенно здорового ребенка. Именно тогда врач, пользовавшийся Маргарет Мартини, сказал: «Таким же образом сможет родить ребенка и мужчина».

И вот уже семь лет как некоторые врачи работают в этом направлении.

Но тут вновь возникает вопрос, возникает со всей категоричностью — должен ли человек делать все, что он может?

К сожалению, западногерманские ученые Константин Мартин и Хейнц Боннет, а также американский ученый старшего поколения Ландрем Шэтлс считают проведение таких операций желательным.

Когда им сказали, что подобные действия грозят поставить природу вверх ногами, американский ученый ответил: «Заглянуть в карты природы, по-моему, очень трудно. Но если представляется случай, почему бы не помочь ей?».

Видите, до чего дошло человечество?

Но вернемся к главному герою «Спираль». Остался ли он Рамазом Коринтэли после того, как ему пересадили мозг Давида Георгадзе? И да, и нет. Более правильным было бы сказать, что не остался, поскольку Рамаза Коринтэли как такового нет. Это его тело подчиняется желаниям, реакциям и решениям чужого мозга.

Выходит, поскольку тело Рамаза Коринтэли подчиняется

мозгу Давида Георгадзе, то мой герой — Давид Георгадзе. А если он Давид Георгадзе, академик, то почему становится бандитом? Почему ему доставляет удовольствие совершать преступления? Почему в момент самоубийства у него проявляются садистские наклонности?

По-моему, мой герой — уже и не Рамаз Коринтэли, и не Давид Георгадзе. Взаимодействие тела и мозга, генов и интеллекта создало совершенно новую личность. Это уже какой-то третий человек, и бог знает, чего от него можно ожидать.

Вот он вспоминает сцену расстрела изменника в армии. Молодой ученый не смог тогда заставить себя выстрелить даже в изменника. А теперь он с легкостью душит в машине старика!

Именно поэтому, на мой взгляд, пересадка мозга — дерзкое и неоправданное с моральной точки зрения вторжение в ту великую и неразгаданную тайну, которая называется тайной происхождения жизни. Наша планета существует четыре миллиарда лет. Несколько десятков миллионов лет назад на ней возникла жизнь. Кто знает, сколько разновидностей жизни существует на нашей планете. И из этих десятков тысяч видов единственный венец природы, мыслящее существо — человек.

Имеем ли мы право кощунственно перестраивать то, что создано и сформировано самой природой?

Я думаю, никакие моральные и религиозные взгляды уже не остановят научный прогресс, убежден, что даже наше поколение станет свидетелем невиданных операций, но простит ли нам мать-природа создание подобных ее детям гибридов, таких, как, к примеру, Коринтэли-Георгадзе? Простит ли она нам подобное надругательство и его рецидивы, которые безусловно могут быть вызваны неоправданными шагами цивилизации?

К. И. Запреты вторжения в «запретные зоны» имеют место и в нашем повседневном бытии, они проявляются в сформированных на протяжении веков традициях или в морально-этических, юридических законах. Активно отрицательное отношение вызывает у читателей одна из основных линий вашего романа (я имею в виду любовь Рамаза Коринтэли к собственной сестре). Это, так сказать, пробный камень новой личности (Георгадзе-Коринтэли), это поле брани, где разум борется с телом, и, наконец, причина, из-за которой должна погибнуть эта личность, как результат грубого вмешательства в природу.

Все это ясно, но совершенно непонятно, откуда вдруг возникла эта любовь. Судите сами — до операции Рамаз Коринтэли обращался со своей сестрой достаточно грубо, после операции Инга даже говорит: «Я всегда считала, что ты презираешь меня, но ведь кроме тебя у меня никого нет на целом свете. А сейчас... сейчас в каждом твоём взгляде я чувствую любовь. Не понимаю, что происходит?» В теле Рамаза Коринтэли не должна была вспыхнуть любовь к сестре. Не должна была пробудиться она и в мозгу Давида Георгадзе, ибо девушка годится ему во внучки. «Для разума, достигшего семидесяти пяти лет, были трудно представимы, а вернее омерзительны и аморальны сексуальные эмоции, пробуждаемые прикосновением к груди и нежной щеке девушки, годящейся ему во внучки».

Что же произошло? Не любил ее Рамаз Коринтэли! Не мог ее полюбить и Давид Георгадзе! А новая личность, получившаяся от их соединения, любит ее до безумия, да еще до того, как увидела ее! «Он заранее знал, какое волнение страстей захлестнет его после встречи с Ингой». Почему встреча с сестрой должна породить «волнение страстей»?

Правда, взъероман фантастический, и можно только гадать, как поступит в том или ином случае подобная скрещенная личность, но тем более каждый шаг ее должен быть соответственно и убедительно аргументирован в произведении...

Г. П. Давайте подробно рассмотрим этот эпизод. Хотя бы потому, что ту же мысль высказывают многие читатели.

Ингу полюбил не Рамаз Коринтэли, а гибрид — Рамаз Коринтэли + Давид Георгадзе.

Рамаза Коринтэли больше не существует, так как он уже не мыслит.

Существует только тело Рамаза Коринтэли, его плоть.

Академика Давида Георгадзе также больше нет, есть только его мозг, свойствами которого овладели хотите гены, хотите внутренняя природа Рамаза Коринтэли. Мозг академика полностью сохранил свои знания, но тот же мозг в союзе с молодым телом выработал ранее абсолютно не свойственное его природе отношение к тем или иным явлениям.

Отсюда вывод: Ингу полюбил не Рамаз Коринтэли и не академик Давид Георгадзе. В нее влюбилась какая-то третья личность, сама по себе являющаяся аномалией. Да, аномалией, которую не должен создавать человек, не должно допустить человечество.

К сожалению, развитие цивилизации идет в двух направлениях: с помощью ее достижений человечество может как разрешить все животрепещущие проблемы, так и полностью уничтожить нашу планету.

Человечество, на мой взгляд, не должно допускать развития науки и техники в том направлении, которое грозит ему не только гибелью планеты, но и моральным, этическим вырождением.

Такова основная мысль моего романа. Хочу отметить, что меня интересовала не столько медицинская сторона вопроса (естественно, в этом отношении многие детали условны, хотя бы потому, что подобной операции еще не было), сколько философская, нравственная сторона данной проблемы.

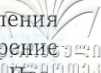
А теперь постараюсь ответить на вторую часть вашего вопроса. Вы приводите мои слова: «Он (Давид Георгадзе + Рамаз Коринтэли) заранее знал, какое волнение страстей захлестнет его после встречи с Ингой» и спрашиваете: «Почему встреча с сестрой должна породить «волнение страстей»?

Наверное, лучше было бы сказать просто «волнение», именно такой смысл я и вкладывал в это словосочетание — волнение страстей. Я хотел сказать, какие потрясения ждут героя при встрече с незнакомой девушкой, роль родного брата которой он должен был сыграть.

Обещаю в следующих изданиях исправить это выражение.

К. И. Своим творчеством вы пытаетесь утвердить в грузинской литературе образ ученого, вскрыть его сущность. Наряду с образами людей, жертвующих собой ради науки, вы показали и негодяев, примазавшихся к ней. Ничего не поделаешь, раз в жизни встречаются такие люди, литература должна отображать их. Но почему настоящий ученый обязательно должен быть не от мира сего, в повседневной жизни зависимым от других, физически слабым — мне это непонятно. Так же, как непонятна усилившаяся в нашей литературе тенденция честного человека изображать физически слабым, а бандита и дельца — полным сил и здоровья. Между прочим, это очень интересная проблема, над которой стоит задуматься, ее аналогии можно встретить в грузинской литературе конца девятнадцатого века (вспомним Спиридона Мциришвили* и подобных ему героев), еще раньше — в агиографической литературе.

* Герой произведения Эгнатэ Ниношвили, классика грузинской литературы XIX века.

могущество духа, правда, достигалось там путем подавления плоти, но за всем этим стояли соответствующие мировоззрение и религиозные представления. Сейчас все обстоит иначе. Поэтому соединение слабой плоти с могуществом духа выглядит искусственным. Вот и в вашем романе — всего два честных человека (жених Инги и следователь милиции), и оба они по своим физическим данным не идут ни в какое сравнение с Рамазом Коринтэли и его приспешниками. Вот портрет жениха Инги, музыковеда Гоги Ломидзе: «Бледное, достаточно выразительное лицо, слегка удлиненная голова, глубоко сидящие добрые глаза и кроткий взгляд, узкие плечи, впалая грудь, длинные тонкие руки и ноги, которые, возможно, и наводили на мысль о болезненности их владельца, но в общем дополняли, как нельзя более, портрет рафинированного мягкого интеллигента».

А вот что вы пишете о следователе милиции Лери Долидзе: «Высокий, болезненно худой».

Почему сформировался такой стереотип? Почему честный человек представляется вам физически слабым и зачастую беспомощным в повседневном быту? Разве вокруг вас мало честных людей, сильных и духом, и телом?

Г. П. Слава богу, немало. Непонятно, кому адресуете вы свой упрек. Кто в «Спирали» из ученых подчеркнуто физически слабый? Может быть, академик Георгадзе? Где-нибудь говорится об этом? Давид Георгадзе — стар, но старость ни в коем случае не означает слабости. Вы ведь тоже не считаете, что старость и слабость одно и то же? Но согласитесь, все герои не могут быть физически здоровыми. Что касается других, не знаю, но ко мне ваше замечание никак не может относиться. Не станете же вы оспаривать, что Отар Нижарадзе («Камень чистой воды») физически отнюдь не слаб. Не назовешь беспомощным и Нодара Геловани («Год активного солнца»), который между прочим является ученым. Не жалуется на здоровье и Леван Хидашели («Седьмое небо»), которого, в отличие от некоторых критиков, я считаю положительным героем. О других «здоровых» второстепенных и третьестепенных героях я уже не буду напоминать.

К. И. Батоно Гурам, известно, что современное искусство уделяет большое внимание проблеме секса — в ее эстетическом или порнографическом выражении, это зависит от личности автора. Таково, очевидно, веление времени. В общем это явление,

как думают, вызвано пренебрежением духовным началом в реальном быту и тотальным страхом.

У грузинской литературы в этом отношении — свои традиции. Уже автору «Витязя в тигровой шкуре» и переводчикам «Висрамиани» женщина представлялась полнокровным человеком, овеянным некоей возвышенной тайной. Этот взгляд на женщину, на отношения между мужчиной и женщиной, можно сказать, сохранился по сей день и в жизни, и в литературе. Но в последнее время наблюдается тенденция сорвать все покровы с тайны, все и вся опростить. Она прослеживается не только в грузинской прозе и поэзии, но и в кино, и в театре. Четко проявилась эта тенденция и в вашем романе. И главное не в том, какой объем в тексте книги уделен сексу (хотя и это свидетельствует о тенденции), а в том, насколько художественно это все выполнено.

Индифферентизм к духовному началу, мне кажется, явился причиной того, что в характере двух ваших главных героев — Рамаза Коринтэли и Маринэ Двали превалирует сексуальность. Здесь же оговорюсь, что это предопределено внутренней логикой романа, и все же хочу остановиться на этом вопросе подробнее. Почему, станет ясно ниже.

Взгляд вашего героя — Рамаза Коринтэли + Давида Георгадзе «на панихиде академика вдруг приковала туго обтянутая черным платьем грудь. Оказалось, она принадлежала личной секретарше академика. Около семи лет проработала Маринэ Двали с академиком. Ей едва исполнилось восемнадцать, когда он взял ее на работу. Для него она была ребенком, и он никогда не смотрел на нее как на женщину. Даже и не замечал, какая у нее страстная грудь.

Рамаз Коринтэли не мог оторвать глаз от груди Маринэ...»

«Он вновь взглянул на Маринэ, ее заслонял какой-то верзил с красным носом.

«Интересно, кто это такой, когда он здесь возник?» — разозлился Рамаз Коринтэли. Бесцеремонно растолкав скучившихся людей, он приблизился к Маринэ и остановился в двух шагах от нее.

И вновь впился глазами в царскую грудь женщины».

«Усталый взгляд его вновь скользнул по жене Давида Георгадзе. И вновь им овладело непонятное тягостное чувство. Наконец он понял, что терзало его. Это было отвращение молодого человека к старой женщине, с которой он когда-то делил постель, исступленно целуя ее грудь».

Читатель чувствует, как просыпается и побеждает в со-

нании старика страсть молодого, сильного, но, с эмоциональной точки зрения, все же примитивного человека (Рамаза Коринтэли), для которого женская грудь — едва ли не единственный признак сексуальности. И вот доказательства:

«Прикоснувшись к груди сестры, Рамаз Коринтэли вновь почувствовал, как его словно ударило током...».

«Рамаз Коринтэли был ослеплен загорелыми шоколадного цвета грудью и красивыми упругими руками женщины. Его сводила с ума белая полоска, под которой скрывалась сверкающая белизной грудь...»

«Соблазнительно сверкали белая полоска и ложбинка между грудями...».

«В глаза Рамазу Коринтэли вновь бросилась тугая грудь Лали. Вновь в нем взыграла кровь».

А теперь понаблюдаем за Маринэ Двали.

Маринэ кажется, что все смотрят на ее грудь. Это определяет ее отношение ко всем мужчинам. Для нее они все едины, одинаково похабны и развратны.

«Секретарша директора сразу заметила, что во время разговора никто не смотрел ей в глаза, взгляды всех мужчин жадно «ощупывали» ее грудь, как бы пытаясь проникнуть под платье...».

Она испытывала тайное садистское удовлетворение, видя мутные от вожделения глаза мужчин. «Мужчины нагло шарили глазами по соблазнительно выглядывавшей ложбинке между грудями».

Неравнодушие к собственной груди проявляет и сама Маринэ. Когда ее охватывает страсть, она взглядом или рукой ласкает свое голое тело, свою грудь.

«В ванной она расстегнула халат, гордо оглядела свою высокую грудь».

«Она встала с постели, включила торшер, сняла длинную ночную сорочку и нагая подошла к зеркалу. В слабом свете торшера ее и без того блестящая гладкая кожа, казалось, светилась изнутри. Тугая грудь взволнованно ходила вверх-вниз».

«Дремота постепенно одолевала ее... правой рукой она вновь невольно провела по горячей груди...»

«Она снова встала перед зеркалом. Медленно отняла полотенце, открыла грудь и, удовлетворенная, оглядела себя».

«Маринэ Двали и сама не поняла, как поднесла правую руку к груди и страстно погладила ее».

У вашей героини сложилось неверное представление об окружающих ее людях. Но когда вы пишете, что Маринэ Два-

ли «специально одевала черные майки или вязаные жилеты с глубокими вырезами, плотно облегавшие грудь и обнажавшие заветную ложбинку, чтобы свести мужчин с ума»¹ выводит, что вы разделяете ее мнение обо всех мужчинах, во всяком случае, обо всех тех мужчинах, которые работали в том же научно-исследовательском институте, что и она.

Правильно ли я понял эту вашу фразу?

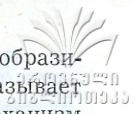
В другом месте интимную сцену между Рамазом Коринтэли и Лали вы заключаете так: «К тяжелому дыханию опьяненного блаженством юноши время от времени примешивался страстный и нежный стон девушки».

Взгляните на все это глазами строгого читателя. Мне кажется, приведенные цитаты, особенно две последние, отнюдь не украшают художественный текст, слова автора звучат как банальная фиксация факта. Как видно, вы не смогли индивидуализировать своего героя.

Но при этом ваша позиция как автора романа выражена предельно ясно. Еще раз отмечу, что «Спираль» принадлежит к прозе, не имеющей у нас значительных традиций. Это роман, где элементы, характерные для бытовой, психологической, фантастической, детективной прозы, а также прозы ужасов и эротической органически объединены хорошо закрученным сюжетом, острой, современной тематикой и, бесспорно, разделяемой всеми мыслью: большой интеллект в сочетании с аморальностью — носитель зла и в конечном счете — саморазрушитель.

Сюжет — операция по пересадке мозга и ее печальные результаты — раскрыт впечатляюще, его перипетии и типажии убедительны. Я отмечаю то, что вижу и что принесло «Спирали» популярность, но «Спираль» стала популярна и по другой причине — из-за эротических сцен, сцен ужасов и бандитских актов. Здесь многое вызывает у меня удивление, а часто и протест. Возможно, во мне говорит моралист-педагог, но я не люблю литературу или фильмы, детально рисующие или воспроизводящие картины ужаса, насилия, садизма, эротики, переходящей в порнографию. Пусть даже они проникнуты пафосом отрицательного ко всему этому отношения, но изображены с таким мастерством, что у читателя или зрителя невольно возникает желание приобщиться ко всему этому.

Дело в том, что сегодня художественная литература должна выдерживать конкуренцию не только с театром, кино и телевидением, но и с наблюдающимся в последнее время засильем видеofilьмов, часто проповедующих противоречащие традициям и правилам нашей жизни вкусы и идеологию. В

то же самое время видеотехника имеет богатые изобразительные возможности и, хотим мы того или нет, оказывает влияние не только на писательскую технику, но и на механизм читательского восприятия. Вы это уловили точно и даже используете в своих произведениях (хотя бы метод многократного повторения кадра, которому в свое время кино научилось у литературы), но не обусловлено ли частично влиянием видео бесспорное засилие секса, эротики в нашей литературе? Впрочем, здесь, вероятно, нашла отражение и реальность, в наше время любовь лишилась романтической основы, и наше бытие, если можно так сказать, стало неприкрыто «сексуальным».

Сейчас, когда прошло время и вы в какой-то степени «освободились» от романа, не кажется ли вам, что было бы лучше, если бы эта линия в романе была бы разработана с большим чувством меры? И вообще, что вы думаете по этому поводу в связи с современной грузинской литературой и искусством?

Г. П. Если я отвечу на все ваши вопросы, мне придется детально разобрать весь роман. Но не будем злоупотреблять вниманием читателей. Вы вот сказали, что «Спираль» — роман, традиций которого у нас нет. Вы совершенно правы. Надеюсь, Вы не упрекнете меня в хвастовстве, если я скажу, что в этом романе многое ново и с точки зрения темы, проблемы, способов ее разрешения. Думаю, заслуживает внимания и ритм романа. Он идет вразрез с существовавшими традициями, поэтому к нему надо подходить с другими мерками.

Так что не надо втискивать роман в заранее заготовленные рамки. Сперва следует выяснить, как разрешил писатель поставленную перед собой задачу, удалось ли ему зародить в душе читателя желание быть лучше, стремление к добру, чести, гуманизму.

К. И. Вы совершенно правы, к художественному тексту следует подходить только с учетом его внутренних законов. Но если уж сцены ужасов, насилия, эротизма были неизбежны, то наверняка следовало соблюсти меру.

Возможно, я слишком субъективен, поскольку подобные сцены не вызывают у меня восторга (ни в литературе, ни в кино). При этом, чем с большим мастерством они написаны, тем больше притягательны, особенно для молодежи.

Обо всем этом, мне кажется, следует подумать.

Повторяю еще раз, я выражаю только собственное мнение.

Разве столь убедительно написанная вами сцена убийства, вызывающая сопереживание к реципиенту, в какой-то степени не приобщает человека к убийству?

Вы наверняка видели замечательный фильм Милоша Формана «Кто-то пролетел над гнездом кукушки», где показана одна попытка к убийству и одно убийство. В обоих случаях зритель сочувствует убийце. В первом случае он с готовностью поменялся бы местом с героем, когда тот пытается задушить старшую медсестру психиатрической больницы, которая попирает достоинство пациентов и своим отношением доводит одного из них до трагического самоубийства (т. е. фактически является убийцей); а во втором случае сочувствует другу героя, который убивает его, так как психиатры лишили несчастного ума, воли, превратили в живого мертвеца, это убийство приносит облегчение и жертве, и зрителям.

Сила воздействия фильма настолько велика, что зритель как бы сам участвует в убийстве. Психологически мы тоже убиваем человека... Убиваем раз, другой, третий... и постепенно привыкаем к этому. Но человек не должен быть убийцей даже в воображении. Эти вопросы как будто не имеют отношения к вашему роману, но ведь именно он их породил.

Г. П. Вы заострили свое внимание на описанных в романе жестокостях. Но неужели в «Спирали» есть хотя бы один эпизод, равный по своей жестокости сценам, изображенным в «Обыкновенном убийстве» Кепота или «Хронике объявленной смерти» Маркеса? Вспомните хотя бы сцену расстрела в романе Хемингуэя «По ком звонит колокол».

И еще, почему, говоря о «соучастии» в убийстве читателей романов или зрителей фильмов, мы приводим в качестве примеров произведения иностранных авторов?

Разрешу себе напомнить небольшой эпизод из написанного мною восемнадцать лет назад романа «Камень чистой воды».

«— Тамаз Яшвили, не увливай от ответа, неужели ты думаешь, что не сможешь убить человека? Или, может быть, считаешь, что никогда и никого не убивал?

Ты, как и я, убил очень многих людей, — продолжал Отар. — Впервые я убил человека, когда мне было двенадцать лет. Помню, как сегодня, — смотрел фильм «Ромео и Джульетта». Почему-то больше всех мне понравился Меркуцио, я

просто влюбился в него, и когда Ромео, потрясенный его смертью, поразил его убийцу, мне показалось, что это я вместе с ним вонзил шпагу в Тибальда, я почувствовал запах горячей крови, я наслаждался мстостью. Вспомни, сколько раз восторженно вскакивал ты со своего места, когда на экране убивали ненавистного тебе героя, когда вместе с убийцей мстил и ты. Чем красивее убивали его, тем сильнее был твой восторг. Почему ты замолчал, скажи, разве я не прав?

— К сожалению, мне нечего возразить.

— А ты думал, что безгрешен и на тебе не лежит грех сына Адамова?».

Как видите, эта проблема для меня не нова, я давно ею занимаюсь.

Эротические сцены, о которых вы говорите, в большинстве случаев выполняют совершенно иные функции.

Описание женской груди и встревоженных ее видом добродетельных мужей, которые по утрам стоят в очереди за молоком, а вечерами помогают женам мыть посуду, — детали совершенно разных сатирических пластов. В романе есть любовные сцены различного характера, но ни одна из них не является самоцелью, каждая имеет свою литературную функцию. Не могу с вами согласиться и в том, что они перегружены деталями. Вырванные из контекста и собранные в одной статье цитаты такого рода, возможно, оставляют удручающее впечатление, но ведь они разбросаны по двадцати трем печатным листам романа!

И уж если зашел об этом разговор, вспомним те отвратительные, откровенно сексуальные сцены в иных театральных постановках, которые вызывают справедливое возмущение нашего зрителя.

Есть произведения, где, на первый взгляд, все ясно, все подчинено литературным законам и требованиям. В связи с такими произведениями мне вспоминаются обычно слова Герберта Уэллса: «Моя теория была очень ясна и правдоподобна, как и большинство ошибочных теорий».

Правда, здесь речь идет о научной теории, но слова эти свободно можно применить и к литературным произведениям.

А к «Спирали» больше подойдет высказывание Нильса Бора: «Совершенно ясно, что перед нами безумная теория. Теперь вопрос состоит лишь в том, достаточно ли она безумна для того, чтобы быть правильной».

К. И. Батоно Гурам, мне бы хотелось поговорить с вами о такой важной проблеме, как язык писателя, проблеме слова

в художественной литературе, в современной грузинской литературе и конкретно в вашем романе.

Вам хорошо известно, что современный грузинский литературный язык переживает процесс принципиальных изменений, это проявляется в засилье диалектных форм, калек, варваризмов, жаргона, газетного языка. С одной стороны, происходит чрезмерное усложнение языка (что находит свое выражение в исторических романах), а с другой — упрощение и обеднение (что проявляется в произведениях, посвященных современной тематике). Ваша проза как бы находится в самом центре этого процесса, и в какой-то степени вы несете ответственность как за его успехи, так и за поражения. К сожалению, мы очень редко говорим о проблемах языка, хотя и читатели, и писатели ощущают острую потребность в таком разговоре.

В вашей прозе нашли отражение жизнь и психика горожанина — рабочего, инженера, ученого, рецидивиста, следователя, официанта, дельца и т. д. Жизнь и психика принадлежащих к одному языковому единству личностей, отличающихся друг от друга своими речевыми характеристиками, но в то же время связанных между собой местом и временем действия.

Высокохудожественное воплощение всего этого — процесс сложный, тем более, что традиции урбанистической прозы у нас сравнительно небогатые; отражая городскую жизнь, грузинская проза зачастую обращается к характерным для села фигурам. В этом нет ничего удивительного. Формирование городского быта для нас — сравнительно новый процесс, а начало интенсивного отображения в литературе урбанистических тенденций относится к нашему недавнему прошлому — шестидесятым годам (хотя спонтанно они проявлялись и ранее). Таким образом, в настоящее время мы находимся в самом разгаре поисков и многое должны определить для себя именно сейчас, чтобы лучше предвидеть наше будущее. Язык, я полагаю, скорее будет обогащаться, нежели обедняться. В городах живут представители различных уголков страны, владеющие разными профессиями, они оказывают влияние друг на друга не только в смысле поведения и формирования характера, но и в отношении языка. При этом писатель не только точно отображает действительность, в какой-то мере даже направляет ее развитие. И это влияние писателя сказывается в сфере языка. Разве это не так? Писатель должен быть свободен от чьего бы то ни было влияния, от влияния какой бы то ни было микрогруппы, так как он является представителем нации в целом. Это касается не только эстетической, политической и мо-

ральной позиции писателя, но и его языковой позиции. Так же, как фиксация наших повседневных взаимоотношений еще не есть художественная литература, так и наш разговорный язык — не язык художественной литературы. Для того, чтобы они стали предметом искусства, необходим талант творца.

Повторяю, ваши поиски в этом смысле часто заканчиваются успехом, пример тому — точные языковые характеристики академика Давида Георгадзе, врача Зураба Торадзе, рецидивиста Рамаза Коринтэли, Маринэ Двали, Маки Ландиа, убедительна и лексика скрещенного героя (Георгадзе + Коринтэли), несмотря на то, что здесь перед вами стояли большие трудности.

Мне кажется, главное, что характерно для вашего языка, это — лаконичность, точность, отрицание его метафоричности. Язык сам по себе не имеет для вас самостоятельного значения, его основная функция, по-вашему, — с помощью минимальных средств донести до читателя смысл произведения. Это нелегкий путь, так как есть опасность того, что простота обернется бедностью языка, а лаконичность — упрощенностью. Приведу несколько примеров. Давид Георгадзе — физик; с целью подчеркнуть его профессию (но никак не выявить характер), вы обращаетесь к «лазерному лучу»: «Давид Георгадзе с трепетом смотрел на грозное и мрачное лицо молодого человека (Рамаза Коринтэли — К. И.). Два тонких лазерных луча, исходивших из глаз юноши, бесцеремонно шарили в клетках мозга ученого». И еще: Георгадзе + Коринтэли «отчетливо увидел два тонких лазерных луча, которые излучали его же еще затуманенные глаза». Или: (тоже после операции) «Рамаз Коринтэли чуть не вскрикнул от изумления и страха — его лицо вновь обожгли два тонких лазерных луча, которые излучали круглые черные глаза Сосо».

Если синтагма «лазерный луч» используется для того, чтобы подчеркнуть профессию героя, то она, так сказать, малоэффективна, поскольку выражение «луч лазера» — сегодня на устах у любого обывателя. Если же она используется для обрисовки характера героя, то тогда уже это интересный художественный прием, но тут возникает другой вопрос: почему все же «луч лазера» испускают глаза рецидивиста? И наконец, я думаю, для вас не составило бы труда избежать такого досадного повторения почти идентичных фраз: «которые излучали его еще затуманенные глаза» и «которые излучали круглые черные глаза Сосо»; так же, как и следующего образа: «Пе-

чалъ на лице Рамаза Коринтэли выглядела такой неестественной, казалось, чья-то рука наскоро пририсовала ее кистью к лицу», «Мака Ландия все еще улыбалась, и эта улыбка казалась бездарно пририсованной к ее губам».

Следует задуматься и над другими аспектами языка вашей прозы и, видимо, нашей урбанистической прозы вообще. Она хотя бы внешне должна отличаться от нашей традиционной прозы — у нее свой ритм, своя лексика и т. д. Ультрановое в ней часто соседствует с традиционным, иногда устаревшим, утратившим свои функции.

Новым бытом, новой действительностью продиктованы следующие фрагменты романа: «Рамазом Коринтэли овладела страшная тоска, он вновь представил себя расчлененным на отдельные органы и разложенным на мерцающих телеэкранах в разных комнатах» (может быть, «разложенным на различных телеэкранах в комнате?»).

«Он не помнил, сколько времени это продолжалось. Из окопов вновь вылезли вопросительные знаки, подобно пригнувшимся солдатам, они спешили к нему со всех сторон».

«Войдя в аудиторию, Мака Ландия почувствовала, как натолкнулась на взгляды, устремленные на нее из двухсот пар глаз. Лучи, исходившие из этих любопытных глаз, сверлили ее так, что тело покалывало, как покалывает его под палящим солнцем на пляже».

Короче, создавая художественный образ, вы неизвестное определяете известным, ваш принцип — кратчайший путь для отображения реальности, но иногда вы изменяете ему. Современному горожанину более близко (с точки зрения реальных представлений) сравнение: «За стеклами очков вновь вспыхнули два динамитных фитиля», нежели «подобно черному грифу» или «подобно леопарду» и т. д.

И поскольку речь зашла об эксплуатируемом, «утомленном» языковом материале, возможно, необходимо сказать и о таких художественных пассажах, которые стерлись от частого употребления, превратились в штамп и, на мой взгляд, разрушают языковое (и постольку художественное) единство психологически сложного эпизода романа. Имеется в виду эпизод, когда Давид Георгадзе впервые увидел себя в зеркале после операции и, приняв за другого, поразился: когда этот юноша вошел в палату?

«Давид Георгадзе правой рукой медленно вытер лоб, затем сильными пальцами провел по груди и пощупал мышцы левой

руки. Ощущение сильного тела поначалу вместо радости вселило в него тревогу, а затем и страх.

«Где же я? — подумал он. — Наверное, зачихнули меня на какую-то полку этого живого шкафа».

Он боялся произнести слово — помнил, какой у него стал голос. Он разговаривал в предшествующие дни, но тела своего не видел. Сейчас же, когда ему не верилось, что отраженный в зеркале юноша — это он сам, звучный молодой баритон, который рождался в его сильной груди, окончательно убедил бы его в том, что академика Давида Георгадзе больше нет. А если он и есть, он удивительно похож на этого крупного и сильного юношу.

«Где же я?» — зловеющая мысль не оставляла его.

Он невольно уставился на лоб юноши, отраженного в зеркале.

Я там, в своем городе, нахожусь взаперти. Я существую и мыслю вне этого лба. И это так!».

Миллионы мурашек пробежали по его телу. Миллионы тонких, но острых жал впились в него.

«Но если я существую вне этого лба, то почему я чувствую укусы миллионов мурашек на своем теле? Почему несет меня к пропасти огромный, холодный и склизкий камень, лежащий на сердце?»

Давид Георгадзе так, чтобы не заметил главный врач, левой рукой ущипнул себя за бедро.

Почувствовал боль.

Ущипнул еще раз, на этот раз сильнее.

Стало еще больнее.

Он немного успокоился.

«Тело свое чувствую. Стало быть, сомневаться не приходится. Эта мощная грудь, руки и ноги действительно принадлежат мне» (выделено мной — К. И.).

Психологически убедительный и впечатляющий эпизод, если бы обошлось без штампа. Я имею в виду выделенные мною строки — «Давид Георгадзе так, чтобы не заметил главный врач, левой рукой ущипнул себя за бедро» и т. д.

Может быть, в поэзии подобные штампы резче бросаются в глаза, но и языку прозы или структуре текста они приносят несомненный вред, снижая художественные достоинства.

Несмотря на мои претензии к языку «Спирали», надо отметить, что этот роман, бесспорно, в этом смысле лучше ваших предыдущих романов, в нем, как видно, отчетливо прояс-

вились ваши взгляды на язык прозы. Я потому и поднял этот вопрос, чтобы вызвать вас на разговор.

Мне совершенно непонятно, почему в романе все герои от академика до рецидивиста, включая и автора, употребляют одно и то же выражение, в конкретном случае, жаргонное, например, «гавитише» («отключился»). Мне кажется, в силу различных интеллектов и общественного положения они не должны разговаривать одинаково.

Зураб Торадзе и Рамаз Коринтэли еще могут так сказать: «Его воодушевление усиливало еще и то, что юмор большого попахивал согласием на операцию». Но в авторской речи такая фраза неуместна.

Отмечаю это потому, что именно авторская речь в последнее время стала небрежной, в ней укоренились диалектизмы, варваризмы и жаргонизмы.

Что вы думаете по этому поводу?

Г. П. Вначале мне хотелось бы высказать свое мнение о слове «гавитише», поскольку оно в какой-то мере связано с существом вашего вопроса.

Жаргона я не люблю и почти не использую в своей прозе, но об этом ниже. Слово «гавитише», если память мне не изменяет, когда-то было очень распространенным, в пору моего детства его употребляли и взрослые и дети. В последнее время оно приобрело ярко выраженный жаргонный оттенок.

Точно так же, как стало жаргонным древнейшее грузинское выражение «хасиати гамисцоре» («сделай мне одолжение» — букв. «поддержки настроение»). Молодежь сократила это традиционное выражение за счет слова «хасиати», и теперь оно звучит в диалогах молодых приблизительно так:

— Пойдем в кино!

— Не пойду.

— Гамисцоре! (Поддержки!)

Еще один пример. Вот какой вид приняло выражение «гули гамиткда» («разочаровался» — букв. «сломалось сердце») в речи сегодняшней молодежи. Скажем, молодой человек в чем-то разочаровался, о крушении своих надежд он говорит так: «Ау, рогор гамиткда» (Ах, как сломалось!).

Так вот, я не отношу слово «гавитише» («отключился») к жаргонным.

Теперь о моей языковой позиции. В процессе создания произведения, конкретно в процессе писания, я никогда не думаю о языке как об отдельной, независимой проблеме, я думаю только о своих героях и о развитии темы. А герои произ-

ведения не всегда поступают по воле и желанию автора, часто именно они, их характеры определяют языковую ткань произведения. Процесс писания — это борьба с героями, с темой, с языком. Основной борьбой все же является борьба с героями и темой. Если мне повезет и она закончится в мою пользу, начинается следующий этап борьбы, на втором фронте — с языком, но борьба эта не выходит за языково-стилистические рамки.

В этом отношении в «Спирали», думаю, небезынтересно сравнение речевых характеристик двух главных героев романа — Давида Георгадзе и главного врача больницы Зураба Торвадзе.

Оба героя говорят на современном грузинском литературном языке, оба они ученые, интеллигенты. Но, кажется, мне удалось дать им соответствующие речевые характеристики.

Речь Давида Георгадзе — спокойная, вдумчивая, обыденная. Для него характерен сдержанный, соответствующий ситуации юмор. Он мыслит ясно, тон его категоричен и несколько строг, что обусловлено его положением и возрастом.

Речевая характеристика главного врача несколько иная. Он высокопарен, многословен, излишне эмоционален. Когда его слова производят эффект, он повышает голос на одну октаву. Часто, входя в роль, он забывает, что перед ним больной, и может ляпнуть такое, что пациенту знать не следует. Когда же, несмотря на свое ораторское искусство, ему все же не удастся достичь цели, он сразу же сникает. Настроение портится, высокопарность исчезает, ритм речи замедляется.

Мне, вероятно, не удалось избежать старых стершихся образов, которые уже и не воспринимаются образами.

Иное дело, когда ты сам создаешь их. Например, вот как героиня романа Мака Ландиа пытается представить себе портрет Рамаза Коринтэли:

«Выступление молодого дипломанта произвело на девушку действительно неотразимое впечатление — прекрасное и ужасное одновременно. Как на рассыпавшихся детских кубиках с картинками она видела улыбку Рамаза Коринтэли — то добрую, то змеящуюся ироническую, слышала его смех — то чистосердечный, то ядовитый, представляла его глаза — то исполненные добродушия, то загорающиеся злым огнем. Вспомнила спокойные, полные достоинства жесты, которые сменялись вдруг угрожающим размахиванием кулаками. Перед ней вставало то умное, исполненное интеллекта лицо, то хулиганская примитивная рожа.

Она изо всех сил старалась собрать из этих разрозненных кубиков цельного, мыслящего и доброго Рамаза Коринтэли. Но у нее ничего не получалось. Она не могла найти той доброй улыбки, той улыбки, исполненной добродушия. В конце концов, потеряв терпение, как ребенок, она отшвырнула кубики и сбросала их по полу».

Вы, вероятно, помните такую детскую игру: из фрагментов, нарисованных на гранях кубиков, надо было составить цельную картину.

А вот Рамазу Коринтэли приснилась мельница:

«Вдруг наступила тишина. Шум жерновов неожиданно прекратился. Огромный круглый камень, подобно умирающему, что-то прохрипел в последний раз и замер.

«Что случилось?» — удивился Рамаз Коринтэли. Он вскочил и бросился к деревянному наклонному желобу. То, что он увидел, заставило его вздрогнуть. В следующую минуту его сковал страх — вода в желобе остановилась. Река спала глубоким сном. Ему показалось, что вместе с водой остановилось и его сердце, кровь от мозга отхлынула и застыла в жилах. Кто-то невидимый с помощью компрессора пустил в мозг вместо крови поток холодного сырого воздуха. Коринтэли в отчаянии обхватил себя руками и встряхнул, как остановившиеся часы. Встряхнул с такой силой, что сам испугался, как бы его тело не распалось на части и не рассыпалось по земле. Потом, затаив дыхание, прислушался к собственному сердцу. Оно забилося. Забилося медленно, тяжело, но все же забилося».

Или: «Вены на висках напоминали выбившиеся из-под асфальта корни дерева».

Или: «Казалось, этот пятидесятичетырехлетний человек состоял из двух шаров. Первый, достаточно большого диаметра шар из мяса лежал на двух коротких обрубках. Второй, гораздо меньший, в котором едва мерцала готовая погаснуть оплывшая свеча его интеллекта, был настолько прочно прилеплен к большому шару, что ни разу не упал с него. Шеи не было видно, да и без нее уважаемый ученый, как видно, чувствовал себя превосходно».

Или: «Единственное большое облако, несущееся с запада, было похоже на громадных размеров сеть, брошенную на город чьей-то сильной рукой. Еще немного, и Тбилиси запутался бы в гигантской свинцового цвета сети».

Думаю, примеров достаточно. Мой роман все же не технический прибор или телевизор, чтобы прикладывать к нему инструкцию по эксплуатации.

Тот, кто внимательно прочтет его, вероятно, найдет в нем нечто стоящее внимания.

Хочу вспомнить мудрое изречение, которое, если не ошибаюсь, принадлежит английскому художнику Муру:

«Любое произведение искусства звучит только для тех, кто прислушивается к нему с сочувствием».

К. И. Я помню ваше первое выступление в печати в качестве прозаика, помню ваше тогдашнее волнение и нескрываемый страх перед судом читателей.

После этого прошли годы. Вы стали прозаиком, лауреатом различных премий. Скажите, если это не секрет, по-прежнему ли вы волнуетесь и боитесь суда читателей?

И еще один вопрос: как вы относитесь к критическим статьям, написанным о вашем творчестве? Согласны ли вы с теми замечаниями, которые в них содержатся? И каково ваше отношение к похвалам в ваш адрес? Насколько справедливы, по-вашему, критические замечания? Похвалы?

Г. П. Начну с последнего вопроса: нравятся ли мне критические статьи, написанные о моем творчестве. Но, по всей видимости, ваш вопрос носит более общий характер и его можно сформулировать так: как я отношусь к сегодняшней грузинской критике.

По моему мнению, все наши критики делятся на две группы.

К первой группе принадлежат критики «по рождению», «по призванию». К этой группе я причисляю вас и нескольких других наших критиков.

Ко второй группе критиков относятся те, кто раньше писал сам, но ничего стоящего не создал и теперь учит других, как нужно писать.

Есть и такие критики, которые все знают, но ничего не чувствуют. Именно они и наиболее опасны. Они обычно обладают даром вырабатывать на какое-то время, пусть недолгое, но определенное, ошибочные позиции и взгляды.

Скажем, написан новый более или менее значительный роман. Новым я называю роман, написанный на новую тему, в котором действуют новые герои, ставятся новые проблемы, используются новые изобразительные средства, а не роман, который новым можно назвать только потому, что он недавно написан.

И вот его прочитал критик, достаточно образованный, но ничего не смыслящий в художественном новаторстве. На основе чего делает он свои заключения?

Он рассматривает произведение, исходя из известных, общепризнанных критериев, которые существуют в литературе.

Но есть и другой путь. Рассмотреть, что общего у нового романа (хотите, рассказа) с известными произведениями мировой литературы.

И если он найдет, что произведение «скроено» по выкройке модного иностранного романа, восторгу критика не будет предела.

Я много раз говорил и повторяю еще раз, что знаю немало так называемых эстетов, не могущих отличить, к примеру, Ван Гога от Гогена. Но при случае они и лекцию прочитают о каждом из них, и статью напишут, и фактами задавят, и эрудицией.

Вы, конечно, помните героя Сэлинджера Холдена. Это он сказал, что в наше время все настолько начитаны и образованы, что сразу и не поймешь, кто умный, а кто глупый.

У нас печатается множество статей, в которых, на первый взгляд, все в порядке. Они несут печать образованности авторов, в них много параллелей, общих сентенций, теоретических выкладок. Мастерски использованы высказывания известных писателей и мыслителей. Как будто все на месте, но нет главного — подлинной оценки рассматриваемого произведения.

Я хотел бы сказать таким критикам следующее.

Апеллировать общими фразами легко, мы живем в эпоху готовых моделей. Критик свободно может подогнать рассматриваемое произведение под какую-нибудь модель таким образом, что его статья своей конструкцией и соответствующими атрибутами станет походить на настоящую. Но... не ищите в ней истинного понимания произведения, литературного суждения о нем, правильной оценки.

Многие критики в своих статьях стараются щегольнуть знаниями, показать себя, покрасоваться, как перед зеркалом. Голова идет кругом от их начитанности, эрудиции, но... в их статьях полностью отсутствует понимание явных психологических или художественных слабостей произведения или, напротив, сильных его сторон.

Настоящим критиком я считаю лишь того, кто способен по достоинству оценить новое произведение. В дальнейшем время покажет, насколько верной была его оценка. Сегодня легко утверждать, что Николоз Бараташвили и Галактион Табидзе — великие грузинские поэты. Но вспомните, кто из современников считал Николоза Бараташвили гениальным поэтом? Чтобы

понять его гениальность, необходимо было появление другого великого сына Грузии — Ильи Чавчавадзе.

Есть и другая категория критиков, которые ко всему подходят с заранее разработанными схемами или, вернее, критериями. Новое произведение только тогда имеет для них цену, когда оно совпадает с их излюбленными моделями-схемами.

Но хуже всего те, кто поет хвалу литературной моде. Помню, какой восторг вызывал лет двадцать назад «поток сознания». Потом все стали говорить только о мифе. Никого не интересовало, о чем произведение, как оно написано. Главное, оно построено и основано на мифе! Этого было достаточно, чтобы считать произведение серьезным и значительным. И начинались возвышенные рассуждения, находились многочисленные параллели, шел философско-психологический анализ...

Вы, вероятно, помните замечательную статью Отара Чхеидзе об всей этой литературной аномалии. Я со своей стороны добавлю, что литература — это не одежда, которая в зависимости от моды может быть то длинной, то короткой.

К. И. Миф в той или иной степени бытует в литературе и искусстве неизменно, и процесс мифологизации постоянно находит отражение как в истинно художественных произведениях, так и в псевдолитературе. Главное — талант писателя. Немало произведений низкого качества создается и вне литературы, использующей миф.

Г. П. Многих наших критиков, как талантливых, так и менее талантливых, отличает тенденциозность.

Критик может не любить того или иного автора, быть на него в обиде, но если он не способен подняться над своими личными чувствами, то он не сможет по достоинству оценить рассматриваемое произведение.

О моих произведениях написано много интересных статей как у нас, так в России и за рубежом. Ничего, кроме слов благодарности, я их авторам сказать не могу. В большинстве статей чувствуется высокая культура их авторов, высокий уровень современного мышления. Но, к сожалению, часто после их прочтения я испытываю чувство сожаления и неудовлетворенности — все, что в моем произведении казалось мне значительным и интересным, остается вне поля зрения критиков. Не знаю, человеку свойственно ошибаться, но будь я критиком, я разобрал бы прозаические произведения совершенно по-другому.

Скажем, два писателя создали романы одного плана, такие, какие критики обычно относят к произведениям так назы-

ваемого обличительного характера. Стали появляться критические статьи, в которых оба произведения рассматриваются так, как это происходит обычно. И получается, что они как своей тематикой, так и героями, ведущими борьбу с несправедливостями, почти идентичны. Во всяком случае, после прочтения критических статей создается такое впечатление.

Где в них исследование деталей произведения, анализ мастерства писателей, поиски и расшифровка психологических акцентов, где разбор особенностей ритма, пейзажей, портретов?

Писатели ведь отличаются друг от друга своим мастерством, вернее, даром видения и ощущения мира, который от бога. На основе анализа тематики нельзя судить об уровне произведения писателя, о его мастерстве. К тому же почти все литературные темы вечны во все времена. Каждая эпоха лишь придает ей свой ритм и облачает в свои одежды.

В наш век, особенно в эти последние его десятилетия, когда так резко изменились изобразительные средства в архитектуре, живописи, в музыке, вряд ли можно писать прозу, используя методы и средства выражения, характерные для литературы девятнадцатого и даже первой половины XX веков.

Лично я произведения читаю совершенно по-другому. Скажем, в эпизоде беседуют три человека, и в это время писатель вводит в повествование четвертого героя. Как он это делает? Насколько точно найдены детали? Как видится автору воображенная им же ситуация? Насколько правильно проанализирован им психологический момент?

При чем здесь психологический момент? — спросите вы. А я отвечу. Предположим, вошел музыкант. Разве я, читатель, почувствую, что этот четвертый персонаж — музыкант, если автор просто сообщает: «Вошел музыкант Гиа»?

Писатель всегда ставит перед собой какую-то задачу. Цель критики — не выяснять, что хотел сказать автор, а проанализировать, сумел или не сумел он разрешить поставленную перед собой задачу.

К. И. Вероятно, критик должен выяснить и то, что хотел сказать писатель, и то, как он это сделал.

Г. П. Вы, наверное, помните прекрасный американский фильм «Судьба солдата в Америке». Там был такой эпизод. Эдди Бартлет, бывший солдат и гангстер, увидел на сцене кабаре ту самую девушку, которая написала ему письмо на фронт. Гангстер сразу же влюбился в молоденькую танцовщицу и пошел за кулисы, чтобы встретиться с ней и напомнить о себе (к сожалению, я не помню имени этой девушки).

Прошу вас внимательно проследить за моей мыслью. Для развития сюжета фильма не имело значения, как встречаются гангстер и танцовщица. Главное, что они встречаются, любовная интрига завязывается. Но произведение истинного искусства тем и отличается, что в нем все продумано, проанализировано и самая мельчайшая деталь психологически точно выверена.

Словом, Эдди Бартлет, гангстер, должен встретиться с девушкой-танцовщицей.

Из множества вариантов режиссер и сценарист должны были выбрать такой, который наиболее точно соответствовал бы именно этой встрече.

Постараюсь восстановить в памяти эпизод из фильма, который видел почти 35 лет тому назад. За кулисами стоят двое — Эдди Бартлет и какой-то пожилой мужчина. Оба одеты абсолютно одинаково, режиссер не делает акцента на одежде, поскольку характеризовать героя с помощью его костюма, внешнего вида — довольно примитивный способ художественного выражения...

К. И. Не всегда...

Г. П. ...Оба в черных костюмах, у обоих белые рубашки с бабочками, на головах — черные цилиндры. В чем же разница? Разумеется, в поведении. У старика под мышкой — букет цветов, он изящно аплодирует и восторженно постанывает: «Браво, браво!» Вообразите, какой большой ошибкой режиссера было бы, если бы он заставил Эдди Бартлета, а не этого типа, стоять в кулисах с букетом цветов в ожидании девушки!

Закончился танцевальный номер. Девушка грациозно кланяется зрителям и идет за кулисы. Эдди Бартлет как ни в чем не бывало беспечно шагает ей навстречу. При этом небрежно, но так, чтобы она видела, выдергивает из букета старика один цветок и с улыбкой протягивает его девушке. Не знаю, насколько точно мне удалось передать эпизод, но я убежден, что эта сцена имеет огромный внутренний смысл. Первое — то, что Бартлет — гангстер, и гангстером остается всегда и во всем; второе: будучи гангстером, он тем не менее знает, что девушку надо встречать с цветами; третье: действия гангстера в сочетании с иронической улыбкой подчеркивают, что не в характере Бартлета ожидание за кулисами с букетом цветов; четвертое: он органически не выносит женственных мужчин — таких типов, как этот старик с букетом под мышкой, изящно аплодировавший и постанывавший: «Браво, браво!».

Видите, сколько нюансов в одном коротком эпизоде?! Это

я называю безупречным разрешением поставленной режиссером задачи как с художественной, так и с психологической точки зрения.

Тем более достойно сожаления, когда критик или киновед оставляют такую деталь без внимания.

К. И. Чтобы критик увидел такой эпизод, он должен быть в тексте. Но случается и так — деталь намечена, но нет ее достойного воплощения.

Г. П. Вы, вероятно, помните в «Луке» Арчила Сулакаури такой эпизод: приехавший из деревни крестьянин сперва оплакивает умершего в городе старого родственника, а затем прикуривает от свечи, зажженной у гроба.

Наше поколение хорошо помнит, что первыми товарами, исчезнувшими во время войны с прилавков магазинов, были мыло и спички. Сегодня за подобное поведение на похоронах, вероятно, такого родственника выгнали бы из дома, но в то тяжелое время, когда спички ценились на вес золота, хозяева удовлетворились простым выговором. Лично мне эта деталь сказала больше о тяжелом военном времени, чем иные объемистые произведения, целиком посвященные войне.

А теперь с вашего позволения я снова вернусь к «Спиральди».

Мозг академика Давида Георгадзе, которому перевалило за семьдесят, пересажен двадцатитрехлетнему Рамазу Коринтэли.

И вот после операции сознание возвращается к Давиду Георгадзе. Согласитесь, ситуация труднопредставимая. Тела Давида Георгадзе больше нет. Нет и мозга Рамаза Коринтэли. Ему пересажен мозг, который раньше находился в черепе Давида Георгадзе.

Как будет работать мозг старого академика, будучи пересаженным в молодой организм? Как воспримет себя этот организм? Как удалось автору передать психологические нюансы, связанные с этим небывалым экспериментом, насколько точны и верны его психологические находки?

Я бы, например, хотел, чтобы мой роман был рассмотрен именно с этих точек зрения, пусть даже к нему отнеслись бы критически. Вспомните, когда Давид Георгадзе впервые пришел в себя, ему казалось, что рядом с ним в постели лежит незнакомый молодой парень. И какое чувство овладело им, когда он почаял, что это тело принадлежит ему! Не меньшее впечатление произвел на него и собственный голос — звучный баритон, который он принял поначалу за голос другого человека.

Впервые увидев свои руки, он принял их за чужие, и каково же было его изумление, когда они подчинились его воле. Вспомним, как он попросил очки и врач с улыбкой ответил ему, что отныне очки ему уже не понадобятся.

А как решена у меня сцена, когда Давид Георгадзе приходит на собственные похороны, т. е. похороны своего тела. Согласитесь, передо мной стояла необычайная и довольно сложная задача. Я как бы балансировал на краю, малейшая неточность или ошибка — художественная ли, психологическая — могла привести к краху идеи, надо было соблюсти и чувство меры, излишними деталями не снизить экспрессии этой важной главы или не уподобить ее эпизоду из фантастического романа.

Не считайте, что я хвастаю, но мне, кажется, удалось справиться с поставленной задачей.

К. И. Как видите, наш диалог — не тихая беседа, а спор. И вовсе не так плохо спорить друг с другом. Когда о произведении не спорят, это даже обидно. К сожалению, мы так отвыкли от споров, что любое противопоставление мнений сразу же вызывает подозрение: а почему? с какой целью? и т. д. Я постарался задать вам такие вопросы, ответы на которые максимально осветили бы суть вашего замысла, выявили бы вашу позицию, писательскую и личностную. Я думаю, это небезынтересно для читателя.

А теперь еще один вопрос, и на этом, пожалуй, закончим.

В начале романа говорится, что пересадка мозга — это преступление перед природой, государством, личностью, она принесет человечеству большие несчастья, а скрещенную личность приведет к самоубийству. Ваши опасения оправдываются в романе. Более того, Георгадзе-Коринтэли садистски убивает Зураба Торадзе — врача, сделавшего операцию. Он достоин этой участи как источник преступления, но ведь четыре его единомышленника остаются в живых?! Придет время, и хотя бы один из них осуществит аналогичную операцию. Короче говоря, опасность миновала, но не уничтожена! Потенциально все может повториться в более ужасном варианте. Ваш роман — предупреждение, весьма нужное предупреждение.

Г. П. Добавлю, вы забыли о ребенке, который должен родиться, чьим он будет? Станет ли он полноценным членом общества, его органической частью?

Человек — именно потому гениальное творение природы, что он способен постичь тайны мироздания. Мы верим, что благодаря своему уму и интеллекту он сумеет проникнуть в самые таинственные его глубины, изучит, исследует, разрешит

и даст ответ на все так называемые проклятые вопросы, которые по сей день не разрешены и кажутся неразрешимыми.

Как не вернуть пущенной из ружья пули, так не подавить человеческую мысль. Остановить научно-технический прогресс невозможно, но при этом нравственный прогресс обязательно должен опережать научный.

К сожалению, на деле происходит обратное. Недаром в одном из своих выступлений товарищ М. С. Горбачев отмечал, что научный и технический прогресс, подобно молнии, обгоняет социальное и нравственное развитие общества.

Да, это предупреждение всем людям, к какой бы сфере ни относилась их деятельность. Общество должно быть готово ко всякого рода глобальным научным открытиям и результатам, к которым они могут привести. Только тогда каждое научное достижение, научное открытие мы сможем подчинить моральному, нравственному влиянию и поставить его на службу человеку.

Человечеству следует быть очень осторожным, слишком много джинов выпущено из бутылки!

НЕМЕЦКОЯЗЫЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА В ГРУЗИИ

С начала XIX века, после соединения Грузии с Россией, которое окончательно определило путь общественно-политического и культурно-экономического развития грузинского народа, — через Россию к Европе — широко открылись двери европейской цивилизации, культуре и мышлению. Заметно усиливается проявлявшийся и ранее интерес к европейской культуре и литературе — наряду с переводами трудов философско-теоретического и научно-практического характера интенсивно переводятся и образцы английской, итальянской, немецкой, французской художественной литературы...

Хотя немецкоязычная художественная литература занимает довольно скромное место в богатой переводческой и переделанной литературе Грузии дореволюционного периода, все же именно тогда были переведены образцы творчества Эразма Роттердамского, Клопштока, Виланда, Лессинга, Гердера, Гете, Шиллера, Лейзевица, Генриха фон Клейста, Рюккерта, братьев Гримм, Гейне, Берне, Шницлера, Гауптмана, Зудермана и др., с которыми до выхода первого грузинского журнала «Цискари» в 1852 году грузинские читатели знакомились в основном в рукописях.

В данной статье, носящей справочный характер, ввиду ограниченности ее объема, будет указана, в основном, лишь та часть опубликованной в переводе с немецкого художественной литературы, которая получила общее признание и занимает в нашей литературе определенное место.

Первым таким произведением является «Раздел земли» Шиллера, переведенный в 1842 году драматургом и поэтом, основателем первого грузинского журнала Георгием Эристави и

опубликованный в 1852 году в пятом номере этого журнала. Г. Эристави, который в 1853 году поставил на грузинской сцене пьесу «Кварьваре Тутабери» — переделку «Гризельды» Фридриха Хальма, принадлежит и перевод «Перчатки» Шиллера (1836 г.), вошедший в его собрание сочинений, изданное в 1966 году.

Из дореволюционных переводов стихотворений Шиллера следует упомянуть «Жалобу девушки», переведенную И. Чавчавадзе, более подробно остановиться на шиллеровской драматургии, с которой связана особая популярность автора «Разбойников» в дореволюционной Грузии. Первым произведением, познакомившим грузинского читателя с драматургией Шиллера, был «Вильгельм Телль», часть которого (переводчик Николай Авалишвили) была напечатана в 1867 г. в двух номерах журнала «Цискари». Через год в газете «Дрозба» было опубликовано второе явление из первого акта (переводчик — общественный деятель и писатель Георгий Церетели), а в 1871—72 годах в четырех номерах журнала «Мнатоби» был помещен полный перевод пьесы (переводчик Н. Авалишвили). В дореволюционный период появились еще два перевода «Вильгельма Телля», один из них (переводчик — поэт Иосиф Бакрадзе) был опубликован в 1905 г. в седьмом и восьмом номерах журнала «Моамбе», а второй, скорее не перевод, а подробное изложение содержания в прозе, принадлежащее И. Санеблидзе, издан отдельной книгой в 1893 году в Кутаиси.

Большой интерес к «Вильгельму Теллю» был вызван тем, что пафос его — борьба за национальное освобождение — соответствовал чаяниям грузинского народа, вступившего на путь национально-освободительного движения. Об этом свидетельствует и рецензия, помещенная в том же 1893 году в журнале «Квали». По мнению рецензента, издание книг, «отображающих» положение, сходное с положением нашей страны, «имеет большое значение», ибо «они оставят в разуме каждого читателя свой след, разбудят благородные стремления, возбудят у самоотверженных патриотов чувство бескорыстной любви к нашей стране и поведут их по пути успеха» («Квали», 1893, № 24, с. 13—15).

Вслед за «Вильгельмом Теллем» в дореволюционный период, кроме пьесы «Разбойники» (переводчик Н. Авалишвили), опубликованной в 1871 г. и изданной отдельной книгой в 1912 г., были переведены «Заговор Фиеско в Генуе», «Коварство и любовь», «Дон Карлос», «Мария Стюарт» и «Орлеанская дева». Все эти пьесы, даже те, которые не были изданы

(«Дон Карлос», «Орлеанская дева»), более или менее успешно ставились на сцене, кроме «Заговора Фиеско» и «Марии Стюарт». Особым успехом пользовались «Разбойники», первое явление пятого акта которых было показано в 1883 г. (перевод прозаика, драматурга, публициста и переводчика Антона Пурцеладзе); полностью пьеса была поставлена в 1892 г. После этого «Разбойники» не сходили с грузинской сцены.

С художественным наследием Гете грузинский читатель познакомился позднее. Правда, существуют сведения, что родоначальник грузинского романтизма А. Чавчавадзе еще в начале XIX в. перевел несколько стихотворений Гете, но они до нас не дошли, и поэтому первым переводчиком, ознакомившим грузинского читателя с поэзией «веймарского мудреца», считается известный государственный и общественный деятель, поэт-романтик Григол Орбелиани, перевод которого «Ночной песни странника» (1842) был опубликован в журнале «Цискари» лишь в 1865 г. Впоследствии этот шедевр лирики Гете неоднократно переводился как переводчиками-профессионалами, так и известными поэтами, среди которых был и «король современной грузинской поэзии» Галактион Табидзе.

Вторым произведением, дважды за короткое время появившимся на грузинском языке (редкий для того времени случай, который объясняется содержанием произведения, отображающего народно-освободительную борьбу Нидерландов против испанской тирании), является «Эгмонт». Один из этих переводов, сделанный с русского языка переводчиком-любителем М. Худадовым («Цискари», 1869), лишен каких-либо достоинств из-за целого ряда пропущенных и неверно переведенных мест, а также из-за большого количества варваризмов в языке. Перевод Г. Церетели («Квали», 1873) более точно следует оригиналу и производит лучшее впечатление в языковом отношении. Еще ранее «Эгмонта», а именно в 1865 г., был переведен «Клавиго», который не был опубликован (рукопись хранится в литературном музее).

Из малочисленных переводов стихотворений Гете дореволюционного периода следует упомянуть «Лесного царя», переводчик — детский поэт Шио Мгвимели («Джеджили», 1892).

В дореволюционный период были переведены «Страдания молодого Вертера» (переводчик Иванэ Ахалшенишвили) под заглавием «Вертер» («Моамбе», 1900). Перевод точно следовал оригиналу и был вполне удовлетворителен, чего нельзя сказать об изданных в 1908 г. обеих частях «Фауста» (переводчик Петр Мирианшвили), который подвергся резкой критике

из-за смысловых неточностей и низкого художественного уровня.

Как до опубликования полного текста «Фауста», так и после время от времени печатались переводы отрывков из него. В 1894 г. в «Квали» было помещено «Посвящение», через пять лет в том же журнале напечатан монолог Фауста и диалог с огненным духом. Наиболее интересным является перевод сцен «Ночь», «Перед воротами», «Фауст и Вагнер» и «Кабинет Фауста» (журнал «Клде», 1914, переводчик — поэт и драматург Сандро Шаншиашвили).

В 1915 г. будущий классик грузинской советской литературы, прозаик, эссеист и переводчик К. Гамсахурдиа, сделавший очень много для популяризации Гете в Грузии, перевел «Пролог на небе».

Хотя в дореволюционный период критики часто ссылались на Лессинга как на бесспорный авторитет, и в борьбе за утверждение нового литературного направления обращались к его критико-эстетическим воззрениям, тем не менее, если не принимать во внимание рукопись почти полного перевода «Лаокоона» (отсутствует введение и XXVIII и XXIX главы), сделанного поэтом и переводчиком Мамией Гуриели в 80-х годах и хранившегося в Кутаисском этнографическом музее, переводотрывка из «Эмилии Галотти» (в настоящее время хранится в институте рукописей), а также сведений, что в 60-х годах будто бы был переведен «Натан Мудрый», творчество отца новой немецкой литературы было известно грузинскому читателю всего по нескольким басням (журналы «Театр» и «Джеджили»).

Начиная с 60-х годов прошлого столетия грузинский читатель познакомился с литературным наследием Гейне, главным образом, с любовной лирикой и сатирическими стихами в переводах и переделках Ильи Чавчавадзе, Акакия Церетели, Антона Пурцеладзе, Важа Пшавела, Шио Мвгвимели и других. 32 стихотворения Гейне перевел и Иосиф Бакрадзе, из которых «Ты, прекрасная рыбацка» поется всей Грузией как народная песня, и многие по сей день не знают, что слова ее принадлежат Гейне.

Творчество Гейне особенно заинтересовало политического деятеля и прозаика Чолу Ломтатидзе, который будучи узником севастопольской тюрьмы перевел почти все стихи Гейне и приступил к переводу «Путевых картин», но его рукописи были отобраны жандармерией и сожжены. Через некоторое время часть из них он восстановил по памяти и, снабженные ста-

твией переводчика «Другу читателю» и краткой биографией Гейне, они были опубликованы в 1913 г.

В 1886-87 гг. в журнале «Театр» была опубликована и в том же 1887 г. поставлена Кутаисской драматической труппой пьеса К. Гуцкова «Уриэль Акоста» (переводчик И. Бакрадзе), которая долгое время входила в репертуар грузинского театра и в послереволюционный период.

В дореволюционный период были опубликованы и сказки братьев Гримм — сначала в журнале «Джеджили», а затем изданы отдельной книгой. В то же время грузинский читатель знакомится с некоторыми представителями нового литературного направления. Так, например, в 1905 г. в «Моамбе» опубликован «Слепой Иероним и его брат» А. Шницлера, в 1907 г. отдельной книгой вышли его десять диалогов, а в сборнике «Зарубежные писатели» (1913 г.) — его же «Смерть».

С 90-х годов прошлого столетия растет интерес к немецкой драматургии. Наряду с драмами Шиллера в Грузии ставились драмы З. Вернера, Е. Вильденбруха, Л. Фульда, О. Блументаля; большим успехом пользовались пьесы Г. Гауптмана и Г. Зудермана.

Начиная с 1893 г. после опубликования в газете «Иверия» рецензии на поставленную в Берлине «Бобровую шубу» в грузинских газетах появляются статьи о Гауптмане, однако его пьеса «Праздник примирения» была впервые показана лишь в 1901 г. под названием «Больные люди».

Через два года в Тбилисском народном театре была поставлена «Бобровая шуба», получившая название «Проделки Мелани», а в 1904 году в Кутаисском театре — «Роза Бернд». В дальнейшем в дореволюционной Грузии были осуществлены постановки пьес «Ткачи», «А Пиппа пляшет», «Коллега Крамптон», «Михель Крамер», «Извозчик Геншель», «Одинокие», «Шлюк и Яу» и «Ганнеле», которая пользовалась большим успехом. А премьера «Потонувшего колокола», переведенного еще в 1902 г., состоялась в 1912 г., и хотя она была принята довольно холодно, все же эта пьеса еще дважды — в 1915 и 1916 годах — ставилась на сцене.

Еще ранее драм Гауптмана в грузинских театрах шли пьесы Зудермана. В частности, его «Родина» была поставлена в Тбилисском драматическом театре в 1895 г. Большим успехом пользовалась «Честь». Весьма холодно была принята публикой «Гибель Содомы» (поставлена в 1902 г.). Кроме этого, были поставлены «Счастье в уголке», «Битва бабочек», «Июанн».

Пьесы Зудермана в отличие от драм Гауптмана после революции на грузинской сцене не ставились.

После революции удельный вес переводной литературы значительно возрос. К тому же переводы немецкоязычной литературы (особенно с 40-х годов) качественно отличаются от дореволюционных тем, что абсолютное большинство их сделано непосредственно с оригинала или же с доброкачественного подстрочника.

Большая заслуга в этом принадлежит отделению западно-европейских языков филологического факультета Тбилисского государственного университета, из которого в 40-е годы был образован самостоятельный факультет. Конечно, и до 40-х годов ряд переводчиков переводил непосредственно с оригинала (например, С. Шаншиашвили, К. Гамсахурдиа, Нико Лорткипанидзе, переводчик «Фауста» Давид Ониашвили и др.), что, безусловно, обогащало грузинскую литературу, но большинство все же переводило с русского языка.

Делу перевода европейской литературы, улучшению качества переводов значительно способствовали образование в «Госиздате» (ныне «Сабчота Сакартвело») отделения переводов, из плодотворной деятельности которого необходимо особенно выделить начатое им (и уже почти законченное) издание «Библиотеки мировой литературы» в восьмидесяти томах, в котором немецкоязычная литература занимает значительное место; издание специального альманаха «Хомли», в настоящее время переименованного в «Саундже», и учреждение при Союзе писателей переводческой коллегии, ведущей планомерную работу как по подбору авторов и произведений для переводов, так и по обеспечению их высокого качества.

Уже в 20—30-е годы грузинский читатель познакомился с творчеством Л. Фульда, В. Хазенклевера, Х. Гофмансталя, Г. Кейзера, Э. Толлера, Т. Верфеля, с лирикой И. Бехера, М. Брод, Ст. Георге, а также с рассказами В. Бонселеса, Б. Келлермана, Б. Лангхоффа, Ст. Цвейга. Следует отметить, что в последующий период, в частности после 40—50-х годов, активно переводится лирика Бехера, романы и новеллы Ст. Цвейга и Келлермана.

В 30-х годах был опубликован перевод «Песни о Нибелунгах», который впоследствии несколько раз переиздавался, а в 1982 г. большим тиражом издан новый прозаический перевод этого замечательного памятника немецкого героического эпоса. Кроме перевода «Песни», из переводов 30-х годов следует упомянуть «На западном фронте без перемен» Э. М. Ре-

марка, другие романы которого — «Три товарища» и «Время жить и время умирать» были переведены после второй мировой войны.

Переводу произведений немецкоязычных писателей, содержание которых направлено против антигуманистической сущности фашизма, уделялось внимание и в трудные годы Великой Отечественной войны, но действительно широкий размах это дело приняло после ее окончания, особенно в 50-е годы, что дало возможность грузинскому читателю познакомиться на родном языке с немецкими народными книгами («Тиль Уленшпигель» и «Шильдбюргеры»), видными памятниками немецкого барокко («Катерина из Грузии» А. Грифиуса), философской лирикой Ангелуса Силезиуса, образцами произведений периода бури и натиска, романтизма и реализма (Ф. Боденштед, Г. Бюхнер, А. Шамиссо, Т. Грильпарцер, М. Хартман, И. Г. Хердер, Э. Т. А. Гофман, Ф. Хельдерлин, И. Лейзевиц, Новалис, Г. Шваб, Т. Шторм, Берта фон Зуттнер, Г. Веерт и др., а также с большинством сказок братьев Гримм, сказками В. Гауфа и с его романом «Лихтенштейн». Образцы немецкоязычной литературы были широко представлены такими жанрово-тематическими сборниками, как «Лорелея», «Немецкие баллады», «Немецкие рассказы», «Немецкие детские рассказы».

В настоящее время в библиотеке иностранной литературы, переведенной после установления Советской власти в Грузии, находится однотомник драм Лессинга, «Лаокоон», выпущенный отдельной книгой, два перевода «Германа и Доротеи» Гете, «Рейнеке-лис» (изданный дважды), полный перевод «Фауста» (первая часть напечатана в 1928 г., обе части изданы в 1962 г.); опубликованы в журналах большие отрывки четырех новых переводов «Фауста», среди которых один представляет полный перевод первой части (переводчик Г. Джорджанели) и скоро будет выпущен отдельной книгой, два перевода «Страдания молодого Вертера»; несколько сборников немецкой лирики и два издания драм; новые переводы произведений Шиллера, уже переводимых ранее, впервые переведенные «Мессинская невеста» и трилогия «Валленштейн» (вторая часть трилогии «Пикколомини» переведена дважды), несколько сборников лирики Шиллера и избранные произведения в трех томах, все его драмы, кроме «Турандот» и незаконченного «Дмитрия», а также философские произведения «Об эстетическом воспитании человека» и «Наивная и сентиментальная поэзия»; изданные отдельными книгами «Германия. Зимняя сказка» и «Атта Троль» Гейне, блестящий образец его прозы «Путевые картины», не-

сколько сборников лирики и однотомник избранных произведений, в который включена почти полностью поэзия Гейне, а также часть «Путевых картин».

Начиная с 40—50-х годов активно переводятся на грузинский язык произведения писателей XX века старого и нового поколения, которые наряду с попыткой объяснить причины, приведшие Германию к национальной катастрофе, анализируют сдвиги в ее общественной жизни после второй мировой войны и показывают изменения во взаимоотношениях личности и внешнего мира, изменения в сознании человека и его морально-этическом поведении, вызванные этими сдвигами.

После окончания Великой Отечественной войны были переведены и изданы романы, новеллы и рассказы Г. и Т. Маннов, А. Зегерс, В. Бределя, Г. Гессе, Г. Белля, Ф. Дюрренматта, З. Ленца и др.; романы Л. Фейхтвангера, Г. Фаллады, Л. Франка, М. Фриша, М. фон дер Грюна, Г. Келлера, Б. Узе, Б. Келлермана, Р. Г. Вернера, Р. Шудера, М. Грегора, Ю. Брезана, Г. Канта, Д. Нолля, К. С. Опица и К. Вольфа; пьесы и рассказы Е. Брехта и Ф. Вольфа; рассказы Э. Штриттматтера, Ф. Фюмана, У. Пленцдорфа, Б. Борхарта и Р. Музиля; стихотворения Эвы Штриттматтер и Г. Веерта.

В грузинских журналах публикуются рассказы И. Беккера, А. Эндлера, В. Иенса, Берты фон Зуттнер, В. Травена; рассказы и один из романов Ф. Кафки (скоро он выйдет отдельной книгой); драма П. Вейса и отрывки из прозы Клауса Манна и А. Цвейга.

В журналах же публикуются образцы поэзии Г. Ейха, П. Альтенберга, И. Бахмана, Ю. Гольк, Х. М. Энценбергера, Э. Эрб, Ст. Хермлина, Хуго Хупперта, Р. Хухеля, Р. Кирша, С. Кирш, Кубы (Курта Бартеля), Р. Леонхарда, Р. М. Рильке (в скором будущем будет запущен в производство трехтомник его произведений), Н. Закса, В. Шнура, А. Шульца, Э. Вейнерта и др. Из-за ограниченности объема статьи мы не указываем опубликованные в журналах переводы произведений, вышедших отдельными изданиями. Можно смело утверждать, что фундаментальное изучение и освещение истории развития немецкоязычной литературы, ее проблем и творчества отдельных писателей началось лишь после установления в Грузии Советской власти.

Хотя уже в 20-е годы, еще до того, как в Тбилисском государственном университете была организована кафедра западно-европейской литературы под руководством профессора Шалвы Нуцубидзе и Эрекле Татишвили, в грузинских научно-

популярных трудах освещались как творчество отдельных представителей немецкой литературы, так и многие важные теоретические проблемы, но все это носило спорадический характер. Лишь со второй половины 30-х годов немецкоязычная литература стала предметом специального систематического изучения. В этом направлении особого внимания заслуживают несколько учебных пособий по истории зарубежной литературы, а еще более пособия, посвященные специально истории немецкой литературы, как два тома «Очерков по истории немецкой литературы» профессора Г. Хавтаси (первый том — 1952 г., второй — 1965 г.), в которых рассмотрена история немецкоязычной литературы с первых памятников до романтизма, его же «Очерки о классической немецкой литературе», «Статьи по немецкой литературе» и «Средневековая немецкая литература»; «Очерки о немецкой литературе XX века» профессора Н. Какабадзе, в которых проанализировано творчество Г. Гауптмана, Т. и Г. Маннов, Ст. Цвейга, Л. Фейхтвангера, Г. Фаллады, и Э. М. Ремарка; «Некоторые вопросы истории и теории немецкой литературы» профессора З. Чархалашвили; «Из грузино-немецких литературных взаимосвязей», «Немецко-грузинские этюды» и «Литература ГДР» профессора Ш. Ревিশвили; «Кавказ и Грузия в немецкой литературе» профессора Н. Какабадзе и Н. Рухадзе; «Немецкая драматургия на грузинской сцене» профессора Д. Лашкарадзе; диссертации В. Кахнишвили, А. Хотивари, В. Кавтиашвили и др. Из статей, опубликованных в различных журналах, обращают на себя внимание «Современная западная немецкая литература» профессора Н. Какабадзе, «Критико-информационный анализ современной немецкоязычной литературы» Б. Адеишвили, «Группа 97» Н. Рухадзе, «Экспрессионизм в немецкой литературе первой половины XX века» профессора З. Чархалашвили и некоторые другие.

Что касается изучения творчества отдельных писателей, то Гете стал первым, творчество которого подверглось научному изучению. Большая заслуга в этом деле принадлежит К. Гамсахурдиа, который в 20—30 годах опубликовал несколько статей, большой очерк «Гете», переизданный впоследствии несколько раз в переработанном виде, и, главное, широкое художественное полотно «Роман жизни Гете», в котором он, опираясь в основном на автобиографические произведения Гете, впечатляюще показал сложный жизненный путь автора «Фауста». Для популяризации и правильной оценки творчества Гете большое значение имело торжественно отмеченное 100-летие

со дня смерти «великого немца», особенно опубликованные в связи с этим статьи критика А. Арсенишвили и известного философа и литературоведа профессора Ш. Нуцубидзе. Первой попыткой научного изучения творчества Гете является кандидатская диссертация Г. Хавтаси «Гете и революция», защищенная в ТГУ в 1934 году, изданная в 1937 и в значительно расширенном и переработанном виде переизданная в 1959 г. под названием «Гете и французская буржуазная революция». В этой работе резко противопоставляются довеймарский и веймарский периоды творчества Гете. Гете первого периода представит «восставшим против феодального мира» гением, а второго — «преклоняющимся перед феодальным миром» филистером. Эта концепция, подвергшаяся очень осторожной критике в кандидатской диссертации В. Кочорадзе «Социал-утопические тенденции в творчестве Гете» (1951 г.), стала предметом длительной дискуссии, которая дала новые импульсы для интенсивного изучения как творчества Гете, так и вообще классической немецкой литературы. В ходе этой дискуссии известный грузинский германист О. Джинория противопоставил концепции Хавтаси свое положение, согласно которому творчество Гете, первоначально ограниченное индивидуальным бунтарством, постепенно развивается и достигает вершины борющегося гуманизма и полноценного реализма. Аргументированию этого положения посвящен капитальный труд О. Джинория «Творческий путь Гете» — результат многолетнего глубокого изучения его литературного наследия. В статьях дальнейшего периода о творчестве Гете, в частности, «О проблематике «Фауста», О. Джинория развивает и аргументирует положение, выдвинутое им в названной выше монографии, уточняет некоторые свои взгляды.

В связи с «Фаустом» Гете следует назвать и двухтомное исследование профессора М. Квеселава «Фаустовские парадигмы», в котором рассматривается развитие фаустовских идей в мировой литературе от древнейших памятников античного востока до «Доктора Фаустуса» Т. Манна. По мнению автора указанного исследования, фаустовская идея достигает наивысшей степени развития в «Фаусте» Гете, пафосом которого является истинный гуманизм и утверждение свободного труда на свободной земле. После же Гете фаустовская идея деградирует.

Из остальных работ о Гете обращает на себя внимание кандидатская диссертация Лэйлы Тетрашвили «Проблема пантеизма в философской лирике юного Гете», где доказано, что спецификой пантеизма Гете является признание им тождества

бога и природы и, стало быть, бога и человека. Интересны также ее книга «Об идейно-мировоззренческом отношении Важа Пшавела к Гете», на эту же тему опубликована брошюра профессора Д. Лашкарадзе «И.-В. Гете» и его книга «Гете в грузинской литературе», в которой критически рассмотрены переводы произведений Гете и критико-литературоведческие труды о великом немецком писателе, включая и рецензии.

Из литературного наследия Шиллера в грузинской германистике наиболее глубоко изучены его драмы и стихи. Так, из пяти брошюр о Шиллере три посвящены исключительно его драмам и истории их постановок на грузинской сцене. Жизнь и деятельность автора «Разбойников» рассмотрены в основном в учебниках по истории зарубежной литературы, наиболее подробно изложены они в «Очерках по истории немецкой литературы» и в публичной лекции Г. Хавтаси, стенограмма которой была опубликована, а также в книге Д. Лашкарадзе «Фридрих Шиллер» (1955 г.).

Из остальных трудов о Шиллере следует назвать брошюру профессора Ш. Ревишвили «Фридрих Шиллер и грузинская общественность», его же статью «Шиллер в рецензиях Маркса и Энгельса», статьи О. Джинория «Фридрих Шиллер», «Лирика Шиллера» и «Эстетическое кредо Фридриха Шиллера», а также статью профессора З. Чархалашвили «Вопросы назначения искусства в эстетике Шиллера».

Творчеству Г. Гейне посвящены многочисленные статьи и рецензии, однако первым научным исследованием по этому вопросу явилась докторская диссертация Г. Хавтаси «Теория искусства Генриха Гейне» (защищена в 1949 г., опубликована в 1970 г.).

Жизнь и творчество Гейне рассмотрены в книге Д. Лашкарадзе «Генрих Гейне» (1957 г.). В ней показано, что хотя творчество «энтузиаста свободы» и «герольда рабочего движения» очень противоречиво, все же ведущей его тенденцией является глубокая вера в победу гуманизма и прогресса, борьба за свободу человечества. Кроме этого, обращают на себя внимание книга В. Кавтиашвили «Генрих Гейне в грузинской литературе», где подробно рассмотрена вся история грузинской гейнелогии до 80-х годов нашего столетия, статьи А. Бибичадзе «Два светила Генриха Гейне» и З. Чархалашвили «Книга песен» Генриха Гейне и немецкий романтизм».

В трудах грузинских германистов достаточно глубоко освещены жизнь и деятельность Лессинга, его место и значение в немецкой литературе. Еще в 1899 г. общественный деятель

и журналист Хомлели (Романоз Панцхава) в статье, опубликованной в «Ежемесячном сборнике Акакия», довольно подробно рассмотрел творчество Лессинга.

После установления Советской власти жизнь и творчество автора «Лаокоона» подробно освещены и оценены в «Очерках по истории литературы» профессора Г. Хавтаси и в «Истории зарубежной литературы» Н. Урушадзе. Проблеме «Принципы драматургии в эстетике Лессинга» посвящена неопубликованная кандидатская диссертация Ш. Ревишвили. Особо следует отметить предисловие О. Джинория к «Драмам» Лессинга.

Первой монографией в СССР, посвященной творчеству видного немецкого реалиста Г. Манна, была кандидатская диссертация Н. Какабадзе «Жизнь и творчество Генриха Манна» (впоследствии опубликована в сокращенном виде). По мнению автора, Г. Манн, фактически основоположник социально-панорамного романа, отклоняется от магистральной линии немецкой романистики и вместо традиционного немецкого романа создает немецкую разновидность французской эпической традиции. На основе мировоззренческих критериев Г. Манна Н. Какабадзе делит его творчество на четыре периода.

Глубокий знаток современных процессов немецкоязычной литературы Н. Какабадзе, очерки которого по актуальным проблемам современной германистики и статьи информационного характера систематически публикуются в журналах и выходят отдельными изданиями, успешно исследует и грузино-немецкие литературные связи со средних веков по настоящее время, но центральное место в его исследованиях всегда занимало и занимает творчество Томаса Манна. Его перу принадлежат четыре книги о Т. Манне, причем две из них написаны на русском языке.

Из других трудов о Т. Манне интерес представляют работы Д. Панджикидзе, объединенные в «Очерках о творчестве Т. Манна и М. Фриша», статьи О. Джинория и З. Чархалашвили, а также «Музыкальная архитектура доктора Фауста» Н. Какауридзе.

Единственной монографией о творчестве И. Бехера является кандидатская диссертация З. Чархалашвили о жизни и творческом пути писателя. «Бертольд Брехт и «эпическая» драма» — тема докторской диссертации З. Чархалашвили, в которой рассмотрены пьесы и литературно-этические взгляды Брехта, в частности, идейно-художественное своеобразие «эпической» драмы, драматические и «эпические» формы, «аристотелевский»

и «неаристотелевский» театр, «отчуждение» как основа брехтовского театра, его борьба за реализм в театре, место брехтовской эпической драмы в истории театра XX века. Кроме этого, можно отметить и статьи Н. Какабадзе и Н. Какауридзе.

Изучение литературного наследия Г. Гессе находится в центре внимания профессора Р. Каралашвили, который посвятил рассмотрению его творчества свою кандидатскую и докторскую диссертации. Среди многочисленных публикаций Р. Каралашвили, посвященных Т. Манну, Кафке, Музилю, Э. Штриттматтеру и др., особое место занимают его труды о Гессе, печатавшиеся в разные годы на грузинском, русском и немецком языках и принесшие ему признание.

Проблемам раннего творчества Музиля посвящена кандидатская диссертация Д. Давлианидзе. Творческий путь Г. Фаллады рассмотрен в докторской диссертации Г. Гвазава. Судьба юного поколения в прозе В. Борхерта рассмотрена в кандидатской диссертации Э. Чхенкели; раннее творчество Л. Фейхтвангера — в кандидатской диссертации Р. Цихитатришвили. Весьма интересна кандидатская диссертация Л. Такварелия «Проблема искусства в творчестве Э. Т. А. Гофмана». В кандидатских диссертациях Н. Какауридзе и Т. Габiani освещены важные проблемы немецкой литературы периода «бури и натиска».

Рассмотрение или даже просто перечисление всех литературоведческих работ (особенно же журнальных статей и рецензий) в рамках одной статьи не представляется нам возможным. Хочется лишь отметить, что изучению немецкоязычной литературы и ее проблематики способствует организованное более пятнадцати лет назад грузинское отделение Всемирного общества Гете в Веймаре, в работе которого принимают активное участие не только грузинские германисты, но и известные германисты из разных республик Советского Союза и из-за рубежа.

Гурам АСАТИАНИ

ИРАКЛИЙ АБАШИДЗЕ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ПОРТРЕТ

НА ДОЛЮ Ираклия Абашидзе выпало редкое счастье. Ему не пришлось идти по чужим следам. Он сам создавал свою поэтическую биографию и после сорока лет вдохновенного труда и творческих поисков занял достойное место среди избранных.

В стихах поэта, составивших один из поздних лирических циклов («Приближение», 1966), с удивительной искренностью описаны перипетии его духовной жизни.

Искренность как средство самовыражения здесь приобретает принципиальное значение и определяет исповедальный стиль всего цикла.

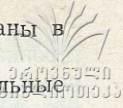
В последнее десятилетие имя Ираклия Абашидзе привлекло особенное внимание грузинских читателей.

Объяснением этому служит не только тот весомый вклад, который внес поэт в различные сферы общественной и культурной жизни республики. Основная причина кроется в его творчестве. В последних поэтических циклах Ираклия Абашидзе нашли свое выражение самые злободневные вопросы нашей действительности.

У каждого художника есть заветная мечта, вершина, к которой он стремится в течение всей жизни.

Ираклий Абашидзе шел к своей вершине довольно долгим путем, но в конце восхождения у него открылось «второе дыхание».

С высоты как на ладони стали видны все пройденные поэтом тропинки, каждый его шаг приобрел особое значение...

Первые стихи Ираклия Абашидзе были опубликованы в конце 20-х годов.

В это время в нашей литературе произошли значительные изменения. «Голубороговцы» уже во многом сдали свои позиции и обратились к современности. Галактион Табидзе с пафосом трибуна воспевал обновленную Грузию. Модернистские настроения уступали место революционной тематике.

Автор «Спасенной баллады» уже мог опереться на небольшой, но значительный по содержанию опыт, приобретенный грузинской советской поэзией в первое послереволюционное десятилетие.

В ранних стихах Абашидзе пафос созидания доминирует над пафосом разрушения. Неукротимое стремление передать все многоцветье и гармонию окружающей жизни, отчетливо проявившееся в поздних стихах поэта, в своеобразной форме выражено уже в первой его лирической исповеди: «Я должен остаться в этом мире певцом новой жизни и цветов» (подстрочный перевод).

«Новая жизнь» и «цветы» для поэта связаны кровно. Это — единый источник вдохновения, ибо, по его убеждению, обновление подразумевает «возрождение жизни в розах».

Проблема диалектики старого и нового в творчестве поэта своеобразно осмыслена в свете прошлого и настоящего Грузии, в свете взаимоотношения истории и реальности.

В глубине веков поэт видит, в первую очередь, картины рабского труда, социальную жестокость и несправедливость, но не остаются незамеченными и целые поколения героев.

Спор поэта с летописцем продиктован не идеей «упразднения» истории, а острым ощущением возрождения героического пафоса в современной действительности.

В стихотворении «Сокровищница Колхиды» Ираклий Абашидзе с возмущением говорит о «слепцах и негодях» прошлых веков; воспеваемая им действительность озарена солнцем новой жизни, и добытые нашим временем ценности, по мысли поэта, дороже всех сокровищ прошлых веков.

Таков был дух времени — оптимистическое восприятие действительности, на гребне которого вырос и сформировался поэтический талант Ираклия Абашидзе.

На рубеже 20-х—30-х годов в грузинской советской литературе, несмотря на множество самых разнообразных литературных течений, стала преобладать реалистическая тенденция.

Грузинская поэзия выдвинула на передний план новые идеалы. Романтика жизни, пафос созидания, вера в будущее,

героика, стремление увидеть в каждой повседневности, в прозе жизни нечто великое и особенное — вот основные темы, характерные для поэзии тех лет.

Эта тематика пронизывает юношеские стихи Ираклия Абашидзе.

Правда, его ранняя лирика не достигла того уровня художественного мастерства, который мог бы предвещать будущие творческие достижения поэта, но по специфике своего содержания и формы эти стихи представляют собой поэтический документ времени.

Реалистическая природа поэзии Ираклия Абашидзе особенно ярко выразилась в таких его стихотворениях как «Спасенная баллада», «Меч», «Плантации Одиши» и др.

Реальность, неприкрашенные картины действительности составляют здесь поэтическую хронику времени.

В мировой войне, на фронте, у границы,
В Трапезунде или где-то по пути
Потерял сосед наш верного кормильца,
Сына, Мике именем, лет двадцати.

Он не слыл убитым, но кто б мог поручиться,
Что, куда-то канув, он явится со дна?
Без вести пропал он — значилось с позиций,
И семью уведомил об этом старшина.

Доцветал сентябрь. Смеркалось. Полусонно
Опускалось солнце, совершив свой путь,
И тогда раздался крик оповещенных,
Помню, долго-долго мы не могли уснуть.

(Перевод Б. Пастернака)

Столь же реалистическими штрихами рисует поэт картины прошлого в стихотворении «Плантации Одиши».

Молодой поэт ищет смысл жизни не только в буднях, но и в сфере тех возвышенных идеалов, которые выдвинула сама эпоха.

Революционная романтика в ранней лирике Абашидзе — это непреодолимое стремление к героизму, и, что самое главное, в конечном итоге — это юношеское стремление обретает живую своеобразную форму.

Герой «Баллады спасения» — не только представитель молодого поколения Грузии, но и человек, близкий поэту по ду-

ху, в его образе нашли воплощение духовные устремления са-
мого поэта.

Ираклий Абашидзе по природе своей лирик. Лирика для него не только способ выражения, средство передачи поэтического содержания, но и определенная форма ощущения и осмысления действительности.

В более поздних стихах эта особенность поэта выразится в оригинальной форме, с помощью которой он постарается раскрыть тайны духовной жизни автора «Вепхисткаосани».

Уже в пятидесятые годы Ираклий Абашидзе создает произведения, позволяющие судить о значительности и самобытности его дарования.

Лирическое начало его поэзии во всей полноте проявилось в стихотворениях «Отец» и «Песнь о первом снеге».

Лирическая тональность в стихотворении «Отец» достигается естественным чередованием радостной и печальной интонаций.

«Песнь о первом снеге», благодаря своей музыкальности, необычности образной системы, утонченному психологическому настроению, представляет собой один из самых ярких и характерных примеров современной грузинской лирики.

Ираклий Абашидзе уже овладел здесь собственной лирической интонацией, достигаемой единством ритма, метафоричности мышления и эмоциональности содержания. Лирический мир поэта приобретает здесь зримую реальность, которую поэт просто и естественно рисует легкими и прозрачными красками.

Шел ночью снег...
Зачем не заглянула ты ко мне —
Меня укутать и согреть во сне?
Я на заре бродил среди дорог,
Ища следы любимых легких ног.

Как снежный чист покров!
Белеют крыши маленьких домов,
Верийская дорога меж холмов,
Лишь Имерети ясная весна
В цветенье слив так девичьи нежна!

(Перевод Е. Долматовского)

Мир, в котором обитает поэт, в котором его воображение находит свои живительные истоки, еще лишен драматических элементов.

Перешагнув четвертьвековой рубеж, поэт увидит действительность под другим углом зрения и откроет в ней совершенно новые стороны.

Вполне возможно, что боль, с которой был написан «Отец», вызвана не только воспоминаниями детства, а жуткое ощущение тщетности бытия возникло у поэта не только при мысли о тенях прошлого:

Как в безмолвье руинном
Душевный покой сохраню,
Если вечность глядит
На меня немигающим оком?
В этой каменной совести
Строки подобны огню
Старой медленной сказки,
Услышанной в детстве далеко.

(Перевод А. Межирова)

Но и это стихотворение («Камни Дманиси», 1935), как и остальные стихи этого времени, заканчивается радостной, жизнеутверждающей нотой:

О, как радостно мне,
Что на мертвой горе крепостной
По дманисским развалинам
Рядом с любимой иду я.
Славлю вечную жизнь,
Погруженную в солнечный зной,
Неподвластную тленью,
Прекрасную и молодую.

(Перевод А. Межирова)

Отечественная война оставила глубокий след в грузинской советской поэзии.

Жизнь выдвинула на передний край совсем иные образы.

Еще по ветру сажа пролетала
И тлела неостывшая зола,
Лежали груды мертвого металла
У черного, сожженного села.

Как будто хаты снесены потоком,
Как будто горный здесь прошел обвал.
В молчании, зловещем и глубоком,
Стервятник сбитый на снегу лежал.

И только дети, горе не прощая,
Как серны, осторожны и дики,
Стояли рядом, детство забывая,
Озябшие сжимая кулачки.

(Перевод М. Алигер)

Перед подобными картинами поэзия, казалось, должна молча отступить.

Но прерванные жизни десятков тысяч грузинских солдат требовали отмщения, и большинство грузинских поэтов постарались вселить в мирных людей, оказавшихся на переднем крае с винтовками в руках, мужество и веру в победу.

Не один день и не одну ночь провел Ираклий Абашидзе среди грузинских воинов на Северо-Кавказском, Крымском и Украинском фронтах.

Стихи военных лет в основном были навеяны непосредственными впечатлениями. Суровые военные годы остались в памяти Ираклия Абашидзе, как зарево слепящего пламени, тревожащее сердце поэта на протяжении долгих лет.

Стоны раненых грузин и протяжный гул войны раздались в стихах Ираклия Абашидзе лишь в 1945 году, а в военное лихолетье главная задача поэта состояла в том, чтобы поддерживать бодрым и жизнерадостным словом боевой дух защищающих Родину солдат.

Одно из стихотворений тех лет навсегда осталось в памяти народа.

Стихотворение «Капитан Бухаидзе» впервые было опубликовано во фронтовой дивизионной газете, потом перепечатано в «Коммунисти», затем распространилось по всем уголкам Грузии:

Я грузин Бухаидзе.
Повержен
Вражьей пулей в Кавказских горах,
Если б мог я воскреснуть из мертвых,
Если б ожил внезапно мой прах, —
Я бы отдал опять свое сердце
Милой родине в грозном бою,
Вновь бы умер за землю родную,
Ту, что грудь покрывает мою.

(Перевод В. Звягинцевой)

Эти строфы пелись на разные лады на деревенских праздниках, в школах, в духанах, в вагонах с разбитыми стеклами,

пели школьники, пастухи, раненые, потому что в стихотворении были настоящие, человеческие, понятные всем и каждому горе, гордость и искорка надежды на то, что преданные земле герои — старшие братья, отцы или дети — когда-нибудь и вправду смогут восстать из могил.

Не всякому поэту выпадало на долю такое счастье — так просто и так глубоко выразить настроение обездоленных войной людей.

Когда после войны вершины Кавкасиони вновь озарились мирным солнцем, Ираклий Абашидзе посмотрел на свою страну иными глазами, в окружающей действительности, в буднях жизни, в картинах природы он увидел то главное, что, казалось, было до сих пор сокрыто от взора.

Красота жизни воспринимается сейчас поэтом как талант мироощущения, как творческое начало.

Глаза от солнца защитив рукою,
Я вижу гор заоблачных алмазы.
В их строгости, в уверенном покое
Мощь родины я постигаю сразу.

Рассеиваясь в синем небосводе,
Спокойно вьются над деревней дымы.
Я вижу: в нами обжитой природе
Покой и красота неразделимы.

(Перевод П. Шубина)

Стихотворение примечательно для творчества поэта — мир, покой здесь возведены в ранг эстетических ценностей. Этот мотив начинает звучать все громче, постепенно приобретая новые интонации в таких стихах, как «Фантазия» и «Разноцветная осень».

Категория прекрасного имеет принципиальное значение для всей творческой биографии Ираклия Абашидзе, ибо в ней раскрывается эстетическое содержание художественного идеала поэта.

Конечно же, было бы несправедливостью утверждать, что созданные в этих стихотворениях образы лишены драматизма. Но как художник Ираклий Абашидзе предпочитает все же светлые гармоничные тона. Необходимым условием творчества он считает душевное равновесие, внутреннее спокойствие: «Спокойствие! Спокойствие мыслям, думам, строкам...» (подстрочный перевод).

В процессе художественного осмысления поэт отвергает драматизм как свойство прекрасного, он приемлет гармонию предельной ясности мысли и чувства.

Этот творческий принцип сближает Ираклия Абашидзе с тем течением в грузинской лирике, с той поэтической концепцией, которая нашла яркое воплощение в поэзии Акакия Цецетели.

Тема послевоенного восстановления страны нашла свое отражение во многих стихах грузинских поэтов. К сожалению, большинство из них создавалось по однообразной лирической канве, что послужило причиной появления целого ряда поверхностных и бесцветных произведений. В цикле «Цветет Грузия» Ираклию Абашидзе удалось раскрыть эту тему под собственным углом зрения.

В стихах поэта все явственнее проступает история. Любовь к Родине представляется ему живым единением истории и действительности.

В гражданской поэзии Ираклия Абашидзе в те годы, наряду со злободневными темами и поэтическими образами, навеянными действительностью, проявляется и набирает силу стремление поэта к осмыслению и обобщению явлений. Основным пафосом его творческого поиска становится постижение неразрывной связи предметов и явлений.

К своему полувековому рубежу поэт пришел с новыми достижениями, перед ним распростерлись новые дали.

Не обошлось и без сомнений, неизменных спутников поэтов:

Но, быть может, когда
Перейду за порог полувека,
Для грядущей строки
Мне дыханья не хватит в груди.
Слово звучность утратит,
И станет хромать, как калека,
Мой стареющий стих...
Что ему суждено впереди?

(Перевод А. Межирова)

Но Ираклий Абашидзе своим творчеством доказал безосновательность этих сомнений. Циклы стихов «Приближение» и «По следам Руставели» свидетельствуют о духовной зрелости их автора.

А. Блок в одном из своих писем утверждал, что каждое истинное произведение искусства есть по сути своей исповедь.

Лишь предельная откровенность может родить истинную поэзию.

В первом же стихотворении цикла «Приближение» (1966) под новым углом зрения раскрываются перед читателем смысл и содержание жизни и творчества поэта. Искренность, как основной способ самовыражения, определяет здесь исповедальный характер всего цикла.

Было время, когда поэт лишь «глазами видел природу», не углубляясь в ее тайны. Возможно, что это была лишь поза, юношеский вызов традиционному пониманию поэзии, утвердившемуся в грузинской литературе со времен Бараташвили.

И вот пришла для автора «Приближения» исповедальная пора, когда каждый предмет, каждое явление были исполнены музыки.

Слышишь ли — выси заголосили?
Горы пригнулись, очистились воды.
Видишь ли — красок летучие крылья?..
Манят, зовут к одиночеству годы.

(Перевод М. Синельникова)

Стихотворению предпосланы эпитафией известные тютчевские слова — «Внимай их пенью — и молчи».

В отличие от лирических шедевров Галактиона Табидзе, созданных в начале нашего столетия, романтический пафос цикла «Приближение» неотделим от острого ощущения радости жизни. Жизнь для Ираклия Абашидзе есть проявление добра и красоты, и если он все же мысленно пытается проникнуть за пределы реальности, — то лишь в надежде найти и там признаки жизни.

Грусть, закрашаясь в стихи последних лет, вызвана отнюдь не ощущением жизни, а осознанием ее непреходящего, неминуемого хода.

Ираклий Абашидзе полностью отходит от романтической традиции и приближается к классическому гармоничному миропониманию: вечность для поэта не противостоит жизни, человеческому существованию — «миг и вечность» объединяются в сознании поэта, составляют единое целое.

Мироощущение автора «Приближения» идентично классическому — дух и плоть, миг и вечность, идеал и реальность теряют налет трагического антагонизма.

Этим обусловлено оптимистическое, жизнеутверждающее звучание цикла.

меч,
 воткнутый в скалу
 по рукоять,
 и яростные слышатся стенанья?

И низко
 над руиной крепостной
 кружится ворон сытый и надменный,
 И Картли
 тенью
 следует за мной,
 отторгнута от бога и вселенной.

Свечу в грузинском доме не гаси,
 не обрекай отчизну на бесславье,
 от рабской доли,
 боже, упаси,
 от поруганья, господи, избави!

Не закрывай
 морских ее ворот,
 не дай
 вольнолюбивой
 стать рабою.
 Не отрывай
 мой праведный народ
 от мира, просвещенного тобою».

(Перевод А. Межирова)

Два лирических цикла Ираклия Абашидзе «В зной Индии» и «Палестина, Палестина», объединенные в книге «По следам Руставели», раскрывают внутренний мир автора «Вепхисткаосани» с позиций духовных и интеллектуальных потребностей современного человека.

Здесь в лирических образах реставрирован определенный отрезок биографии Руставели. Ираклий Абашидзе искренне и непосредственно рисует образ легендарного поэта.

Талант лирического перевоплощения явление довольно редкое. Если истинность чувств хотя бы на миг изменила поэту, созданный им образ тотчас потеряет свою жизненность и в глазах читателей станет обычной маской.

В новом цикле Ираклия Абашидзе есть строчки, в которых

ощущение жизни передано настолько живо, что растаявшие во мраке забвения образы и картины зримо предстают перед читателем.

Здесь автор как бы отходит в тень, уступая место на авансцене призрак своему предтечи.

Все смолкает на миг, гаснет в напряженной тишине, и слух постепенно завораживает поднимающийся откуда-то из глубины трепетный, словно гул далеких времен, голос:

«...Сей мир земной разящая десница
Сразила и меня,

Тамар-царица,—

за горы

Солнце Грузии зашло.

Всевышнему хвала!

Мои недуги

уже никто не может врачевать.

В моих горах отголосили вьюги,

сгорели грозы,

Тишь и благодать.

К чему теперь заботиться о теле,
когда,

покоясь в смутном забытьи,
души кромешной боли отболели,
закончились блуждания мои.

О, горе миру брэнному!

Отныне

Тамар-царицы в царстве нет земном.

Молясь и плача в этой темной скинье,

проснулся я —

все оказалось сном.

И только бога об одном-едином
молю от милой родины вдали:
горам отчизны и ее долинам
покой и процветанье ниспошли.

И пусть моей молитвою хранится
всегда повелевающая мной
ее непобедимая десница,
ее язык,

бессмертный и родной».

(Перевод А. Межирова)

Строки эти продиктованы жгучей болью столетиями незаживающей раны, и вне этой боли любая попытка обращения к духовному миру предков выглядела бы в глазах читателей лишь поверхностной стилизацией.

Естественно, что каждый шаг, приближающий автора «Палестины, Палестины» к этому миру, каждое мгновение его сопричастности высокому духу этого мира оказывает определенное влияние на эмоциональное состояние поэта. Своеобразная интонация высокопарной риторики, достигающая в некоторых стихах этого цикла своей кульминационной точки, полностью оправдана природой поэтической темы.

Почти каждая строка Ираклия Абашидзе рождается на волне этого высокого чувства. Блестящие плеоназмы, патетические повторы, контрастные эпитеты, богатые и утонченные рифмы, благозвучные аллитерации, плавное течение широких лирических отступлений — все в этом цикле подчиняется единому музыкальному камертону и создает целостный эмоциональный настрой.

Исповедальная интонация здесь перерастает в гул праздничного хора, и даже в этих строгих канонических рамках стих Ираклия Абашидзе остается верен присущему ему глубинному лиризму.

В этом и заключается тайна, благодаря которой поэту удается протянуть невидимую нить между духовным миром своего далекого предка и чаяниями современника.

В цикле «По следам Руставели» есть стихи, которые по глубине мысли и чувства, по неизбывному стремлению постигнуть истинную суть вещей и «волнующих умы» вечных вопросов человечества, созвучны пафосу современной интеллектуальной лирики. Но поэтический интеллектуализм здесь выражается в предельно ясных и простых формах. А вечные общечеловеческие проблемы рассматриваются как наиболее близкие современному человеку острые жизненные вопросы.

Язык поэта, его стиль, манера изложения покоряют нас плавностью и изысканностью грузинской речи. Образы его передают гармонию души человеческой даже тогда, когда поэт размышляет о самых болезненных «проклятых» вопросах.

Своими последними лирическими циклами Ираклий Абашидзе привнес в грузинскую поэзию не только новый круг проблем и вопросов, он сумел утвердить особый внутренне монолитный поэтический стиль. Своими победами, единогласно признанными сегодня грузинской критикой, поэт обязан истинной творческой верности традиции, идущей от грузинской класси-

16.03.59 40
019-411033

ческой поэзии. Форма стиха Ираклия Абашидзе, его поэтическое мышление (в особенности это относится к циклу «По следам Руставели») являются поистине классическими не только по материалу и тематике, и не только по стилевой окрашенности поэтической речи. Поэзия И. Абашидзе — естественное продолжение мира метафорических образов нашей классической поэзии, она органически впитала в себя дух веками сформировавшегося классического художественного мировоззрения.

Поэтика Ираклия Абашидзе классического свойства еще и потому, что поэт сознательно прибегает к гармоничным, изысканным формам. Его поэтическое видение утонченно и в то же время естественно, хотя само собой подразумевается, что поэтом использованы не только достижения грузинской классической поэтики, но и современной лирики XX столетия.

Можно было бы привести в пример не одно зрелое, глубокое и в то же время озаренное вдохновением стихотворение поэта из двух его последних циклов.

Широта поэтического вдохновения и непосредственность чувств здесь отражены в необычайно точных чеканных формах. Очень остро ощущается беспощадная требовательность поэта к себе. Все это достигается благодаря упорному и бескомпромиссному труду, полной мобилизации накопленного годами творческого опыта.

Необходимо подчеркнуть, что несмотря на тесную связь с классическим поэтическим мировоззрением, несмотря на предпринятую попытку его своеобразного возрождения, Ираклий Абашидзе прибегает и к искусственной архаизации.

Возникновение подобного стиля в современной грузинской лирике может, на первый взгляд, показаться анахронизмом (если принять во внимание те полярные тенденции в области поисков формы, которые проявились ранее в творчестве целого ряда грузинских поэтов, в том числе и у самого Ираклия Абашидзе). Но это несомненно знаменательное литературное явление, у которого есть и свои жизненные оправдания. Оно обусловлено сложными духовными процессами, характерными именно для нашего времени, в частности, насущными требованиями создания и утверждения интернациональных основ нашей культуры, свидетельствующих и об углублении национального самосознания грузинского народа.

Этот стиль отличается целым рядом заслуживающих внимания достоинств, в нем и плавное, свободное дыхание грузинской речи и органичное для нее метафорическое мышление.

Примечательно, что стремление к классической форме вы-

ражения, предельная целостность поэтических образов, ясность лирической композиции, устойчивая система стихосложения здесь явственно противостоят характерным для модернистской поэзии тенденциям — свободному стиху, ассонансным и диссонансным рифмам и т. д. Техника стиха здесь в полном единении с характерной сущностью поэтического мышления.

Естественно, что достоинства поэтической манеры Ираклия Абашидзе не объясняются лишь использованием определенных эстетических приемов. Здесь важно «исполнение», блестящая творческая реализация этих приемов.

Стиху Ираклия Абашидзе сопутствуют свет, радость, необычайная поэтическая зрелость, что совершенно исключает присутствие в его поэзии так называемых «книжных» элементов.

И если у этого стиля появятся свои последователи, то они должны использовать не внешнюю сторону его, а живой дух, тот подлинный огонь и высокий артистизм поэтического чувства, которые оказались столь близки и дороги современному грузинскому читателю.

„...ВЕСЬ—ДИТЯ ДОБРА И СВЕТА“

ПИСАТЬ о великом поэте — труднейшее испытание для любого, кто на это отважится. Наверное, потому Леонид Зорин, почувствовав необходимость дополнительного объяснения, предварил свою пьесу «Счастливые строчки Николоза Бараташвили. Диалоги»¹ прямым обращением к читателю: «Признаюсь, за время, что я с ним провел, он перестал быть для меня монументом на пьедестале, героем учебников и хрестоматий, все чаще мне вдруг стало казаться, что я даже вижу его лицо, быть может, не такое картинно прекрасное, как на портрете Гудиашвили, но зато полное жизни и страсти.

Вот он идет по горбатой улочке, спускаясь к родному Мухранскому мосту. Он торопится, и, должно быть, от этого чуть заметней его хромота. Раскосые смоляные глаза посверкивают нетерпеливо, и шевелятся сочные губы — быть может, зреет счастливая строка.

— Николоз, — шепчу я вслед, — Николоз...»

Не знаю, как другим, но мне такое обращение не показалось вольностью. Бараташвили, каким его Зорин постиг, к какому чувствует нежность (а попытка приблизиться к святыне поэзии без любви и нежности была бы кощунственной, да и не вышло бы ничего), этот Бараташвили, прежде всего — великий поэт, хотя увиден в «домашнем» облике, в домашних подробностях — противоречие, играющее в «Диалогах» содержательную роль. Потому что в этой принадлежности одновремен-

---

¹ Леонид Зорин. Счастливые строчки Николоза Бараташвили. «Диалоги.—ж. «Театр», 1985, № 12.

мо двум мирам — и быту, и поэзии, в этой нашей (читательской, зрительской ли) погруженности попеременно, или даже сразу, в повседневную жизнь и в чудо, по-особому раскрывается драматизм становления высокой избраннической судьбы, что является главной темой «Диалогов».

Вот «диалог» Николоза с красавицей Екатериной, дочерью поэта и государственного деятеля Александра Чавчавадзе. Впоследствии она стала супругой владетельного князя Мегрелии Давида Дадиани. Но, воспетая в горячих, горьких и нежных стихах Бараташвили, в бессмертии она заняла место возле него, как Беатриче возле Данте, как Лаура возле Петрарки, освященная для потомков этой близостью.

Драматург остановил одно «прекрасное мгновение». Место действия — Кабахи (сад для гуляний в старом Тбилиси). Время действия, тоже означенное, — вешний вечер 1839 года. Что вечер вешний, а не весенний, рассчитано, конечно, на чтение, а не на постановку: возникает чувство, ностальгическое и поэтическое, подготавливающее к диалогу. Она — ускользающая, умно-насмешливая, грациозная и властная. Пользуясь властью любви, она то нежно и царственно приближает его, то отстраняет — наверное, так оно и было.

«— Восточная традиция уже теряет своих поклонниц. Барышни, вроде меня, похоже, устали от розы и соловья. И кто в наш век не пишет стихов?».

И он отвечает ей в тон:

«— В конце концов что такое стихи? Так: настроение, музыка, мысль. Остановленная минута, которую удалось удержать. Всего и дела».

С каким изяществом, скрывающим горечь, отвечает он на живые и остроумные выпады Екатерины. Как он независим и ироничен и в то же время как раним и хрупок. «Остановитесь! — хочется сказать ей тихо, забыв, что она не рядом, а в том вешнем вечере 1839 года. — Остановитесь, ему ведь больно». Я не преувеличиваю, их и слышишь и видишь. Видишь его лицо, обращенное к ней, серьезное, несмотря на шуточный тон, немного печальное, и еще... Но пусть об этом скажет один из персонажей «Диалогов», духанщик Миха, которому как-то довелось увидеть Николоза, разговаривающего с Екатериной, и который потом не мог забыть его лица: «И шутит, а все равно, как молится».

В другой сцене — «Встреча после долгой разлуки» — Николоз раскрывается в диалоге со старшим другом, Амيرانом, только что возвратившимся из глухого российского город-

ка, где он отбывал ссылку за участие в известном антиправительственном заговоре 1832 года. Этот диалог, по-существу, спор, в котором Николоз проявляет достоинство, бесстрашие и зрелость мысли, недоступные собеседнику. Правда, собеседник считает иначе, и здесь вспоминается характер отношений Пушкина с Жуковским, Вяземским, которые и не догадывались, насколько младший и опекаемый ими Пушкин их перерос. Отметим, кстати, что естественные аналогии с Пушкиным, по-видимому, помогли Зорину многое постигнуть в Бараташвили. Главный тезис, отстаиваемый Амираном: «Мы ли не заслужили свободы?» Главное положение, выдвигаемое Николозом Бараташвили: «Есть высшее мужество — понять неизбежность». Представление об исторической закономерности, о государственной необходимости (присоединение к России) подается в диалоге, так сказать, сквозь «личные аспекты», в столкновении с естественным, горьким чувством патриота, сына своей страны. Правильно ли только исторические беды нации так прямолинейно связывать с непререкаемо обозначенным национальным характером: «Мы все таковы — минутой живем. В том наша сила и обреченность». В другом месте: «Нас слишком долго рвали на части. Впрочем, во многом по нашей вине. Мы беспечное, нерадивое племя». Я очень хорошо понимаю печальный смысл этого самообвинения. Но это — именно обвинение себя, самоказнь. Боль за родину, заставляющая сознательно растревлять в себе чувство вины.

Показан Н. Бараташвили и в своей семье, старинной, знатной и разоренной.

В диалоге с матерью (мать, Евфимия, внучка царя Ираклия II, подписавшего известный Георгиевский трактат) читательскому (зрительскому) взгляду открываются глубины души поэта.

Мать просит его не оглядываться, не вспоминать прошлое, а Николоз говорит о памяти, о ее связи с поэзией — «Поэзия и есть память». (Это очень хорошо замечено, если учесть историзм мышления Бараташвили, широкое эпическое дыхание его лирического стиха). Потом, помедлив:

«— Мои стихи — не пустяшное дело, что бы ни говорил отец.

Евфимия: Знаю.

Николоз: Тем более, что в моем настоящем — ничего хорошего. Так же, как в будущем. Право, лучше уж вспоминать.

Евфимия: Зачем ты так говоришь, глупый мальчик? Тебе

еще нет двадцати двух. Ты хорош собой, одарен богом, любим людьми.

Николоз: Ты в этом уверена? По-твоему, они меня любят? Порою мне кажется, это так. Но чаще я вижу, что вызываю непонимание, раздражение. И лучше мне его не понимать. Я хочу их любить, но им мало этого. Им надо, чтобы я так же думал, так же чувствовал, так же жил. Но что же мне делать, если я создан по-своему?»

Сколько имен у непонимания, разъединения, непроницаемости! Среди них — имена родственников, друзей, отца и — самое дорогое имя: возлюбленной. Даже мать, сострадая, безгранично любя, не вполне может понять, что ее мягкий и дружелюбный, грустный и веселый, нежный и иногда ироничный Николоз (именно таков он в «Диалогах») предназначен для совсем иной доли. И он живет среди родных и в то же время чужих с светлой печалью в сердце и смутным предчувствием, выливающимся в счастливые строчки, как и жил, по-видимому, на самом деле. Когда его не будет уже среди живых, Алексей Петрович Суфьев, персонаж «Диалогов», представляющий культурную Россию, ее гонимых и «лишних» людей, странный и умный человек, который был, пожалуй, ближе всех к постижению правды, скажет Екатерине, передавая ей стихи Николоза (и она теперь согласится с ним): «Вместе с рифмами творится жизнь, и она тем трудней, чем счастливей стихи».

«Диалоги» нельзя назвать биографической пьесой, но трудная жизнь, творимая вместе со стихами, воссоздана в них вполне узнаваемо, начиная с детства, с той поры, когда «в старом квартале Анчисхати родился этот меченый мальчик», до того рокового дня, когда в Гандже, далеко от родины, одиноко умер безвестный канцелярский чиновник, великий поэт Николоз Бараташвили, не достигший двадцати восьми лет. Воссоздана биографическая основа, учтено все, что мог автор пьесы узнать, изучить о жизни и творчестве Н. Бараташвили, что делает достоверным художественный вымысел. Но, главное, достигнуто (счастливо достигнуто, говоря словом драматурга, вынесенным в заголовок) присутствие тайны. Потому что это — диалоги о великом поэте, жившем, как и все люди, своей биографической жизнью, но более интенсивно, чем другие люди, — другой жизнью, таинственно совершающейся в нем. «Диалоги» приоткрывают тайну одного из тех избранников, которые в повседневности, нередко для них тягостной, умеют жить по своим особым законам, в ком чувство своего пути превыше всего.

«Таинственный голос» (так называется одно из программ-

мных стихотворений Бараташвили), звучащий в нем, для него реальнее, громче, чем разноголосый хор вокруг, стремящийся снизить накал его души до «нормального». Как трудно было ему оберегать свою независимость от друзей! «Иногда мне просто приходит в голову: дружба тоже род тирании. Мне желают добра, но хотят при этом, чтобы я брал его из чужих рук. Чем-то я задеваю... А чем, не пойму...» Но одиночество, отделившее его от всех остальных невидимой и совершенно реальной стеной, не делало его «гордым гением». Он доверчив, очень терпим, добр, порой кажется даже, что он «не знает себе цены», как сказал однажды Суфьев. Но мы догадываемся, что это именно кажется и что в самой глубине его души, ревниво оберегаемой от всех, таится знание. Ведь это Бараташвили, уже написавший «Судьбу Грузии» и замысливший свой шедевр «Мерани».

«Николоз: Я нашел размер. И торжественный, и словно летящий... (помедлив, читает). Еще поспорю я с грозным роком, в борьбе неравной не стыдно пасть.

Суфьев: Вы правы — торжественный и летящий.

Николоз: А ведь одно с другим плохо вяжется. Где торжественность, там не полет, а поступь. Но все-таки я взнуздal коня».

Он взнуздal коня, в редкие, счастливые часы он уверен в этом. Отсюда нити к «Мерани», к бегу коня, к трагическому видению всадника на нем, к стихотворению, в котором холоду космического одиночества противостоит то, что можно было бы коротко назвать чувством своего пути.

К концу пьесы диалоги уступают место монологам. Слово принадлежит теперь только поэту, и оно особо окрашено, ибо это слово — предсмертное. Но какой он по-прежнему трепетно живой в этот час своей смерти! Какой натиск несоединимых и, однако, гармонично соединяющихся в нем чувств: смятение, боль прощания с жизнью влюбленного в жизнь юного существа, боль прощания с любовью, ставшей Вселенной, с родиной, ставшей Судьбой. А с другой стороны — тихая, светлая сосредоточенность, самоуглубленность и познание того, что познается перед смертью. Он знает теперь — «весь век прожить на вершинах тяжело», но сам он прожил именно так. Монолог этот все-таки особенный, структурно тяготеющий к диалогу, и это своеобразно «провоцируется» характером лирического героя, даже в предсмертном одиночестве не отстраненного. Он как бы вызывает сначала друга, потом возлюбленную на неслышный диалог. Он спешит договорить другу свои мысли о

судьбе Грузии («Молчишь? Должно быть, дела мои плохи, если ты ни в чем мне не возражаешь»). А потом он призывает на помощь чудо, чтобы в первый раз не стихами выразить невыразимое — свою любовь:

«— Слушай... слушай, лучшая женщина в мире. Однажды, через множество лет, лунный луч скользнет сквозь твоё окно, замрет у ног твоих, затрепещет, как голос... Поймешь ты, кто с тобой говорит?»

Но ведь и это очень похоже на стихи. Если на всем протяжении пьесы лиризм таится в глубине, тональность концовки лирична откровенно.

Пьеса «Счастливые строчки...» — о грузинском поэте, это ощущение возникает естественно, органично. Но есть моменты на периферии сюжета, когда Л. Зорину как будто начинает казаться, что надо специально «проработать» «грузинский фон», что «для «оживления» нужен так называемый национальный колорит, специальные подпорки, например, в виде супружеской пары — гурийца и кахетинки. Юмор должен возникнуть как следствие столкновения их темпераментов, «взрывного», гурийского и заторможенного, кахетинского. В связи с этим сошлюсь на великого аргентинца Хорхе Луиса Борхеса, который, высказывая убеждение, что настоящая национальная литература обходится, как правило, без всякого специального местного колорита, ссылается, в свою очередь, на мысль Гиббона, высказанную им в «Истории возвышения и падения Римской империи». Приведу эту мысль в изложении Борхеса: «Гиббон заметил, что в Коране, книге исключительно арабской, нет ни одного упоминания о верблюдах. Она была написана Магометом, а Магомет, будучи арабом, знать не знал, что верблюды — это что-то специфически арабское». Неараб, — продолжает Борхес, — «начнет прогонять целые караваны верблюдов через каждую страницу, а Магомета это не волновало: он был арабом и знал, что можно быть арабом и не сидя на верблюде».

Но это частности. Горькая и светлая пьеса о великом грузинском поэте Николозе Бараташвили, о целостности поэтической судьбы, о единстве творчества и жизни состоялась.

Лина ХИХАДЗЕ

«МЧИТСЯ мгновенный век, снится блаженный брег...» — не случайно, думается, эти строки Александра Блока из его романтической, рыцарской драмы определили название новой книги московского поэта Яна Гольцмана, выпущенной в 1987 году тбилисским издательством «Мерани». Не случайно потому, что эта книга и вправду о блаженном берегу — блаженном берегу любви и преклонения. Эта книга о друге и о любимой, но главное в ней — земля, родина, и если человек готов служить ей своим трудом, своей жизнью, своим искусством, то на этой земле у него будет друг, и любовью ответит женщина. Иначе быть не может.

«Мгновенный век» — книга о двух странах, далеких друг от друга и таких родных: о русском Севере и о прекрасной Грузии.

Так случилось, что автор этой заметки никогда не был в Грузии. Поэтому нетрудно, быть может, понять некоего рода спокойствие и отстраненность, с которыми я открыл книгу Я. Гольцмана. И с первых же строк меня буквально захватили его стихи:

Белые овцы в утренней Ахиеле

Вышли на склон.

В тихой протоке тихо стоят форели,

Как под стеклом.

Что же, хевсур, проходишь, очи понутив,

Конь — в поводу?

Выстрел не грянет: тихо, Очиаури,

В этом году.

(«Архоти», с. 7)

В самом ритме, в самой интонации мне послышались гор-
танный звук песни, гулкая тишина горных перевалов, веселый
грохот бешеной воды. Вот душное стадо растеклось по холод-
ному утреннему склону, вот на коротких уступах буйствует и-
ноградник, вот легендами и загадкой остро пахнет только что

---

* Ян Гольцман. «Мновенный век». Стихи, переводы, Ме-
рани, 1987.

разломленный сыр... И рядом — проникновенные строки
России:

Пустынные песни. Поются они неспроста.
Пора поклониться простору поклоном земным:
Пустынные воды, пустынные эти места —
Они не позволят родиться напевам иным.

Разлюбит подруга, считавшийся другом—предаст,
Но вовремя в зелень оденутся пряди ветлы.
Все так же нетронут январский сияющий наст,
И белые ночи все так же печально-светлы.

(«Пустынные песни...», с. 6)

Я. Гольцман — поэт молчаливый. Он не спешит завалить читателя грудями поверхностных впечатлений, свежее испеченных, не выстраданных опытом идей. Он не ищет образа понеожиданней, чтобы щегольнуть мастерством оригинального жанра или блеском воображения. Его стихи — не реестр деталей, призванных оттенить зоркость авторского взгляда, и не запись фонетических этюдов ремесленника-виртуоза. Он, в первую очередь, поэт, то есть человек, умеющий слышать, как поет язык, поет (или не поет) сам по себе, по внутренней своей природе независимо от целей, от задач и от смысла, которые мы в него вкладываем. Стихи Я. Гольцмана зримы, чувственны, их можно попробовать на вкус и вдохнуть, они полны деталей и особенно, поэтически, звучат. В этих строках чувствуется главное — естественное, неискаженное дыхание жизни, судьбы:

Но уже по-другому светает.
И щемящее чувство рождается
В перезвоне, с которым слетает
По тропе снеговая водица.
Жизнь идет, да уходит не скоро:
Долго перья горят зоревые.
Но уже ощущение повтора,
Даже если такое впервые.

(«Жизнь неслышно...», с. 36)

Все сказанное в равной (а следовательно — в еще большей) мере относится и ко второму разделу «Мгновенного века» — переводам грузинских народных баллад и песен и переводам из современной грузинской поэзии. Перевод — дело особое, требующее на самом деле значительно большего расхода ду-

шевных сил, ибо переводчик не только должен стать другим, но и — остаться самим собой. Переводами с грузинского Я. Гольдман занимается давно. На памяти у многих вышедшая года два назад яркая книга «Фиалки на горе», собранная из народных песен и баллад, переведенных поэтом. Уже там была видна бережная, сильная рука мастера. То же можно сказать и о нынешних переводах произведений грузинского фольклора:

Шествую по Мизриери,
Срезаю подолы Саджара,
Ворочаю между пальцами
Тяжкие глыбы льда.
На луговине Саджара
Пас пастушонок стадо.
Меня заприметил — вздрогнул,
Бросился наутек.
— Куда торопишься, мальчик?
Не убежать, красивый...
Возьму и тебя, и стадо
В подарок Морю...

(«Ледник», с. 69)

Возникает ощущение, что сам переносишься на древнюю землю, поклониться которой ходила сама Эллада, полную красоты и печали землю, где ледники говорят такие грозные речи.

Вот оно, хорошее чонгури!
Как играет на чонгури Цира!
...Где оно, хорошее чонгури?
Где она, игравшая на нем?

(«Где оно...», с. 92)

Честно говоря, ловишь себя на странном чувстве: эти стихи даже не кажутся переводами, об этом забываешь, погружаясь в их песенную стихию, мудрую и гневную, слышишь медленное, вековое дыхание гор:

В Верхнем Бацалиго — снежная мгла.
В Нижнем Бацалиго — сохнет земля.
Крепость Квирики дрогнула,
Трещина с одного угла,
В щель неслышно ползет змея...

(«Бацалиго», с. 56)

Много переводит Я. Гольцман и современных грузинских поэтов. И это очень важно: перевод — инструмент взаимопонимания и взаимоуважения. Тем ценнее каждое выверенное, подлинное слово, дошедшее до слуха иных народов, тем более — слово поэтическое, минуя привычные штампы и суту речевой жестикуляции. 15 поэтов разных поколений представлены в этом разделе «Мгновенного века». Среди них хотелось бы в первую очередь отметить переводы из Г. Абашидзе, М. Бараташвили, М. Пощишвили, Д. Чарквиани, Э. Квиташвили, Т. Джавахишвили... Внимательный читатель сразу отметит, что при общем высоком уровне профессионализма у каждого поэта в переводах сохранилось свое творческое лицо.

Думается, что «Мерани» сделало важное, хорошее дело, издав эту книгу. Хотелось бы верить, что многие, кто подобно мне еще не бывал в Грузии, прочитав книгу Я. Гольцмана, полюбят эту страну, полюбят ее людей и проникнутся к ним святыми чувствами родства и братства.

Илья КОЛЛИ

Но уже по другому
И шепчущее чувство
В сердце моем с кистью слетает
По тропе снеговой вдали.

Даже если так же впервые

Все сказанное — суждение —
переводом грузинских поэтов
из современной грузинской поэзии
требует

Теймураз ДЖАФАРЛИ

«Самый худший наш внутренний враг...»

С ТОГО дня, как в нашей стране было положено начало революционному процессу перестройки, тем более в месяцы, предшествовавшие празднованию 70-летия Великой Октябрьской социалистической революции, мы чаще, чем обычно, слышали и с особым настроением воспринимали глубокий смысл суждений о том, что каждый коммунист должен следовать примеру Владимира Ильича Ленина, у него учиться жить и работать.

Сегодня, думается, для нас особенно важны мировоззренческие основания жизненной позиции Ильича, а именно: глубокое понимание им той простой, но вместе с тем великой истины, что человек — высшая ценность среди всех других, тем более в условиях социализма.

Именно поэтому в центр практической политики сейчас поставлен человек с его интересами и потребностями, особую остроту приобретает проблема управленческих кадров, освоение ими сложных, но чрезвычайно важных своих функций. Подобный подход диктуется не только знанием того, что человек, кадры — решающая сила прогресса, но и горьким опытом прошлого, который свидетельствует: приобщение в силу тех или иных обстоятельств к институту власти людей, игнорировавших программные принципы партии и нравственные требования общества, — первопричина многих деформаций, приносивших и все еще приносящих нам ощутимый политический и моральный ущерб. Тем более в тех случаях, когда к власти

удавалось «пробиться» карьеристам, чьими стараниями полностью извращалась сама идея бескорыстного и самоотверженного служения людям. Вот почему правомерно сказать, что карьеризм как раз и есть один из главных источников «самого худшего нашего внутреннего врага» — бюрократизма, как определил в свое время это явление В. И. Ленин.

Жизнь подтвердила оценку вождя нашей партии: бюрократизм вьелся в плоть всех сфер нашей общественной жизни, будь это экономика, сельское хозяйство, наука, культура. Поэтому не только у нас, в Советском Союзе, но и в братских социалистических странах воочию убедились: там, где не действуют в полной мере моральные и экономические рычаги стимулирования жизнедеятельности людей, верх берут бюрократические методы. А это для народного государства самая большая угроза, в особенности в настоящее время. Искоренение бюрократических методов и форм работы становится на сей день одной из самых актуальных и насущных задач. К примеру, эта борьба, как писала газета «Жень минь жибао» в одном из октябрьских номеров 1987 года, будет вестись в Китае с использованием всех необходимых средств, включая недопущение чрезмерной концентрации власти в одних руках, пожизненного пребывания одних и тех же людей на ответственных постах и иные факторы, нередко оборачивающиеся гипертрофированием роли руководителей в общественной жизни. Для реализации этой задачи предусматривается применение и самых жестких правовых санкций.

Активизация борьбы с этим злом в нашей стране заставила партийные организации на местах предпринять шаги, диктуемые обстановкой. Так, некоторое время тому назад ЦК КП Грузии принял специальное постановление по этому вопросу, нацеленное на придание борьбе против бюрократических извращений всенародного характера.

Именно бюрократические извращения и послужили толчком для некоторых читателей, адресовавших в редакции республиканских газет полные обоснованной горечи письма с размышлениями о нашем прошлом и настоящем. Вот хотя бы две таких выдержки из них: «Попасть на прием к некоторым руководителям не так просто. Бывает, наконец, примут. Входишь в служебный кабинет, а здесь тебе недвусмысленно дают понять: «У меня нет времени, давай не мешкай...» Порок на лице их хозяев даже написано: «Скажи спасибо, что попал сюда...» Второпях пытаешься объяснить, что к чему, а тебя не слушают — ответственный товарищ ушел в свои проблемы, он

явно «отсутствует»... Спускаешься затем по лестнице уни-
женным, «учишь» себя: «Не дай, как говорится, бог, чтобы
жизнь заставила еще раз быть в роли просителя у подобных
людей».

Аналогичная мысль пронизывает содержание письма ветера-
рана войны: «Месяц за месяцем обращаюсь в различные ин-
станции, однако мне или не отвечают, или же отвечают так,
что лучше бы я никуда не писал. А две мои жалобы умудри-
лись переслать тем, на кого я жаловался...»

Однако не только судьба некоторых писем, получаемых в
редакциях, но и тех, что посылаются в ЦК КП Грузии, другим
вышестоящим органам и ведомствам республики, дают право
на грустный вывод: количество различного рода жалоб, адре-
суемых «наверх», не уменьшается прежде всего в силу того,
что вопросы, выстраданные их авторами и заставившие их
бить в двери различных инстанций, не всегда решаются
своевременно и должным образом в нижестоящих службах
иерархии власти, на местах.

Конечно, трудно судить о том, какое решение было бы
правильным в том или ином конкретном случае, но нельзя не
удивляться одному сходному, общему «показателю»: почему
за столь долгое время виновные в этом работники не потруди-
лись принять просителя, если он чего-то не понимает — разъяс-
нить ему, если ошибается — показать, в чем... Иначе говоря,
проявить обыкновенное участие к человеку, разобраться в
проблеме, беспокоящей его, вступить с ним в уважительный,
равноправный диалог. Не трудно догадаться, что подобное
происходит в том случае, когда на своем пути проситель не
встречает человека с развитым чувством сострадания, сопе-
реживания, по-большевистски, по-ленински понимающего и
исполняющего свой долг перед трудящимися. В итоге — из-
дерганные нервы, впустую потерянное время, горечь обид, не-
убывающий поток новых жалоб... Поэтому можно понять жи-
теля деревни Чвирки Брестской области Белоруссии Иосифа
Козлюка, который в письме, направленном редакции газеты
«Правда» (12.X.1977 г.), пишет о том, что, если даже не уда-
стся выполнить всего, что по расчетам должна осуществить
перестройка, но будет сделано одно — искоренен бюрократизм,
— все вокруг станет лучше.

С подобным отношением к людям мы встречаемся и в уч-
реждениях здравоохранения республики, работники которого,
кстати, как правило, имеют медицинское образование, а значит
дают клятву, берущую начало от великого Гиппократы, — лю-

бить людей, бескорыстно и самоотверженно служить им, и на объектах бытового обслуживания, и в сфере коммунально-жилищного хозяйства, и в административных органах, где нередко подыскивают любые «уважительные» причины, чтобы пальцем не шевельнуть: или просто-напросто «отфутболить» просителей в иные инстанции. И это имело место не только вчера, но не изжито и сегодня — последние исследования социологов свидетельствуют о том, что даже в условиях ведущейся перестройки, открывшей простор смелости, инициативе, самостоятельности, человек подчас оказывается беззащитным перед натиском бюрократа.

Давно вызывают всеобщее недоумение, а порою и возмущение бюрократические препоны на пути прямых контактов между гражданами нашей страны и братских социалистических государств. Выражением этого можно считать появившиеся в последнее время в ряде центральных газет статьи, резко критикующие положение дел в этой сфере.

Вот один из довольно красноречивых фактов недавнего прошлого. Летом 1986 года медицинский работник одной из больниц приморского города нашей республики получил приглашение от друзей из Чехословацкой Социалистической Республики. Потеряв почти месяц на оформление всевозможных документов, их согласование на различных уровнях, сбор справок, характеристик, объективов с подписями и печатями ответственных работников различных учреждений, пройдя очередную проверку на «благонадежность» (!?), он, наконец, передал все собранные бумаги в соответствующий отдел Министерства внутренних дел автономной республики. Честный человек, хороший врач, он был уверен, что у этой службы не будет никаких претензий к его поездке, заблаговременно приобрел билет. Но помариновав просителя пару недель, ему «разъяснили»: поскольку в течение последних трех лет он уже был два раза подряд в этой стране, в третий раз поехать туда нельзя! Почему? Понять нелепость такого подхода было трудно.

Хорошо зная, что народы социалистических стран связаны братскими чувствами, что конкретно их дружба прежде всего может реализоваться как непосредственное общение людей, читая в газетах, слушая неоднократно по телевизору выступления руководителей государства, их слова о том, сколь важны и необходимы прямые контакты советских людей, причем не только с представителями стран социалистического содружества, но и других государств, для развития, укрепления и углубления взаимопонимания, установления добрых отноше-

ний между народами и людьми, для сохранения мира, врач обратился с письмом в союзное министерство внутренних дел. Веские аргументы автора письма не возымели действия ^{Экз. № 357/20} его заявления вместе с сопроводительной отпиской вернули в город, где он живет и работает. Там, естественно, остались при своем мнении, бюрократический круг замкнулся. Что касается врача, то испив, как говорится, до дна чашу оскорблений и унижений, ему пришлось придумывать для тех, кто его пригласил, «версию» своего «неприезда», ибо сказать правду пригласившим его друзьям он счел неудобным, дискредитирующим наше общество. Естественно, что подобные нескрываемые подчас недоверие и подозрительность, проявляющиеся во всяческих запретах и ограничениях, не только оскорбляют советских людей, но и обесценивают смысл слов, которые они часто слышат и читают: каждый гражданин Союза СССР — это **хозяин** своей страны. И для того, чтобы по-настоящему ощущать эту свою роль, он на каждом шагу должен убеждаться, что государство, имея доверие **народа**, вместе с тем оказывает полное доверие **представителю** народа, спрашивая с него только в том случае, если тот не оправдал этого доверия. А заведомо подзрывать человека в грехах противоречит принципам социальной справедливости.

И в эту сферу перестройка успела внести позитивные коррективы — заметно разрушается фундамент бюрократического крючкотворства, наносившего нам ощутимый морально-политический ущерб. Однако этот процесс, судя по публикациям «Правды», «Известий», «Литературной газеты», «Советской России», «Советской культуры», журнала «Огонек» и других изданий, по тому, что иногда приходится слышать от сослуживцев, знакомых, близких, протекает медленно. Сказывается, надо полагать, инерция вчерашнего подхода к этим вопросам, насаждавшегося с 30-х годов отношения к гражданам как к «винтикам», которых можно «завинчивать» кому, как и когда заблагорассудится...

Недавно резкой, но справедливой критике за волокиту, безответственность, перестраховку, формализм, иначе говоря, за бюрократический стиль работы подверглись сотрудники Калининского, Кировского, Сабурталинского и других райисполкомов г. Тбилиси. Первые, если перевести разговор на язык фактов, за то, что при нынешнем остром положении с жильем в столице республики в течение двух лет никак не реагировали на просьбу жильцов дома номер 25 по улице Атарбекова о предоставлении высвободившейся квартиры тому, кто имел на это

право. Октябрьский райсовет за то, что три года «тянул» решение аналогичного вопроса, хотя мог безотлагательно дать возможность вселиться в пустовавшую все это время трехкомнатную квартиру в порядке очереди ветерану Великой Отечественной войны, заслуженному учителю. Вот так из-за одного — двух бюрократов расшатывается мост доверия между трудящимися и органами власти, подрывается их авторитет.

Бюрократ — это образ мышления и характер поведения, который проявляется независимо от места работы и занимаемой должности. И имевший место в прошлом процесс бюрократизации государственного аппарата не обошел, как было сказано выше, и административные органы. Здесь в те годы сформировались кадры, приучившиеся не видеть в абстрактной массе живых людей с их горестями и страданиями. Законы, которые в качестве средств должны были содействовать благой цели — содействовать благу общества и конкретных людей, — по вине чинуш от юриспруденции утратили свое содержание, свой истинный смысл.

Поняв это, активизировали борьбу с бюрократизмом прокуратура республики, строго наказавшая прокурора Аспиндзского района С. Г. Гоголадзе и некоторых других своих сотрудников, дисциплинарная комиссия Верховного суда Грузинской ССР, привлекая к ответственности народного судью г. Цхалтубо Л. С. Мамагеишвили, народного судью Н. Алпаидзе, в течение трех лет по всяким пустякам более двадцати раз откладываявшего заседания суда Ленинского района г. Кутаиси по иску гражданки Ц. Бенидзе. По представлению республиканского министерства юстиции перед Президиумом Верховного Совета Грузинской ССР исполкомы Ахметского, Тианетского, Самтредского и ряда других районов досрочно отозвали за бюрократизм, волокиту, бездушное отношение к людям народных судей Р. Чигвинадзе, В. Надирашвили, О. Стуруа и некоторых других.

Неудивительно, что, сталкиваясь с подобными явлениями, задумываешься, ищешь ответ на такой вопрос: не здесь ли, в отчуждении части наших людей друг от друга, истоки непонятной жестокости, недоверия, утраты доброжелательности, снижения готовности прийти на помощь друг другу, наконец, игнорирование норм элементарной вежливости, короче говоря, образ жизни и поведение, никак не согласующиеся с гуманистическими принципами социализма?

Анализируя, оценивая положение дел в нашей стране до апрельского (1985 г.) Пленума ЦК КПСС, нельзя избежать вы-

вода, говорящего о том, что во многом именно бюрократические рогатки, затрудняя дорогу демократии, правде, гласности, смелости, честности, разумным, обеспечивающим общественный прогресс идеям и действиям, предопределили трудности, испытываемые народным хозяйством, стали причиной затягивания сроков внедрения в производство достижений науки и техники, явились одной из причин сбоев в духовной сфере, бесплодности многих идеологических акций. Отсюда же и искалеченные человеческие судьбы, социальная апатия, неверие в возможность практического торжества социальной справедливости как приоритетного принципа социалистического общежития.

Учитывая все это, на январском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС Генеральный секретарь ЦК нашей партии сказал: «Чем больше углубляемся в работу по перестройке, тем яснее становятся ее масштабность и значение, выявляются все новые нерешенные проблемы, оставшиеся в наследие от прошлого». Развивая эту мысль на июньском (1987 г.) Пленуме, посвященном вопросам коренной перестройки управления экономикой, он обратил внимание его участников на то, что реальными противоречиями сегодняшнего дня следует признать несоответствие между растущей активностью масс и еще непреодоленным бюрократическим стилем деятельности в самых различных сферах нашей общественной жизни. В докладе, с которым М. С. Горбачев выступил на торжественном собрании, посвященном 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции, подчеркнуто: «...Правдивый анализ должен помочь нам решить сегодняшние наши проблемы: демократизации, законности, гласности, преодоления бюрократизма — словом, насущные проблемы перестройки». И дальше: «Перестройка — не только избавление от застойности и консерватизма предшествующего периода, исправление допущенных ошибок, но и преодоление исторически ограниченных, изживших себя черт общественной организации и методов работы... Мы имеем все основания взглянуть на перестройку как на определенный исторический этап в поступательном прогрессе нашего общества. И отвечая на ленинский вопрос «от чего к чему» мы переходим, надо сказать совершенно определенно: нам необходимо придать социализму новое качество, как говорят, второе дыхание, а для этого осуществить глубокое обновление всех сторон жизни общества — материальной, так и духовной, наиболее полно раскрыть гуманистический характер нашего строя».

Во время встречи в ЦК КПСС в июне 1987 года с руководителями средств массовой информации и творческих союзов,

Михаил Сергеевич обратил внимание на то, в чем и каким образом конкретно этот гуманизм нашего строя должен находить выражение в деятельности кадров: «...На каких бы постах ни находился человек, но если он теряет это качество — воспринимать нужды людей, их боль, перестает понимать, как они живут, — это случайный человек, его надо менять. Он нам не нужен.

...Не должно быть на руководящих постах людей черствых, невнимательных, не видящих народные нужды и не болеющих за них, не воспринимающих их всем сердцем.»

Гуманизм — это человеколюбие, человечность. К сожалению, в бюрократе как раз и отсутствует любовь к человеку, отсюда — дефицит доброты при «избытке» равнодушия к судьбе конкретного человека, к его радостям и бедам, прикрываемом бесчеловечным в своей абстрактной сути служением «народу», «человеку вообще». Все же остальное проистекает уже из этого, главного недостатка. Отсюда — и высокомерная поза, игра в недоступность, командный тон, категоричность суждений, будь они при исполнении служебных обязанностей или в ситуациях неформального общения с людьми; и создание видимости «кипучей» деятельности, невероятной занятости, допущенности чуть ли не к «общегосударственным тайнам»; и подчеркнутое стремление продемонстрировать зависимость окружающих от него, бюрократа, воли, доходящее порою до самодурства неправомерное использование даже своей малой власти над окружающими, самодовольство; и, наконец, элементарное нежелание брать на себя груз ответственности за решение беспокоящих людей вопросов, создавать себе «лишние» хлопоты... А в результате — безответственность, нераспорядительность, догматизм, святая вера во всеислие документов, игра в бумаготворчество, пассивность, избирательные либерализм или «принципиальность», ведомственность, технократизм, склонность к кабинетному стилю работы, боязнь гласности, предпочтение келейного решения вопросов... «Одним словом, — как отмечал В. И. Ленин, — чисто чиновничье убийство живого дела, казенное вранье» (Полн. собр. соч., т. 42, с. 344).

В самом деле, каждый из тех, кому доверена пусть даже малейшая власть, может выполнять свои служебные обязанности формально «от» и «до», причем таким образом, что к нему и не придиришься. Но поразмыслишь, разберешься и поймешь: в таких работниках нет понимания того, что каждый из нас в ответе за судьбы, за благополучие всех и каждого члена общества, за тех, кто в той или иной мере зависит от нас. Ми-

ровозрелческая незрелость, узость гражданского самосознания, косность, страх перед новым, карьеристская нацеленность на должность, отношение к людям не как к целям нашей борьбы и труда, а только лишь как к средствам решения тех или иных задач, чаще всего достижения личных интересов — вот внутренняя, личностная питательная почва, на которой произрастают ростки бюрократических искажений, отрицательно сказывающиеся на социальном самочувствии общества, его представителей. Видимо, если иметь в виду бюрократов более высокого ранга, свою роль в этом играет и психологическая привычка, поскольку, принимая изо дня в день масштабные решения, некоторые из них упускают из поля зрения мысли, чувства, переживания, проблемы отдельных, конкретных людей. **А ведь уровень нашей идейности, развитости нашего нравственного самосознания — прямой показатель и критерий нашей политической состоятельности, нашей партийности, гражданской активности.** Вот почему, опять-таки обращаясь к В. И. Ленину, целесообразно вспомнить его слова о том, что становясь бюрократом, коммунист по существу обрекает себя на гибель, на морально-политическое банкротство. И поэтому без страха впасть в преувеличение можно сказать, что среди негативных явлений, мешавших нам еще вчера и мешающих жить и работать сегодня, когда в стране идет процесс подлинно революционных преобразований, одно из первых мест принадлежит бюрократизму. Именно бюрократы, по меткой характеристике Владимира Ильича, подчиняющие интересы дела интересам своей карьеры, порождают у членов общества скептицизм и индифферентизм, подрывают у них веру в возможность торжества социальной справедливости как высшего принципа нашей общественной жизни, расшатывают авторитет органов народной власти.

В чем же причины живучести и распространения этой опасной социальной болезни?

* * *

Бюрократия (от соединения французского слова «бюро» — канцелярия с греческим «кратианс» — власть) — это люди, находящиеся на службе государства и в своем единстве призванные обеспечивать нормальное функционирование механизма управления общественной жизнью, порядок и законность. Естественно, что от их морального облика и компетентности непосредственно зависит положение дел на различных участках и в разных сферах общественной жизни. Их способность видеть правильно и своевременно решать возникающие пробле-

мы, стиль мышления и работы, ценностные ориентации, приверженность справедливости оказывают непосредственное воздействие на судьбы граждан. А именно службисты, назовем их так, призваны, по словам В. И. Ленина, применять правовые установления **одинакового масштаба, на которых держится общество, к различным людям, которые в общем-то не одинаковы, не равны друг другу.**

Классическая форма жизнедеятельности бюрократа определяется отсутствием у него творческого подхода к делу, его педантичной приверженностью утвержденным свыше рационально-правовым нормативам, малейшее отклонение от буквы которых для него вообще немыслимо. На таких формалистах, в чьем исполнении своих функциональных обязанностей нетрудно отыскать и «рациональное зерно», держится управление, и в их действиях невозможно обнаружить криминал, если они не ставят свои интересы выше государственных. Опасность не в них, а в тех, кто, идентифицируя себя с законом, правом, ведомством, даже с государством, способен в своих корыстных интересах игнорировать необходимость рационально-правовой аргументации своих действий, а значит допускать и произвол. Такой бюрократ служит уже не делу, а тому, кто занимает более высокое положение, в результате чего иерархическая система в том или ином звене власти строится по принципу личной преданности. Отсюда — несоответствие интересов бюрократии и общества, что проявляется уже в том, что преданность подчиненного начальнику оценивается последними выше, чем его моральные достоинства и профессиональная компетентность. Иначе говоря, это и есть тот случай, когда субъективный подход к подбору номенклатуры подменяет объективный принцип отбора кадров в зависимости от их неравномерных достоинств, талантов, знаний, заслуг. В этом смысле можно сказать, что бюрократия воссоздает, множит саму себя.

Наиболее широкое распространение эта форма бюрократизма получила в условиях буржуазного государства, аппарат которого в силу эксплуататорского характера строя призван укреплять и сохранять привилегированное положение собственников. Однако, как прозорливо угадал Карл Маркс, сравнивавший аппарат буржуазного государства с кастой, последняя приучается превращать государственные задачи в канцелярские и, наоборот, тем самым противопоставляя себя не только большинству членов общества, но даже государству, которое взяло его и поставило себе на службу (См. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. т. I, с. 271—272).

1985
1000000000

Идеологи буржуазии, в силу своих классовых интересов, не раз пытались теоретически обосновать неизбежность бюрократизации аппарата любого государства, в том числе и социалистического, объясняя это, в частности, и объективным процессом централизации власти в связи с возрастанием объема и масштабности решаемых государством задач. Исходя из такого предвзятого подхода к социализму, профессор экономики Гарвардского университета Голдмэн (США), автор книги «Вызов Горбачева», выступив по телевидению в Нью-Йорке и со статьями в газетах, после июньского (1987 г.) Пленума ЦК КПСС заявил буквально следующее: «Даже зафиксированные документально реформы будут почти наверняка выхолащены бюрократией. Шансы Горбачева, пожалуй, невелики». Понятно, что здесь желаемое явно выдается за реальное, хотя ряд факторов, в том числе из вышеназванных, и в условиях социализма обуславливают в какой-то степени обюрокращивание части государственного аппарата. В итоге функционеры, призванные обеспечивать порядок и четкость в работе, на практике нередко усложняют решение дел. Следует сказать и о том, что в наше время этому могут способствовать и благие намерения, скажем, — цель улучшить деятельность сотрудников того и иного ведомства за счет формализации системы управления с помощью математических методов и моделей, если при этом рациональная идея в силу фетишизации процедурных регламентаций доводится до абсурда.

Еще в 1926 году Ф. Э. Дзержинский говорил о том, что одним из источников бюрократизма, превращающегося в беду молодой Советской власти, служит непомерное разбухание штатов. Время подтвердило этот вывод. Действительно, рост аппарата управления, достигшего в нашей стране почти 18 миллионов человек (как известно, с 1988 года будут приняты решительные меры для сокращения штатов почти наполовину), в какой-то мере бюрократизирует его часть, однако в силу общественного характера собственности на средства производства, того, что власть в нашем обществе принадлежит народу, которому предоставлено конституционное право периодически обновлять и сменять представительные органы, заменять одних функционеров другими, этот процесс не может приобрести необратимый характер (так, к примеру, в Верховном Совете Грузинской ССР одиннадцатого созыва из 440 депутатов 272 избраны депутатами впервые, что свидетельствует о том, что состав высшего органа власти республики с 1985 года обновился на 61,8 процента).

Бюрократизм чужд природе социалистического государства, хотя, как отмечал В. И. Ленин, он полностью может быть искоренен только на высшей стадии развития социализма, то есть, когда отомрет необходимость в государстве. А до тех пор невозможно исключить рецидивы отрыва части функционеров от масс, их действий, продиктованных субъективными интересами.

Наш строй, неисчерпаемый демократический потенциал которого после апрельского (1985 г.) и последующих Пленумов ЦК КПСС, XXVII съезда партии используется все больше и больше, представляет собою «власть, открытую для масс, делающую все на виду у массы, доступную массе, исходящую непосредственно от массы, прямой и непосредственный орган массы» (В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 12, с. 319). С каждым шагом перестройки последовательное развитие демократических основ социалистического государства, как объективная закономерная тенденция, практически ведет к увеличению представительства в органах власти трудящихся, к возрастанию их роли в принятии управленческих решений. Косвенно этой же цели служат систематически проводимые всенародные референдумы, привлечение масс к обсуждению проектов важнейших решений центральных, республиканских и местных органов, получающие все более широкое распространение изучение и учет общественного мнения, повышение прав трудовых коллективов в решении своих проблем, дальнейшее углубление и расширение подотчетности и подконтрольности государственного аппарата народу. Все это — прямое свидетельство того, что наш строй лишает бюрократизм тех корней, которые он имеет в буржуазном обществе и тем самым создает гарантии того, что бюрократы в условиях социализма не могут сложиться в чиновничью касту, в особый социальный слой. Но, тем не менее, на редкость живучие бюрократические извращения способны проникнуть почти во все сферы нашей жизни, бюрократическая карусель и сегодня, к несчастью, крутится во многих учреждениях и организациях. Подтверждение тому — результаты социологического исследования, проведенного в начале 1987 года Центром по изучению общественного мнения Института социологических исследований Академии наук СССР. Половина опрошенных заявила, что сталкивается с бюрократическими рогами в производственной деятельности. почти одна треть сообщила о том, что тратит время на канцелярскую волокиту. Силен бюрократизм в сферах, где решаются жилищные проблемы, вопросы устройства малолеток в ясли и детсады. Мно-

гие отметили, что бюрократизма на нижних ступенях управления больше, чем на верхних.

Есть инструкции, регламентирующие наше поведение, об-
ективная необходимость и справедливость которых очевидна и обществу в целом, и каждому его представителю в отдельности. Однако значительная часть всякого рода запретов, рожденных не социальной целесообразностью, а казенно-административным зудом, сковывает инициативу, мешает делу. Их абсурдность, порочность заключается уже в том, что они не столько устраняют, сколько открывают простор злоупотреблениям. Без преувеличения можно сказать, что эскалация запретов, получившая такое раздолье в минувшие годы, стала самой настоящей нашей драмой, усложнила жизнь честным людям.

Бессмысленные ограничения, контроль за их соблюдением, естественно, требуют людей, силы, время. Ведь чем-то, хотя бы формально, надо «оправдать» деятельность, да и само существование бюрократии... Причем «контролер» — это каждый раз лишний штат, обходящийся чаще всего дороже, чем гипотетически предполагаемые злоупотребления. Так, например, еще недавно для поездки научного сотрудника в зарубежную командировку требовалось 12 экземпляров различных анкет, хотя самая тщательная проверка, проведенная недавно по указанию руководства Академии наук СССР специальной комиссией по упорядочению стиля и методов работы аппарата этого высокого учреждения, возглавляемой известным физиком, академиком Юрием Осипьяном, убедила, что для этого достаточно... всего лишь двух.

Иллюстрацией к сказанному служат и суждения по этому вопросу председателя известного на всю страну крымского колхоза «Россия», Героя Социалистического Труда Владимира Криворотова, сформулированные им в статье, метко озаглавленной «Бедный миллионер». «Нет, — пишет автор, — не собираюсь охаивать чохом, без разбора все инструкции, все записанные в них рекомендации и советы: без них не обойтись. Но значительная часть, поверьте моему опыту, и по сей день сковывает хозяйственную инициативу...». «...Сотни и сотни инструкций мешают сегодня нашей перестройке. Их надо незамедлительно и безжалостно списывать в архив...» («Неделя», № 34, 1987 г.) Хотя бы в силу того, что жизнь — сложна, и со временем многие правовые нормы, регламентации способны утрачивать свою целесообразность. Бюрократ же продолжает по привычке втискивать живую ткань жизни в прокрустово ложе устаревших нормативных актов и иных документов.

Это обстоятельство вносит диссонанс в механизм управления, снижает его эффективность, хотя задача каждого представителя власти — обеспечивать сбалансированное и целенаправленное функционирование и развитие общества.

К числу не просто ущемляющих интересы людей, но даже прямо оскорбляющих их честь, их человеческое достоинство запретов следует отнести и те, которыми регулируются различные аспекты взаимоотношений работников гостиниц и их постояльцев. Именно здесь наглядно видно, насколько опасен казенно-бюрократический стиль мышления тех, кому доверена хотя бы малая толика власти, кому удалось попасть в число принадлежащих к аппарату управления. Во многих публикациях, в частности последнего времени («Нельзя, потому что нельзя» А. Вайсберга, см. «Неделя», № 41, 1987 г., «Разрешение на свидание» В. Яковлева, см. «Литературную газету» № 48, 1987 г. и др.) вновь говорится о том, что безнравственно, наконец, антиконституционно из-за нарушения прав граждан, оговоренных 135 и 146 статьями основного Закона СССР, контролировать право и сроки посещения людей, останавливающихся в гостиницах. Именно с этой целью штаты гостиниц невероятно раздуты: тысячам и тысячам людей, которые могли бы с пользой для общего дела работать на другом участке, придумали «работу», причем по существу за счет тех, кто поселяется в гостиницах посредством элементарного повышения стоимости пребывания там.

В конечном счете, искажая суть и назначение социалистического управления, снижая дееспособность органов власти, их цели и установки, порождая отчуждение между органами управления и людьми, бюрократизм оборачивается для нас ощутимым злом — конкретно тем, что в некоторых случаях управление принимает характер мнимый, призрачный (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 54, с. 101). Поэтому наивно относить бюрократизм к разряду «пережитков» прошлого, хотя такие его «компоненты», как чиновничество, преклонение перед авторитетами, страх перед самостоятельным принятием решений можно отнести к числу унаследованных от чиновников прошлого. В этом смысле логику поведения бюрократа можно определить как хамелеонскую, поскольку его гибкость целиком зависит от социально-должностного статуса тех, с кем он имеет дело. Для него важны те, кто указывает, командует, наконец, просто нужен. Поэтому к начальству его отношение верноподданническое, чиновничье, подхалимско-угодническое, поскольку от них зависит карьера; к рядовым — чванливое, не-

доброжелательное, равнодушное, пренебрежительное, если даже речь идет о судьбе, чести, достоинстве человека; к делу — хотя и формальное, но прежде всего корыстное. Сегодняшний бюрократ умеет мастерски скрыть свою асоциальную суть, так как бывает вполне приличным с виду, недурно образованным, даже респектабельным. Словом, иногда даже вполне симпатичным... Но бюрократизм всегда опасен, ибо неискренность, корыстолюбие, грубость, высокомерие, амбициозность, некомпетентность — это качества, от которых всего один шаг до злоупотреблений, перерождения, предательства интересов народа, партии, государства. Вот почему можно утверждать, что бюрократы способны найти «общий язык» даже с преступниками, легко образоваться в мафию, готовую пойти на любые антиправные и аморальные действия с целью реализовать свои антиобщественные устремления. Именно поэтому карьеристы, бюрократы, властолюбцы не только предпочитают безропотных исполнителей, но заинтересованы в превращении в таковых своих подчиненных, окружающих их людей.

Основные причины распространения рецидивов бюрократизма в условиях социализма, на наш взгляд, правомерно искать в следующих объективных и субъективных факторах. Это, если иметь в виду бюрократов из числа руководителей, прежде всего, **отсутствие у них глубокой марксистско-ленинской теоретической подготовки, твердых и четких коммунистических идейно-нравственных убеждений, сознательной приверженности благородным политическим целям и моральным требованиям общества.** Отсюда — недопонимание некоторыми из тех, кому доверен такой сложный инструмент, как власть, принципов организации и функционирования социалистического общественного строя, целевых установок коммунистического движения, неспособность предугадать негативные социальные последствия своих неправомочных действий, оборачивающихся в конечном счете «эффектом бумеранга», а значит по существу играющих на руку противникам социализма, сегодня—и перестройки.

Далее, свою роль играет неумение «заземлять» высшие программные установки партии к сфере повседневных практических дел из-за непонимания того, что благо народа — определяющий мотив нашей жизнедеятельности и что народ начинается с конкретного человека, следовательно, в рамках норм права и нравственности мы обязались помочь каждому стать счастливым. (Вспомним мудрые слова Андрея Платонова, который как-то сказал: «Без меня народ не полон»). Значит кое-кто

забывает о том, что: социалистическое государство — это **особое, общенародное государство, а каждый его гражданин — его полномочный представитель; что Коммунистическая партия — это партия революционная, для которой высшая цель заключается в создании объективных материальных и духовных предпосылок достижения всеобщего мира, свободы, равенства, социальной справедливости, интернационального братства, духовного развития и труда каждого трудящегося. И что в соответствии с этим каждый руководитель — это не просто функционер, облеченный полномочиями, а человек, добровольно обязавшийся каждый час своей жизни бескорыстно, самоотверженно служить народу, высокой порядочностью, добрыми делами подтверждать свое право быть у власти, вести за собой людей.**

Таким образом, можно сказать, что свою роль в распространении бюрократизма сыграли безыдейность, недостаточный уровень политической, общей и нравственной культуры части кадров, обусловившие их отрыв от народных масс.

Нельзя забывать также, что в течение многих лет борьба за искоренение бюрократизма не велась с должной активностью и целенаправленностью, а чаще всего проводилась кампанейски, причем только лишь идеологическими средствами, словом, в лучшем случае делались попытки справиться с ним с помощью полумер. Поэтому не будет ошибкой сказать, что благополучие бюрократа в прошлом обеспечивалось сложившейся системой безответственности, его уверенностью, что ему все простится, что с него не будет спроса со стороны вышестоящих, должностных лиц, кому он, когда это надо было доказывать, служил «верой и правдой».

Надо учитывать и то, что не могли пройти бесследно годы игнорирования гласности, критики, невзирая на лица, и самокритики, без чего в наших условиях невозможны ни своевременное вскрытие ошибок и злоупотреблений, ни преодоление недостатков. Здесь уместно сказать о том, что бюрократ может вершить свои дела, процветать, чувствовать себя «спокойно», если его деятельность окутана тайной, на что в свое время обратил внимание еще К. Маркс. Его «сила» в создании видимости, что он располагает «особой» информацией, знает нечто такое, чего не знают остальные, что он допущен к чему-то такому, что не позволено простым смертным. Следовательно, мощным оружием в борьбе с ним могут стать гласность, контроль, требовательность, реализация ленинской установки о том, чтоб люди все знали, обо всем могли судить и на все шли сознательно.

К бюрократизации кадров привело и ослабление контроля за их деятельностью сверху, но в особенности снизу, создавшее у них иллюзию полной независимости от масс при одно-временном усилении мнения о их зависимости от «верхов». Особенно, если учесть периоды нашей общественной истории в 30-е годы, когда начался процесс ограничения, а подчас и свертывания демократического потенциала социализма. стали грубо нарушаться и искажаться принципы выборности, сменяемости и подотчетности кадров. Естественно, что обстановка, при которой люди, которым было доверено право распоряжаться судьбами других, не неся при этом никакой ответственности перед ними и отвечая в лучшем случае только лишь перед вышестоящим начальством, оборачивалась, да и не могла не обернуться, тем, что многие из них легко превращались из слуг народа в прислужников тех, от кого прямо зависело их настоящее и будущее преуспеяние. Чрезмерная, жесткая централизация власти, развязавшая руки отдельным склонным к авторитарным методам управления руководителям, стимулировала их стремление, вопреки демократическим нормам социалистического управления, узурпировать право на принятие единоличных решений. В свою очередь преувеличенная оценка эффективности командно-административных методов решения возникающих проблем стала «повивальной бабкой» волюнтаристской вседозволенности, пренебрежительного отношения к морально-правовым требованиям общества, к общественному мнению, а соответственно и к выполнению ими своих прямых функциональных обязанностей. В этом случае следует отметить еще одно обстоятельство, сыгравшее свою роль в распространении бюрократизма: массовые репрессии 30-х годов привели к уничтожению теоретически грамотных, идейно закаленных, сознательно вступивших в революционное движение, руководствовавшихся ленинскими, истинно партийными демократическими принципами управления людей, что, если учесть низкую общую, политическую и правовую культуру трудящихся, особенно в вопросах социалистической демократии, не могло пройти бесследно и не сказаться на отношении к человеку, его интересам и потребностям многих из тех, кто пришел на смену погибшим. Те времена во многом предопределили, психологически во всяком случае, и последующий период застоя.

XX съезд КПСС впервые поставил эту проблему в центр внимания общества, обоснованно увидел причину многих негативных явлений в просчетах и беззакониях времен культа личности Сталина со всеми его трагическими для нашего общества

последствиями. Однако этот вопрос не получил должного, научно обоснованного ответа. И лишь на XXVII съезде, особенно на январском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС и в докладе М. С. Горбачева, посвященном 70-летию Великой Октябрьской социалистической революции, был дан ответ, облегчающий возможность лучше понять события тех лет, а значит и причины, и факторы, ставшие питательной почвой для бюрократизма.

Основоположники нашего учения предупреждали: взяв в свои руки власть и образовав свое государство, без которого нельзя построить ни социализма, ни его высшей фазы, трудящиеся должны помнить, что диалектически противоречивое развитие действительности, в том числе и социальной системы, не исключает формирования бюрократии. Ибо до тех пор, пока будут разделены функции управления и исполнения, будут руководители и подчиненные, а это чревато тем, что находящиеся у власти представители трудящихся могут превратиться в самых обыкновенных чиновников, тем более, если своевременно не будут приниматься целенаправленные и активные профилактические меры против бюрократизма и карьеризма. Ф. Энгельс отметил, что руководители Парижской Коммуны предприняли ряд необходимых шагов с целью недопущения подобного перерождения своих функционеров, обеспечив, с одной стороны, выборность должностных лиц всех рангов без исключения, с сохранением при этом права отзыва любого из тех, кто не оправдает оказанного ему доверия, и с другой — упразднение привилегий, в том числе и в оплате их труда, чтобы не было погони за «теплыми местами». Учитывая этот опыт, VIII съезд партии (1919 г.), принимая вторую Программу, признал социальную опасность для пролетарского государства бюрократизма и призвал вести с этим злом бескомпромиссную борьбу. Видимо, исходя из этого, в нашей стране существовал так называемый «партмаксимум», ограничивающий зарплату функционеров, которые, руководствуясь идейными позициями, сознательно и добровольно подчинили свою жизнедеятельность служению народу. Однако после смерти В. И. Ленина были преданы забвению его указания о все возрастающем привлечении к управлению масс, полном раскрытии демократического потенциала социализма, хотя к борьбе против возможности бюрократизации кадров еще призывали, но она постепенно стала ослабевать. В 1934 году потолок оплаты их труда был отменен, вскоре верх взяли иные, волюнтаристско-авторитарные тенденции, затем появились «пакеты» и иные льготы, что в своей со-

вокупности сыграло негативную роль в распространении бюрократизма и карьеризма.

Атмосфера страха, методы и стиль работы того времени способствовали утрате самостоятельности мышления, распространению конформизма, социальной пассивности, боязни брать на себя ответственность за решение тех или иных проблем, что В. И. Ленин оценивал как наиболее типичное проявление бюрократизма. Именно под влиянием культа первого руководителя и иерархически соподчиненных «культиков» на разных уровнях управления у части людей формировалась рабская психология бездушных, безропотных исполнителей директив и указаний, утрачивалось сознание того, что каждый гражданин и есть подлинный хозяин страны, своей судьбы. Говоря обо всем этом, нельзя не удивляться неисчерпаемому потенциалу социализма, величию советского народа, который вопреки всем трудностям и преградам добился за короткое время, пусть и дорогой ценой, такого исторического прогресса.

Оживлению бюрократизма, видимо, способствовали утверждавшееся неуважение к морально-правовым требованиям общества на фоне неоправданной, часто искусственно насаждавшейся регламентации всего и вся различными инструкциями. Приверженность ко всякого рода законоустановкам, которые во многих случаях скорее служили бюрократическим интересам, нежели интересам общества, нередко оборачивалась произволом, усложняя жизнь честным людям, но зато облегчая задачу и расширяя поле деятельности бюрократам, особенно из числа тех, кого В. И. Ленин называл «ловкачами», «архипроходами» и которых, по его мнению, «голыми руками не возьмешь» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 52, с. 194).

Надо полагать, что как раз этот тип бюрократа, пусть даже скрытно, но тем не менее наиболее активно сопротивляется сегодня происходящей в стране революционной перестройке. Вполне естественно, что люди, узурпировавшие с помощью протекций ту или иную долю власти, не блиставшие ни чем, не захотят просто так уступить доставшееся им не по заслугам, но сулящее неплохие «дивиденды» положение. Как бы малочисленны они ни были, им удастся, даже не сговариваясь, объединить усилия, оказать сопротивление новому, прогрессивному, противостоять тем функционерам, которые работают по совести, активно борются за перестройку.

Бюрократизм расплодился и в силу стремления кое-кого из руководителей, к примеру, Рашидова, Кунаева и некоторых других, выглядеть благополучно в любом случае, даже если

дела шли из рук вон плохо, — за счет показухи, приписок, парадной шумихи, очковтирательства. Эти явления вели к девальвации основополагающих ценностей общества: истины, морали, отношения к труду, стране, делали людей лицедеями, лишали их совести, понятия о долге, ответственности, веры в справедливость, порождали разрыв слова и дела, идеалов и практики, короче, — развращали тех, кто оказывался вовлеченным в эти грязные дела, превращая их в беспринципных приспособленцев.

И наконец, бюрократизм в значительной мере «подкармливали» имевшие место отклонения от ленинских принципов подбора, расстановки и выдвижения кадров. Имеются в виду ошибки и искривления, предопределяемые субъективным подходом, при котором мог преуспеть явно недостойный, но ловкий человек, способный легко, без зазрения совести присвоить плоды чужого труда, использовать интеллектуальный багаж других в своих корыстных целях. В этом смысле правомерно отнести карьеризм и бюрократизм к одного ряда явлениям, ибо эти разновидности подлости органически связаны друг с другом, предопределяют друг друга. Вот почему, если говорить о том, на чем сегодня держится бюрократизм, то следует признать, что у нас есть люди, заинтересованные в сохранении порядков, которые устраивают их, хотя и не устраивают народ. Винаваты в этом и мы, конкретно — наша терпимость к ним, часто граничащая с прямым попустительством.

Если в кадровых решениях не изжить субъективизм, распределение кресел по связям, если не обновлять постоянно кадровый корпус, то трудно исключить, чтобы в таких условиях на те или иные ответственные посты не могли бы проникнуть «делающие карьеру», будь это талантливые, но безыдейные и морально нечистоплотные, а порою и малокомпетентные в профессиональном отношении люди. Факты недавнего прошлого — убедительное свидетельство тому, что подавляющее большинство карьеристов, бюрократов и им подобных, в конечном счете, как правило, не выдерживают испытания властью. Хотя бы в силу того, что они обычно компенсируют свои «минусы» такими «достоинствами», как лесть, подхалимство, угодничество, наговоры на более способных коллег и иными негодными, хотя и нередко эффективными на какое-то время, средствами, которые народ осуждает, отвергает. Поэтому в определенном смысле бюрократ — порождение наших просчетов и в то же время, когда его разоблачают, — их жертва. Следовательно, для искоренения карьеризма и бюрократизма как его разновидности

необходимо утвердить в нашем обществе такую морально-психологическую обстановку, которая приучала бы каждого человека сознать, что главное не то, кем ты работаешь, а как ты работаешь и соответственно такому принципу воздавать людям знаки признания и уважения.

Политическая оценка бюрократизма, определяющая нашу позицию по отношению к нему, может быть только однозначной, — такой, какую дал ему Ленин. Владимир Ильич своевременно и в полной мере угадал опасность этого явления для социализма, с присущей ему прямоотой предупредив партию о том, что «если что нас и погубит, то это». И именно поэтому совсем не случайно, что в его работах и письмах в различном контексте более 300 раз в самой резкой форме говорится о бюрократизме, причинах его распространения и путях искоренения. Суть его бескомпромиссного отношения к этому злу сформулирована в следующих словах: «Самый худший у нас внутренний враг — бюрократ... От этого врага мы должны очиститься... На этот счет никаких колебаний быть не может» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 15).

Бюрократ по объективным последствиям своего образа жизни и поведения, стиля и методов деятельности — это самый настоящий **политический преступник**, вредитель и саботажник, пособник врагов социализма, поскольку характер, стиль и мотивы его деятельности — питательная среда для распространения и оживления различного рода антисоциалистических тенденций, ослабляющих силу нашего государства, дискредитирующих партию, стимулирующих антисоветские настроения.

Занимая непримиримую позицию по отношению к бюрократизму, трезво оценивая пути и перспективы его искоренения, Центральный Комитет нашей партии рассматривает эту борьбу как процесс. Такая позиция полностью соответствует точке зрения В. И. Ленина на эту проблему. Владимир Ильич предупреждал, что «это труднейшая борьба», что бороться с ним придется долгие годы, «и, кто думает иначе, тот шарлатанствует и демагогствует... Для того, чтобы побороть бюрократизм, нужны сотни мер...» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 248, 260; т. 52, с. 193 — 194). Преодоление «хронических» проявлений бюрократизма, как отмечал еще В. И. Ленин, «вопрос целой эпохи» (Полн. собр. соч., т. 42, с. 165). Главное, самое эффективное средство в этой борьбе — конечно, демократизация всех сторон жизни партии и общества.

Необходимы также быстрые, решительные, беспощадные

превентивные меры пресечения и наказания бюрократов. Здесь, видимо, уместно вспомнить следующие слова В. И. Ленина: «Советские законы очень хороши, потому что представляют возможность бороться с бюрократизмом и волокитой, возможность, которую ни в одном капиталистическом государстве не представляют рабочему и крестьянину...». Но дальше Ленин задает вопрос: «А кто пользуется этой возможностью?». И сам же отвечает: «Почти никто!» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 44, с. 171). И еще одно его суждение: «Где у нас приговоры народных судов за то, что рабочий или крестьянин, вынужденный четыре или пять раз придти в учреждение, наконец, получает нечто формально правильное, а по сути издевательство?» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 43, с. 328). Остается только добавить, что слова Ленина не утратили своей актуальности и сегодня — ведь, если мы даже очень захотим, то вряд ли отыщем хотя бы несколько примеров применения превентивных мер наказания в отношении хотя бы одного нынешнего бюрократа.

В контексте сказанного надо думать, что на борьбу с бюрократизмом позитивное влияние окажет установленная некоторое время тому назад уголовная ответственность должностных лиц за нарушение порядка рассмотрения предложений, заявлений и жалоб граждан, за преследование тех, кто открыто выступает против конкретных носителей негативных явлений или умышленно ущемляет трудовые, жилищные, имущественные или другие законные интересы трудящихся, гарантированные Конституцией СССР их права.

Активную роль «в борьбе с тinou бюрократизма и волокиты» (В. И. Ленин) способны также сыграть установление индивидуальной ответственности за неукоснительность выполняемых функций, строгая проверка итогов фактической работы. Кроме того, как это отметил еще В. И. Ленин в своей статье «Лучше меньше, да лучше», необходима специальная подготовка «человеческого материала» для управления делами государства, общества. Иначе говоря, каждый из тех, кому доверяется власть, должен обладать соответствующей теоретической подготовкой, глубокими знаниями по экономике, праву, социальной психологии, организации управленческого труда, этике служебных отношений. Таким людям следует овладевать совокупностью научных методов и приемов работы, а главное — обладать безукоризненно благородным характером (Гегель), то есть быть **высокоморальной личностью**.

В борьбе с бюрократизмом огромное значение имеют

36935940
515-910933

также неукоснительное проведение в жизнь принципа социальной справедливости; строгое соблюдение законности, порядка и дисциплины всеми членами общества без исключения; серьезная, вдумчивая, рассчитанная на длительный отрезок времени и в силу этого должную отдачу буквально со школьной скамьи политическая, философская и нравственно-воспитательная работа, имеющая своей целью формирование **гражданской** сознательности. При этом особое, самое серьезное внимание следует обратить на гуманитарное образование и воспитание, ибо в этом — важнейшая предпосылка раскрытия и формирования в человеке **человека**, его ориентации на высшие общечеловеческие нравственные ценности.

Наше общество вступило в 71-ю годовщину своей истории. Ее настоящее и будущее — дело нашего ума, наших рук, нашей совести. Поэтому прямой долг каждого из нас, в первую очередь партийцев, убирать с дороги негативное, застойное, мешающее нашему движению вперед, утверждать те ценности, благодаря которым в социализме будет больше социализма, а каждый трудящийся на каждом шагу будет ощущать свое положение **хозяина** страны. И не только несущего полную ответственность за все в своей стране, но и всегда, везде и во всем встречающего доброжелательное, чуткое отношение к себе со стороны тех, кому он доверил власть.

Паола УРУШАДЗЕ

О СУДЬБЕ ПОКОЛЕНИЙ...

О СУДЬБЕ ПЛАНЕТЫ

...Ради всего святого, не думай,
 Что если в наш век кровавой сумятицы,
 Узаконенного беззакония, запланированного

хаоса,

И бесчеловечной гуманности что-то повторится
 Вновь и вновь, то значит это естественно,
 Ведь это явилось бы признанием
 Неизменности мира.

«**Н**ЕИЗМЕННОСТЬ мира» для Р. Стуруа понятие столь же неприемлемое и противоестественное, как и для автора этого стиха — Бертольда Брехта. И если в лучших своих спектаклях он настойчиво напоминает нам о том, что история повторяется, а людские пороки, трансформируясь во времени, приобретают все большую жизнестойкость и разрушительную силу, то это отнюдь не для того, чтобы убедить нас в бесцельности и безысходности человеческого бытия... Посмертное «явление» Кваркваре, перевоплощение Ричарда в Ричмонда, второе пришествие Гитлера («Судный день») — все это победоносное шествие зла, в сопровождении многоликой свиты в карнавальных костюмах самых различных эпох, — следствие глубоких раздумий о судьбе мира, о «ведущих страстях человеческих», определивших его трагическое прошлое, апокалиптически угрожающих его будущему.

В «Кваркваре» и «Ричарде» он придавал драматическим

событиям пародийное, трагифарсовое звучание, а самих героев представлял в их общевременном значении и сути как явления, способные возрождаться повсеместно, в любых обстоятельствах, позволяющих временщику объявить себя защитником интересов государства и народа. В отличие от своих сценических предтеч, герой спектакля «Судный день» полностью узнаваем. В этом спектакле, созданном на основе документального материала, уже ясно читаются и «протоки» в будущее, в его вполне допустимую перспективу, в которой Гитлер может предстать далеко не экстраординарной политической личностью в сравнении с теми силами, которые стали непосредственными восприимчивниками его идеи мирового господства.

Своим новым спектаклем «Король Лир» Стуруа продолжает разворачивающуюся на протяжении многих лет на подмостках театра Руставели масштабную по своему идейному и художественному замыслу сценическую эпопею. Вереницу спектаклей — предостережений замыкает спектакль — приговор. Цель его — наглядная демонстрация той всеокрущающей силы, которую таит в себе «незменность мира».

«Мир без любви, без жалости, без справедливости, без понимания и нежности, без «взаимного сочувствия», неважно молодой он или старый, обречен на то, чтобы без всякой надежды влачиться в грязи и крови, среди жестокости и смерти. В масштабах, может быть, всей нашей планеты «Король Лир» пьеса о судьбе поколений и судьбе планеты». Эти слова принадлежат одному из выдающихся режиссеров современности Джорджо Стрелеру¹. Процесс его работы над пьесой, отраженный в его дневниках и письмах, — доказательство того, как круты и многоступенчаты подступы к раскрытию «реального», т. е. современного смысла этой трагедии, и какая огромная ответственность лежит в наш век на каждом, кто дерзнет стать ее толкователем, посредником между зрителем и «тайным замыслом» великого драматурга.

На создание «Лира» Р. Стуруа ушли годы, и, пожалуй, ни один из его предыдущих спектаклей не рождался в столь напряженной атмосфере. Атмосферу эту, как ни странно, во многом провоцировал сам режиссер целой серией публичных просмотров репетиционного материала, на основе которого довольно трудно было представить себе конечный результат. На сцене отчетливее всего звучало лировское: «из ничего не вый-

¹ Джорджо Стрелер. Театр для людей. М., Радуга, 1984, с. 143.

дет ничего». Но пути театра действительно неисповедимы. И в этом мы еще раз убедились на самом спектакле. К увиденному ранее добавилось всего лишь несколько новых сцен и среди них — финальная, — сцена гибели созданного лирами мира. И оказалось, что именно в них сосредоточены все «силовые линии» спектакля, его основная идея. И сразу же возникло ощущение целого, а вместе с этим — ясное понимание того, что и этот спектакль далек от «подлинного Шекспира», что и на этот раз Р. Стурра обратился к шекспировской пьесе для того, чтобы на основе ее трагического содержания, а скорее с его помощью, выразить в сценических образах и ситуациях свое видение мира, его прошлого и настоящего, его перспектив на будущее.

И с самого же начала хотелось бы отметить природу воздействия «Короля Лира» Р. Стурра на зрителя. Те средства и приемы, которые использует режиссер, рассчитаны прежде всего на «чувственное», эмоциональное восприятие происходящих на сцене событий. Потрясти зрителя (читай, человечество), заставить его содрогнуться при виде ужасающих картин человеческой жестокости, ненависти, разгула неистовых, не знающих удержу страстей, заставить его трезво взглянуть на мир, понять, что только от его активного действия зависит, останется ли мир по-прежнему неизменным — вот основная цель этого спектакля. И не столько Бертольд Брехт, сколько Антонен Арто направляет здесь фантазию режиссера, его безграничную изобретательность, его понимание целей и назначения сценического искусства. Театр шока, театр жестокости, — «Священный театр», призванный спасти мир от жестокости — вот тот образец, который заложен в основу новой работы Стурра.

Вспомним ту характеристику, которую дал театру, созданному в воображении Арто, Питер Брук и мысленно соотнесем ее с «Лириком» театра Руставели: «Это театр, который обрушивается на зрителя как чума, отравляет их, воздействует методом аналогий, околдовывает, театр, где главное не текст пьесы, а сама пьеса, само событие, которое лежит в его основе» и далее — «Он (Антонен Арто) хотел бы, чтобы они (актеры), не прибегая ни к каким посторонним средствам, создавали бесконечную вереницу сценических образов насилия, способных вызвать мощные потрясения человеческого сознания... Он хотел, чтобы театр вместил в себя все то, что обычно становится уделом войн и преступлений. Он хотел, чтобы зрители в зале отказались от самозащиты и позволили пронзаться себя,

оглушать, пугать, насиловать и в то же время наполнять энергией, обладающей огромной взрывной силой»².

«Весь мир когда-нибудь вот так разрушится», — говорит в пьесе Глостер, взирая на безумного Лира. Это пророчество «параллельного» Лиру героя вынесено как бы в заглавие спектакля, оно пронизывает весь его образный строй и наконец сбывается в финале в образе распавшегося на части мира. Именно его смысл «несут» в себе «девятые валы» кульминационных моментов. Когда подобный «вал» вдруг обрушивается на зрителя, каждый раз в совершенно неожиданной образной, звуковой и цветовой окраске, то все, что до него казалось растянутым вялым, недоговоренным, начинает приобретать значение того необходимого предварительного чередования «волн», без которого никак не мог бы состояться столь мощный выплеск театральной стихии.

Итак, актеры прошлого тратили немало времени и усилий для того, чтобы разгадать «тайный замысел» Лира, решившегося на раздел государства. Перед режиссерами нашего столетия встала иная задача — раскрыть «реальный» смысл Лира в контексте глобальных (в масштабе планеты!) нравственных, социальных и политических проблем. Работая над этой пьесой, они словно пытаются разгадать «тайный замысел» самого Шекспира, расшифровать «закодированное» в художественной ткани пьесы гениальное прозрение драматургом всей дальнейшей судьбы планеты.

Характерно, что в постановках «Лира» 70—80-х действие нередко происходит вне какого-либо конкретного времени: «Пустая голая твердь (в спектакле Д. Стрелера)»; разрушенное здание с пробоинами от снарядов, лестница в никуда, пустые проемы, рельсы (декорация И. Славека, Национальный театр, г. Мишкольц, ВНР); «идущая наискось бетонная дорожка, убегающий в партер ледовый канал без снега» — «пустыня, которая не может больше обратиться природой» — в спектакле западногерманского режиссера Юргена Флима...

Взгляд на «универсальность» «Лира», на его апокалиптическую «заданность» наглядно выражен и сценографией «Лира» Р. Стуруа (худ. М. Швелидзе). Она объединяет зрительный зал со сценой, создавая почти замкнутое пространство, в котором сцена представляет собой лишь несколько видоизмененное повторение интерьера зрительного зала. На ней та же

² Питер Брук. Пустое пространство. М., Прогресс, 1976, с. 98—99.

украшенная лепным орнаментом боковая ложа, затем более однообразные ложи — ячейки, а далее недостроенная кирпичная стена, к которой уже никогда не прикоснется рука строителя... Страна, пережившая свой расцвет, закат, упадок... Остов вагона, бывшего вагона для смертников, неподвижно стоит на заброшенных путях... И еще одно сооружение со столь же разночитаемой символикой: трон — виселица, основанием которому служит верстак — символ созидания. Что же, в истории человечества эти три предмета прочно «увязаны» друг с другом. Человеческие руки и разум на протяжении многих веков верно служили Власти и Смерти... И то орудие, взрыв которого порождает сияние «ярче тысячи солнц», тоже создано ими... Висящие вдоль левой стороны сцены бруски рельс... Они все время в движении, эти железные маятники. Только они и выдают «присутствие» на этом пятачке земли ополчившейся на людей природы. В сцене бури именно в них сконцентрирована вся ярость разбушевавшейся стихии — в их медленном и тяжелом раскачивании... Примостившаяся на виселице обезьяна, нет, скорее «химера», — кошмарное видение, порожденное «сном разума», тем губительным сном, после которого остается пустота, развалины, хаос. И над всем этим — некая внеземная сила, которая ропщет, негодует, предупреждает. Она вклинивается в сценическое действие то гневным рокотом, то ослепительными вспышками света, то «космическим» гулом, вызывая в горстке мечущихся на сцене людей чувство тревоги, страха и в то же время ничего не меняя в их действиях и поступках.

Перед нами страна, куда еще можно войти, но откуда нет выхода. В нее как бы случайно «впадает» Кент, человек из иного мира. И словно его глазами наблюдаем мы за всеми приготовлениями к ритуалу «раздела», в котором участвуют одинаково одетые, обезличенные люди. Долгая, слишком долгая сценическая пауза... и, наконец появляется Лир — Р. Чхиквадзе. Этот Лир ничем не напоминает величественных стариков, известных нам по истории театра. Даже знаменитые своей простотой Лиры Михоэлса и Ярвета должны казаться «королями с головы до ног» рядом с этим немощным стариком в псевдомонашеском одеянии, движущимся неверной, шаркающей походкой. В руках у него клетка с канарейкой и сачок для ловли бабочек — предметы вполне уместные в руках впавшего в детство старца. Но по мере того, как раскрывается Лир в сцене раздела, они вдруг превращаются в зловещие символы произвола, насилия, неволи... Лир в спектакле Р. Сту-

руа делит государство не потому, что уверен в своей особой, не зависящей от атрибутов власти человеческой ценности. Он просто устал, ему надоело... А главное — он убежден в том, что его система муштры и террора настолько обезволила его подданных, что даже будучи не королем, он все равно навсегда останется для них властелином. И Гонерилья (Т. Долидзе), и Регана (Д. Харшиладзе) в скромных костюмах пансионеров, с конспектами своих признаний в руках, и их оцепеневшие от ужаса мужья (Д. Гаганидзе, В. Гогитидзе) полностью убеждают его в этом. Единственная, кто избег уравниловки — это Корделия (М. Нахиани), между нею и Лиром даже ощущается некое подобие духовной близости, во всяком случае, в Корделии нет того животного страха, который в полном смысле слова парализует ее сестер. И тем неожиданнее сцена расправы над ней, демонстрирующая весь ужас человеческой подчиненности бессмысленной, не знающей пощады воле власти имущего. Сцена раздела в этом спектакле — ярчайшая манифестация душевной сути ее инициатора. Она ему необходима для того, чтобы окончательно убедиться в том, что программа мысли и поведения, «вложенная» им в окружающих, продолжает безотказно действовать. И, удостоверившись в этом, он наделяет желающих короной и тем самым стирает магический круг, который до сих пор надежно обеспечивал ему неприкосновенность. С этого мгновения и вступает в силу «закон преемственности зла»: вся дальнейшая судьба Лира в этом спектакле наглядное доказательство того, как обильно взошло посеянное им зло в крови нового поколения, породив ужасающих мутантов, способных существовать лишь в питательной среде ненависти и злобы.

Свидетельством неопровержимости этого закона является в «Лире» Р. Стуруа и участь Глостера. Если по Шекспиру Глостер менее всего виновен в постигших его горестях и страданиях, то здесь его мученическая доля полностью обусловлена тем «духовным наследием», которым он столь щедро одарил своего незаконного сына. Если для Лира — Р. Чхиквадзе сама корона уже ничего не значит, то Глостер — А. Махарадзе живет лишь в ожидании того звездного часа, когда он наконец сможет завладеть ею. Этот Глостер прекрасно вписался бы в окружение Ричарда III в постановке Стуруа, где он, соперничая с Бакингом и Гастингом, плел бы сети интриг, лелея мечту о троне. Он одурманен магией власти. В одной из сцен спектакля, сцене маскарада, он появляется в картонном венце, в расшитом золотом балахоне, представляя собой нелепую кар-

навальную фигуру, явно диссонирующую с молодым окружением, для которого пристрастие старших к регалиям власти не более чем бессмысленный анахронизм. И вообще, ^{Э. П. Глобтер} А. Махарадзе с его наивным лицедейством, вечно озабоченный тем, чтобы никто не догадался о его тайной страсти, с его любовью к переодеваниям и маскировке представляется «молодым» чем-то безнадежно устарелым. Они не принимают его в расчет и, когда он, по собственной неосторожности, вдруг разоблачает себя, то они расправляются с ним столь беспощадными методами, о которых он и не подозревал, даже при своей богатейшей практике царедворца.

«Юность — это возмездие». Эти слова Ибена могли бы послужить эпиграфом и к спектаклю Р. Стурва. «Юные» здесь плоть от плоти отцов своих, проживших жизнь во лжи и беззаконии, отцов, в которых нет и тени благородства шекспировских героев, и если они выглядят жалкими и потерянными, то это лишь оттого, что пришедшие им на смену оказались куда более жестокими и немилосердными.

Стоило Лиру отречься от власти — и все, кто до этого были «никем», вдруг обретают собственную индивидуальность. Первым перевоплощается Эдмунд (А. Хидашели). Безликий клерк внезапно обнаруживает мефистофельскую статью и повадки. На нем уже не сковывающий его движения балахон, а некое подобие фрака — пародия на костюм «человека из общества». Во всем его облике какая-то нарочитая незавершенность — из-под фрака выглядывает исподняя рубашка, а фалды, длинные и нелепые, свисают почти до полу. Знаковая наполненность этого образа заставляет вспомнить не только булгаковских бесов, артистически глумящихся над неразумным человечеством, но и одного из самых мрачных героев литературы XIX столетия, такого же, как и он, прямого наследника зла, автора сакраментальной формулы: «Если бога нет — все позволено!».

Именно суть этих слов читается в программном монологе Эдмунда А. Хидашели, который он, в отличие от шекспировского героя, произносит «на публику», легализируя свою безродность, кичась ею, ясно сознавая, что настало наконец его время, — теперь ему, поклоняющемуся лишь одному божеству — «природе», пожинать плоды беспредельной вседозволенности, с лихвой вознаграждая себя за годы рабского поклонения «старшим».

Представляясь зрителю в своей новой роли, он откровенно фиглярствует, смакуя каждое слово, каждым движением своим наслаждаясь обретенной свободой — физической и нрав-

ственной, свободой изгоя, получившего наконец право быть мстителем.

Для того, чтобы ярче высветить зло, Р. Стуруа и на этот раз прибегает к сочетанию в образах и ситуациях спектакля, казалось бы, несопоставимых нравственных и эстетических начал: красоты и порока, возвышенного и низменного. Прекрасен Эдмунд с его «дьявольской грацией», необычайно хороши Регана и Гонерилья в своих изысканных костюмах, напоминающих одеяния сказочных героинь бакстовских эскизов. И ария, которая не раз сопровождает их появление на сцене, всю историю их любви, не что иное, как ария Неморино из «Любовного напитка» Доницетти, исполненная невыразимой нежности (вспомним «Аве Марию» Баха, звучащую в момент коронации Ричарда III, щемящую мелодию скрипки, сопровождающую сцену обольщения леди Анны у гроба Генриха VI).

Многообразнейшая партитура движений, жестов, проходов создает предельно выразительную пластическую характеристику молодых героев спектакля. Одинаковые по своей внутренней сути, они несравненно разные в ее внешней «проекции». В Гонерилье Т. Долидзе — мягкость и мнимая леность хищника, готовые в любой момент смениться всесокрушающей яростью. Регана Д. Харшиладзе в своем причудливом наряде — оперении напоминает экзотическую птицу — прекрасную и неказистую одновременно: замедленная выступка, обманчивая значительность каждого шага, наклона, поворота, и при этом — оголтелая жестокость, на которую способны лишь люди с «птичьими» мозгами. К этому же «питомнику» приписан и Корнуэл (В. Гогитидзе), сумрачная личность с обезьяньим покачиванием рук — конечностей, с навеки застывшим на лице выражением животной тоски и злобы. И руководствуются они в своих действиях не человеческими порывами и желаниями, а самыми низменными инстинктами. Трактовка Стуруа этих образов во многом родственна стрелеровскому определению молодых персонажей «Лира» — «Это «новый» мир, где с одной стороны над всем господствует стремление любой ценой оставаться самим собою, подчинить этой «цели» все, не считаясь ни с какими моральными табу, а с другой «недержание» потребностей даже физических (власть, похоть, инстинкт)».

Если вдуматься, то Регана и Корнуэл, Гонерилья и Эдмунд в спектакле Р. Стуруа при всей своей «остраненности» ни в коей мере не противоречат шекспировским героям — насильникам и убийцам. Но, создавая эти образы и с их помощью —

впечатляющие сцены, картины человеческого распада, режиссер в первую очередь руководствовался опытом XX-го столетия, доказавшего как несомненную «жизненность» персонажей «Лира», так и ту беспримерную степень жестокости, на которую оказались способны их более «цивилизованные» потомки. В то же время он обобщает в них, в их действиях и одну из наиболее стойких закономерностей истории: «гибель богов», гибель духовности в государстве неминуемо сопровождается мощным выбросом самой ядовитой человеческой накипи, обладающей способностью растекаться бурно, стремительно, затопляя целые материки, увлекая в свой водоворот миллионы человеческих жизней. И не об этом ли напоминает нам также временами возникающий на сцене остов вагона — одного из уцелевших «сегментов» тех несметных составов, которые перевозили миллионы людей в лагерь, созданные людьми же.

Именно в этих чудовищах, порожденных сном его разума и предстоит узнать себя Лиру, узнать, содрогнуться, пережить горечь раскаяния и погрузиться в спасительное безумие, из которого его уже не вывести ни друзьям, ни недругам, ни оглушительному грохоту, возвещающему «конец света».

Страдания полностью преобразуют шекспировского Лира, пробуждают в нем жалость к нагим горемыкам, открывают ему истинную цену человеческой любви и верности; встреча с Корделией сторицей вознаграждает его за перенесенные муки, и умирает он, веря, что Корделия жива. Лиру в спектакле Стурюа во всем этом отказано. Ему не дано даже познать радости дочерней любви, так как Корделия — М. Кахиани во многом сродни ему самому — во всяком случае, прощать она не способна. Он узнает себя и в ней — этой строптивой, издерганной девочке, в которой столько гордыни, что даже трудно понять — до конца ли она искренна в сцене раздела, или ответ ее продиктован лишь желанием противопоставить себя сестрам. Даже тогда, когда она приходит ему на помощь, в ней нет кроткого всепрощения шекспировской Корделии, — одна лишь жалость к поверженному.

Лир, каким мы видим его в первых сценах спектакля — изощенный садист, деспот, комедиант, к верности также не располагает. Возмездие настигает его и в образе тех, кто добровольно разделил его участь. Их любовь и сострадание не «облагораживают» его в сценах в степи, и между ним и его спутниками нет того человеческого тепла, той особой душевной близости, которыми отмечен союз «отверженных» в пьесе.

Кент здесь по возрасту более близок к потомству Лира и

Глостера. В исполнении М. Джинория он скорее напоминает «рассерженного молодого человека» из драмы 50-х годов нашего столетия, чем умудренного жизненным опытом шекспировского героя. Его бунт в сцене раздела опосредован не только его возмущением несправедливостью Лира, но и стремлением вывести мир Лира из оцепенения. И в том, что он прыгает к Лиру, также проявление его «мятежности», его нежелания подчиниться тем, кто теперь диктует «правила игры». И где уж подобному Кенту питать любовь и почтение к подобному Лиру. Находясь с ним в одной человеческой «связке», он для Лира поводырь, спутник, связной, но никак не друг. И нигде Лир — Р. Чхиквадзе не одинок до такой степени, как в окружении тех, кто по пьесе приравнял свой шаг к «его печальному шагу». С каким маниакальным упорством пытается он прорваться к душе «афинского философа», видя в нем такую же как он жертву человеческой неблагодарности, но душа Эдгара (Г. Дзnelадзе), наглухо замурованная в обличье безумного Тома, столь недосыгаема для него, как и души остальных его спутников. Даже Шут (Ж. Лолашвили), к которому он проявляет искреннюю заботу, не испытывает к нему благодарности. Когда Лир, желая согреть его, накидывает ему на плечи холстину и при этом сам дивится собственному великодушию, во взгляде Шута удивление, страх, а скорее всего — недоверие к этой слишком уж неожиданной метаморфозе Лира.

Страдания Лира, проблески человечности в нем не находят отклика в его спутниках, они слепы и глухи к ним, так же как когда-то он сам был слеп и глух к чужим страданиям. И познавая в одиночестве, как мрачен, жесток и несправедлив мир, Лир — Р. Чхиквадзе осознает и свою неотъемлемую причастность к нему. В его вопросах: «Что есть причина грома?», «Отчего у Гонерильи каменное сердце?» — мучительное желание «вскрыть» самого себя, понять, что у него самого «в области сердца». И в то же время самопознание Лира-Чхиквадзе — это неравная борьба пробуждающегося в нем человека с прежним Лиром — жестоким и непредсказуемым в своих действиях. В слепой ярости он убивает Шута, загоняет на виселицу Эдгара, глумится над лишенным зрения Глостером... Минуты просветления сменяются в нем гневом, неуправляемой злобой, желанием мстить жестоко и беспощадно. И в этой бесплодной борьбе, равно как и в «узнавании» себя в собственных потопках — причина безумия Лира Р. Чхиквадзе. Слишком глубоко заглянул он в сумеречную бездну своей души, слишком отчет-

живо предстала ему вся неискупаемая тяжесть его вины перед доверенным ему миром.

И словно отраженной в его помутневшем сознании предстает перед нами его страна, отданная на произвол нелюдей. С изощренной жестокостью расправляются друг с другом люди единой крови. Одна за другой возникают сцены—кадры, в которых «шум и ярость» далеких эпох сливаются со страхом и отчаянием текущего столетия. И вот перед нами уже не Лир, а само человечество тянет по путям, ведущим к небытию тяжкое бремя страстей своих, и не люди извиваются на полу сцены, а огромные черные черви, и «хаос опять выползает на свет, как во времена ископаемых»... и безумный мир Лира рушится... Среди руин, дыма, пыли остаются Лир и Корделия. У Шекспира — исполненная возвышенного горя пьеса, здесь — символ безысходности. Обреченный на жизнь безумец, у ног которого — погубленная им юность... жизнь...

Александра ФИНКЕЛЬЗОРД

ЧАРУЮЩИЙ ЗВУК ЕГО ВИОЛОНЧЕЛИ

...Я ПРОСЛУШИВАЮ магнитофонные записи музыкальных произведений в исполнении замечательного виолончелиста А. Чиджавадзе и вижу Александра Ираклиевича с его «Карло Бергондци» в руках. Благородная манера игры, сдержанная, лишенная всякой аффектации. Все подчинено единому стремлению проникнуть в суть, приковать внимание слушателей к особенностям и богатству содержания исполняемого произведения.

Звук А. Чиджавадзе... Он поражал в первую очередь — гибкий, сочный и необыкновенно одухотворенный. О нем много говорили и писали. Эти отзывы сохранились в архиве Тбилисской государственной консерватории. Вот некоторые из них:

«У Александра Ираклиевича Чиджавадзе от природы звук такой красоты и интенсивности, какого, по крайней мере в Союзе, нет ни у кого».

«Считаю А. Чиджавадзе талантливым виолончелистом, обладающим чарующим тоном и незаурядной техникой».

Первое высказывание принадлежит профессору К. Миньяру, прославленному педагогу, с чьим именем связано развитие класса виолончели в Тбилисской консерватории на высоком академическом уровне, второе — профессору Московской консерватории С. Козолупову, крупнейшему представителю и одному из основателей советской виолончельной школы.

Сначала А. Чиджавадзе был учеником А. Миньяра, а даль-

нейшее образование завершил в Московской государственной консерватории под руководством С. Козолупова.

Уже тогда он был почетным дипломантом II Всесоюзного конкурса музыкантов-исполнителей, где единогласным решением жюри его признали лучшим из виолончелистов (премированных среди последних не оказалось) и лауреатом III Всесоюзного конкурса.

1937 год. III Всесоюзный конкурс скрипачей и виолончелистов. Листаю пожелтевшие газетные страницы «Советского искусства». В № 49 от 23 сентября читаю: «Закончившийся конкурс явился подлинным торжеством виолончелистов. Последние показали такой высокий класс игры, такую виртуозность, которую по своему характеру можно назвать скрипичной».

Конкурс выявил целую плеяду таких высокоодаренных музыкантов, как Д. Шафран, Я. Слободкин, Ф. Лузанов, А. Власов, А. Стогорский. В почетном ряду лауреатов стояло и имя студента Тбилисской консерватории А. Чиджавадзе.

К тому времени двадцатилетний виолончелист уже систематически концертировал как с сольной программой, так и в сопровождении симфонического оркестра. Музыкальная критика откликалась на эти концерты.

Тех, кому довелось слышать выступление юного А. Чиджавадзе, поражали его блестящая техника, легкий красивый звук и редкая способность очаровывать слушателей своей непосредственностью, задушевностью, ярким артистизмом. Особенно удачным было исполнение шестнадцатилетним юношей «Вариаций на тему рококо» П. Чайковского — произведения, требующего законченного мастерства и тонкого художественного вкуса (оркестром дирижировал выдающийся грузинский музыкант Е. Микеладзе).

К той поре относятся выступления А. Чиджавадзе с дирижерами А. Гвелесиани и Ш. Тактакишвили, а также с оркестром Большого театра под управлением заслуженного артиста республики А. Гаука.

Великая Отечественная война застала артиста в Тбилиси. В те тяжелые годы в составе различных концертных бригад он постоянно выступает перед воинами Кавказского фронта, на кораблях Черноморского флота. После войны А. Чиджавадзе был зачислен в аспирантуру Московской консерватории.

С 40-х годов начинается его активная концертная деятельность. «Многие города я помню только по вокзалам», — говорил тогда друзьям А. Чиджавадзе.

Он объездил всю нашу страну, покоряя своим искусством благодарных слушателей самых отдаленных городов, что придавало его концертно-исполнительской деятельности немалое просветительское значение. Благодаря правдивости и благородной простоте в толковании исполняемых произведений, игра А. Чиджавадзе была понятна и доступна широким кругам любителей музыки. Его выступлениям повсеместно сопутствовало единодушное признание профессиональных музыкантов.

Художник необычайно тонкий, честный, высокотребовательный к себе, он удивительно гармонично сочетал в своем исполнительстве строгий академизм с непосредственностью высказывания, мастерски использовал все выразительные возможности своего инструмента. В его игре была и огромная экспрессия, и нежная лиричность, и романтический подъем, и грациозность. «Его игра настолько ярка и проникновенна, — писал профессор С. Козолупов, — что всегда производит на аудиторию сильное впечатление» (Архив ТГК).

Его высокое мастерство и музыкальная культура по достоинству были оценены видными советскими музыкантами.

«А. Чиджавадзе, — по отзыву профессора Е. Гузикова, — может быть охарактеризован как выдающийся советский исполнитель-виолончелист».

Один из лучших исполнителей виолончельных концертов Л. Боккерини, К. Сен-Санса, Р. Шумана, Э. Лало, А. Дворжана, «Вариаций на тему рококо» П. Чайковского, значительное место в своем репертуаре Чиджавадзе уделил произведениям советской музыки. С. Прокофьев, Д. Шостакович, Д. Кабалевский, А. Гедике, Н. Раков, Н. Мясковский, А. Власов — вот неполный перечень советских композиторов, чьи произведения А. Чиджавадзе постоянно включал в свой репертуар. Что касается произведений грузинских советских композиторов Ш. Тактакишвили, С. Цинцадзе, Р. Габичвадзе, Р. Лагидзе, А. Шаверзашвили, то он зачастую являлся первым и непревзойденным исполнителем их произведений.

Не удовлетворяясь деятельностью лишь концертирующего солиста, А. Чиджавадзе на протяжении всей своей артистической жизни стремился к исполнению лучших произведений камерной музыки. Участник высокопрофессиональных трио, он был прекрасным партнером, умеющим подчинить свои яркие исполнительские качества интересам всего ансамбля. Неоднократно выступал А. Чиджавадзе и в совместных концертах с известными вокалистами, исполняя с тонким вкусом и высо-

ким мастерством популярные в виолончельном репертуаре кан-
тиленные и виртуозные пьесы.

В 1952 году он начинает работать в Тбилисской государствен-
венной консерватории. Основываясь на традициях выдающихся
представителей советской виолончельной школы, А. Чиджавад-
дзе внес в метод преподавания много своего, нового, вытекаю-
щего из его богатого исполнительского опыта и общей музы-
кальной культуры.

А. Чиджавадзе настойчиво воспитывал в учениках любовь
к своей профессии, старался привить свойственное ему почти
благоговейное отношение к любимому инструменту.

Непременным условием для достижения тех или иных худо-
жественных задач музыкант считал полную техническую свобо-
ду. В вопросах же трактовки требовал от студентов убедитель-
ности, благородства и простоты, верности стилю, ясного ощу-
щения формы исполняемого произведения, добивался тщательной
отделки мельчайших деталей.

На его студентов, в числе которых мне посчастливилось
быть, большое впечатление производили приводимые им словес-
ные образные характеристики и сравнения, удивительно точно
и необычайно ярко освещавшие художественный строй всего
произведения и его отдельных отрывков.

Во время занятий Александр Ираклиевич часто сам садил-
ся за инструмент. Весь наш репертуар он всегда играл на
память, с удивительной легкостью преодолевая любые техни-
ческие трудности. Занимался он с увлечением, не считаясь со
временем, скрупулезно работал с нами над каждой фразой, не
пропуская ни одной не удовлетворившей его ноты.

А. Чиджавадзе воспитал целую плеяду молодых виолон-
челистов. Среди его учеников — лауреат международных кон-
курсов, народная артистка Грузинской ССР Т. Габарашвили. С
1964 по 1971 год А. Чиджавадзе был профессором Каирской
консерватории, педагогический коллектив которой традиционно
комплектовался представителями самых различных, главным об-
разом, западноевропейских высших музыкальных заведений. Он
высоко пронес знамя советской музыкальной культуры, совет-
ской виолончельной школы. В короткий срок им были подго-
товлены первые кадры арабских виолончелистов, выступления
которых в СССР, ГДР и ЧССР получили высокую оценку.

Заслуги А. Чиджавадзе были настолько ярки, что после
его внезапной трагической кончины вследствие автомобильной
катастрофы, в Каирской консерватории была установлена ме-

1917-1971

мориальная доска с надписью: «В знак высокой оценки вклада советских специалистов в создание национальной музыкальной культуры в Египте. Александр Чиджавадзе. 1917—1971 г. г.».

Ярко одаренный, широкообразованный музыкант, глубокий и вдохновенный интерпретатор произведений самых различных стилей, высокопрофессиональный виолончелист, мастерски владевший всеми выразительными возможностями своего инструмента, вдумчивый и чуткий воспитатель молодежи — таким вошел Александр Ираклиевич Чиджавадзе в историю грузинской музыкальной культуры.

ХРОНИКА

**ПРИЗЕР ФЕСТИВАЛЯ —
ГРУЗИНСКИЙ ФИЛЬМ**

На завершившемся в итальянском городе Аделино XXVII международном фестивале неореалистических и авангардистских фильмов грузинских кинематографистов «Нейлоновая елка» (режиссер Р. Эсадзе, сценарист — А. Долидзе) удостоен

первого приза — «Золотое плато».

Немногом раньше фильм с большим успехом был показан на Роттердамском кинофоруме. Одна из местных газет назвала его «вершиной Роттердамского киносмотрa». Известный советский кинокритик В. Демин назвал эту ленту подлинной поэзией.

Цецилия КАЛАНДАДЗЕ

ИЗ ИСТОРИИ ЭКСПЕДИЦИЙ НА КАВКАЗ

В СЕ более расширявшимся с начала XIX века культурным взаимоотношениям между русским и грузинским народами в немалой степени содействовали труды русских ученых. Благодаря их усилиям уже к тридцатым годам того же столетия в России накопилась весомая по своему значению оригинальная литература о Грузии.

Появлению отдельных работ, многочисленных статей и заметок о ней и о Кавказе в целом в русских периодических изданиях способствовало распространение в России издательской деятельности, книжной и особенно журнальной.

В объективном ознакомлении с Грузией, с ее прошлым и настоящим немалую роль сыграли и сами грузины из московской и петербургской грузинских колоний, которые в то же время выступали и проводниками передовой русской культуры в Грузии.

Для выяснения политической ситуации сюда были направлены князь Моуравов, статский советник Бакунин, капитан Языков, поручик Львов, полковник Бурнашев и другие, сообщавшие необходимые правительству сведения.

С целью изучения естественных богатств, а также производительных сил и экономики Российская Академия наук, начиная с XVIII века, снаряжала в Грузию становившиеся важным звеном процесса ее всестороннего научного освоения экспедиции, из которых наиболее результативными оказались

Р. 10359/20
2102-1110930

возглавляемые академиками Гильденштедтом и Гмелиным, а также рядом других.

Правительство Российской империи всячески поощряло сбор самых разнообразных материалов о крае и народах, его населявших.

В первой четверти XIX века специальные агенты производили здесь финансовые, каморальные, статистико-экономические описания, чтобы выяснить характер и количество существовавших в Грузии податей, установить число жителей, с которых они взымались, их экономический уровень и, главным образом, исследовать экономическое положение и состояние природных богатств. Одновременно велись работы военно-топографического направления. Агенты министерства иностранных дел интересовались политической обстановкой в стране.

Параллельно продолжались академические разведки, задачи которых с присоединением Грузии к России приобретали все большую масштабность.

О намерениях таких научных экспедиций и поездок отдельных представителей Российской Академии наук свидетельствует хотя бы хранящееся в Ленинградском архиве обязательство, данное Академии наук студентом Бобринцевым, сопровождавшим на Кавказ академика Клапрота. Насколько важное значение придавалось ей, можно судить и по нашедшим отражение в архивных документах фактам, подтверждающим, что, например, экспедиции Шлегельмильха, Шегрена и других организовывались с ведома императора, и даже разрешение на продление срока экспедиции Шегрена на 4 месяца в 1837 году было также дано им лично.

По специфике исследований экспедиции на Кавказ и в Грузию, предпринятые Академией наук в первой половине XIX века, можно разделить на две группы. К первой следует отнести лингвистические и археолого-лингвистические, ко второй — физико-географические, геологические, минералогические, палеонтологические, зоологические и ботанические, которым надлежало разведать естественные ресурсы Кавказа.

Несмотря на то, что ни одна из этих экспедиций целенаправленно не ориентировалась на историю и этнографию Кавказа, почти все они собрали богатый материал как по этим отраслям, так и по фольклору.

Между тем, к сожалению, до сих пор недооценены труды, созданные в результате названных экспедиций. Исследователи

редко обращаются к ним, и сведения, содержащиеся в них, остаются неиспользованными.

С начала XIX века по мере утверждения политического и экономического влияния Российского государства возникла необходимость более углубленного научного изучения вопросов лингвистики и истории Кавказа. В связи с этим в 1807-1808 годах в Грузию прибыла лингвистическая экспедиция, возглавляемая выдающимся лингвистом своего времени академиком Генрихом Юлиусом Клапротом, со специальным заданием проверить и пополнить описания Кавказа и Грузии, произведенные Гмелиным, Гильденштедтом, Маршалл фон Биберштейном и другими. Помимо лингвистических исследований перед ним в основном ставилась задача общего ознакомления со вновь присоединенными местностями Кавказа, изучения языков обитавших в этом крае народов, отыскания летописей и собирания преданий.

Определенный интерес для исследователей истории Тбилиси представляют сведения Клапрота.

Он сообщает, что город состоял из трех частей: собственно Тбилиси — самой старой части юго-западнее Куры и весьма незначительной по территории, где находились знаменитые бани; Кала — расположенной севернее первой, на западном берегу реки, и наиболее заселенной, так называемой Исани, то есть предместья, отделенного от двух других частей города Курой и связанного с ними единственным мостом через реку.

Клапрот застал Тбилиси еще не оправившимся от опустошительного нашествия Ага-Магомет-хана в 1795 году. «Самый город, — читаем в его «Путешествии», — имеет весьма неприглядный вид из-за последствий разгрома, учиненного в нем Ага-Магомет-ханом в сентябре 1795 года, скорее похож на груду развалин и строительного мусора и лишь две трети домов отстроены в нем заново».

В то время, по свидетельству Клапрота, в городе нельзя было найти какого-либо крупного либо выдающегося здания, все большей частью были жалкие каменные лачуги; впрочем, некоторые грузинские князья выстроили себе более удобные жилища с окружающими их галереями; окна имелись лишь в этих немногочисленных домах, а в других вместо них были просто проемы, нередко заделанные вошеной бумагой.

По его сведениям, в Тбилиси насчитывалось 15 греческих церквей (то есть, православных — Ц. К.), в которых службу отправляли на древнегрузинском языке.

К путешествию приложено специальное исследование о

кавказских языках. Впоследствии Клапрот издал несколько трудов по наречиям Кавказа, переработав данные Гильденштедта и других. Из архивных материалов экспедиции Клапрота сохранились составленные в Академии наук планы, инструкции, рапорты и его научные заметки.

Вторую лингвистическую экспедицию на Кавказ возглавлял видный ученый — академик Андрей Михайлович Шегрен, известный своими исследованиями в области лингвистики и, отчасти, этнографии. С 1835 года он в течение трех лет вел изыскания в области грузинского и осетинского языков.

С просьбой направить его на Кавказ Шегрен обратился в Академию наук в 1834 году. Конференция Академии и ее президент С. С. Уваров ходатайствовали об этом перед министром народного просвещения 31 мая 1835 года.

23 июня 1836 года академик Х. Д. Френ докладывал на академическом заседании, с какой самоотверженностью и неутомимым усердием вел Шегрен лингвистические исследования и каких успехов достиг в грамматическом изучении грузинского, черкесского языков и главных наречий осетинского. 24 июня 1837 года министерство народного просвещения извещало конференцию Академии наук о том, что после доклада министра император разрешил продолжить экспедицию Шегрена.

Были опубликованы выдержки из некоторых писем Шегрена из Тбилиси, Владикавказа и других мест к президенту Академии наук, к академикам Х. Д. Френу и Ф. И. Кругу, собранные им этнографические материалы о грузинах и осетинах, краткое описание путешествий и исследования по осетинскому языку. В его архивном фонде много записей об отдельных кавказских наречиях.

Дело, начатое И. А. Гильденштедтом, Г. Ю. Клапротом и А. М. Шегреном, можно сказать, продолжил академик М. И. Броссе. В феврале 1847 года он представил в Академию наук план предполагаемой исследовательской работы на Кавказе и, получив разрешение, выехал туда. Находясь в Грузии всего один—два года, он достиг очень многого по изучению грузинских древностей, археологических и эпиграфических памятников, древнегрузинской литературы.

Броссе побывал в Тбилиси и его окрестностях, в Телавском уезде, Шио-Мгвиме, в Горийском и Ахалцихском уездах, в Мегрелии, Абхазии, Лечхуми и Сванети, в Кутаиси с окрестностями и в Рачинском уезде, попав туда через Сачхере и Свири. На обратном пути проехал через Боржомское ущелье

и Сурами. Грузинская общественность очень тепло встретила его, а дружба, завязавшаяся у него со многими грузинскими учеными, например, с Платоном Иоселиани, продолжалась долгие годы, что подтверждают письма, хранящиеся в архивах Ленинграда и в Институте рукописей Академии наук Грузинской ССР. По вопросам истории и литературы с ним переписывались выдающийся грузинский писатель Р. Эристави, знаток истории Грузии Д. К. Мегвинетухуцеси и другие.

В «Кавказском календаре» за 1848 год Броссе поместил статью «О необходимости и средствах изучения грузинских древностей», в которой излагал цели своего приезда в Грузию и обращался к грузинской общественности с просьбой оказать ему помощь. Об итогах своих изысканий ученый систематически посылал сообщения в Петербург. Он описывал осмотренные им местности, в частности окрестности Тбилиси с обнаруженными там древними надписями и рукописями. В архиве сохранился также отчет о его поездке вместе с Иоселиани в Мцхета, а затем в Ахалцихе. Все отчеты Броссе были напечатаны, а затем, вторично обработанные, вошли в общий отчет о его экспедиции. Извлечение из них дала газета «Кавказ» в 1849 году под заглавием «Результаты путешествия академика Броссе по Грузии».

Помимо большого научного значения эта экспедиция послужила еще большему укреплению научных и дружеских связей Броссе с грузинскими учеными, с передовыми кругами грузинского общества, прочный фундамент чему был заложен его творческим сотрудничеством с царевичем Теймуразом, учеником которого в области грузиноведения он был. Архивные материалы Броссе, на которые опирается эта статья, находятся в Институте востоковедения Академии наук СССР.

Упомяну также минералогическую экспедицию на Кавказ академика Александра Карловича Шлегельмильха в 1810 году. Собранные им материалы по истории, географии и этнографии Кавказа в 1836 году через академика А. М. Шегрена были переданы в дар Академии наук.

Из них к Грузии относятся те, в которых дано камеральное описание Картли, Горийского, Сигнахского и Тифлисского уездов, рукопись дневника Я. Рейнегса, «Отчет, представленный ген. Фабрициусу о поездке по Центральному Кавказу в 1781 г.» неизвестного автора и т. д.

Одной из наиболее важных по своим результатам в первой половине XIX века можно считать экспедицию посетившего Грузию в 1825—1826 годах выдающегося русского уче-

ного-палеонтолога, профессора, академика Эдуарда Ивановича Эйхвальда, являвшегося с 1826 года членом-корреспондентом Российской Академии наук по разряду зоологии и анатомии.

В протоколах Академии наук, в которых особо зафиксировано: «возвратившись из путешествия к Черному морю, Эйхвальд вынес много интересного в отношении конфигурации зеленой поверхности».

Его научная экспедиция по целому ряду местностей Грузии, Азербайджана и Армении подробно освещена в двухтомном труде «Путешествие к Каспийскому морю и на Кавказ» (1825—1826), изданного в 1834—1837 годах.

В первый том, состоящий из двух частей, вошел обработанный дневник путешествия, ценность которого в том, что с позиций современника здесь дано подробное описание всех городов и местностей, в которых побывал его автор. Мы узнаем, какими были в то время города Тбилиси и Кутаиси, Телави и Сигнахи, а также Абхазия, Имерети, долина Алазани, быт жителей, торговля и торговые пути, путь от Тбилиси до Еревана, Военно-Грузинская дорога, озеро Гокча и т. д. В «Путешествии...» Эйхвальда большое место занимают самые различные археологические и этнографические материалы. Поскольку он обращал внимание на все стороны жизни посещаемых местностей, в его работе получило отражение все — и полезные ископаемые, и фауна, и флора, и история края, и язык, и быт его народа.

Особый интерес представляет исследование о Тбилиси, подкрепленное статистическими данными. В нем приводится, например, история тбилисских училищ. Имеются сведения о том, что он был знаком и общался с некоторыми грузинскими деятелями, имена которых упоминает. В исторической части даны описания русско-иранской и русско-турецкой войн, событий в Дагестане.

Второй том «Путешествия...» посвящен историко-географическому исследованию Кавказа с приложением карты.

Интересно, например, сопоставить, как описывают Тбилиси Эйхвальд и Клапрот. Если Клапрот нашел здесь вместо города груды развалин после нашествия Ага-Магомет-хана, то Эйхвальд пишет, что, «если еще в 1820 году от последнего разорения персиян улицы были завалены щебнем, то в несколько лет не только изгладились следы разрушения, но построились многие прекрасные здания, появились обширные площади». В отличие от Клапрота, он главное внимание уделяет торговле, вывозу и ввозу товаров в город, здравоохранению.

Заслуживают внимания как источник с разнообразными сведениями по географии, этнографии и истории Кавказа сообщения экспедиции члена-корреспондента Академии наук Александра Нордмана (1803-1866).

Его путешествие 1834 года охватывало Абхазию и западные области Кавказа до самой турецкой границы. Кроме того, он совершал экскурсии в аджарские горы, прошел через Мегрелию, Имерети и Гурию, о чем можно судить по протоколам Академии наук за 1835, 1836 годы. Намереваясь отправиться в научную поездку на Кавказ, профессор Нордман в 1835 году просил Академию наук субсидировать предполагаемые им исследования. Академия охотно согласилась, однако с условием, что он доставит для академического музея хорошо сохранные экземпляры всех экспонатов, которые подготовит.

По отзыву академиков Ф. Ф. Брандта и К. М. Бера, научная экспедиция Нордмана «принадлежит к числу обильнейших, которые были совершены в новейшее время». Подчеркивалось, что ученым были произведены не только палеонтологические обследования Абхазии, Гурии, Мегрелии и Имерети, их флоры и фауны, но и собраны сведения по этнографии, географии, истории и археологии, составлявшие преобладающую часть материалов Нордмана.

«Путешествия проф. Нордмана по Закавказскому краю» и отзывы на него появились на страницах журнала Министерства народного просвещения в 1838 году и других изданий.

Итогом субсидированной Академией наук экспедиции 1833—1834 годов французского геолога Дюбуа де Монпере было пространное описание Кавказа. Созданный на основании дневников труд его «Путешествие по Кавказу, к черкесам и абхазцам, в Грузию, Армению и Крым» в шести томах был издан на французском языке в 1834—1843 годах.

Для нас в первую очередь важны хранящиеся в Архиве Академии наук СССР дневники путешествий Монпере по Грузии и его записные книжки с заметками, повествующие о местностях, которые он посетил, нравах и обычаях населения, древностях и т. д. Все это сопровождают зарисовки акварелью и карандашом некоторых мест Грузии, храмов и монастырей, типов местных жителей.

Такого же объема дневник № 4, с такими же прекрасными зарисовками, посвящен Абхазии, дневник № 5—Имерети.

В 1937 году Институт абхазской культуры имени Н. Я. Марра опубликовал в своих трудах несколько сокращенный пе-

ревод первой части дневника с историко-географическим очерком об Абхазии.

Тбилиси отведена целая пятидесятистраничная глава III тома труда де Монпере, которой предпосланы слова: «Тифлис это нечто очень любопытное и интересное. Я нахожу для моих исследований такие ресурсы, которых не ожидал. Ни сведения о местности, слова, фотографии и т. д. вам не дадут точного представления о нем и может быть вы предпочтете вместе со мной сделать маленькую прогулку по городу».

Автором «Путешествия по Кавказу...» воссоздана такая живая картина жизни города, что, когда читаешь его дневник, создается впечатление, будто следуешь за ним шаг за шагом. Помимо исторических экскурсов, в нем есть описание Майдана и прилегающих улиц, храма Сиони, находящегося в самой древней части города — Кала, Сейдабада (района серных бань), крепости Нарикала, Метехского ансамбля, караван-сарая, торговых рядов...

Говоря о расположении Тбилиси, Монпере отмечает, что раскинувшийся вплоть до горы Солولاки на более широкой правой стороне Куры старый город — это нестройное собрание церквей, башен, куполов, домов, базаров... По его воспоминаниям можно составить полное представление о местоположении Армянского базара, находившегося между нынешней площадью Ленина и церковью Норашени, об устройстве его перекрытий и рядов, о том, как преображался он в воскресные дни, когда в пестром многоголосье здесь звучали и грузинские песни, и восточные мелодии, исполняемые мусульманами на национальных инструментах, и русские напевы под балалайку, и колоритные истории городских рассказчиков.

Предлагает нам Монпере и подробный очерк о грузинских национальных костюмах в сопоставлении с французскими, что получило отражение и в передаче его впечатления о новогоднем бале в доме Розена, где собралось большое общество и где присутствовали царевич Александр, сын Георгия XII, и дочь царя Ираклия II. «Какой контраст, — пишет он, — между ней, явившейся в грузинском национальном костюме со всеми деталями, и баронессой Розен во французском туалете». Точно подмечено им и то, с каким почетом хозяйка бала принимала царевну, и каково было всеобщее удивление, когда та откинула лечаки (вуаль) и собравшиеся увидели ее во всей красе. Княжны Дадиани, Багратиони и Орбелиани танцевали в европейских костюмах с Голицыным, Потоцким и другими.

Это было, по словам Монпере, — «незабываемое зрелище в национальном духе, несмотря на европейские костюмы».

Удостоенный большой золотой медали Французского географического общества труд Дюбуа де Монпере вышел также на немецком языке в трех томах.

Рассмотренные выше на основе архивных данных, большинство которых впервые вводится в научный оборот, экспедиции на Кавказ и в Грузию, предпринятые Российской Академией наук в первой половине XIX века, были академически в подлинном смысле этого слова и имели большое значение в двух отношениях: во-первых, поскольку в результатах экспедиций было заинтересовано правительство Российской империи, они послужили импульсом усиленного развития научного казковедения, а также обогащения различных отраслей науки важными исследованиями. Большинство из них и по объему, и по уровню заслуживают высокой оценки, а некоторые представляют большую ценность как источник и в настоящее время. Содержащиеся в них сведения о Грузии могут быть использованы учеными различных отраслей.

Во-вторых, приезд ученых России на Кавказ содействовал укреплению их научных и культурных связей с учеными Кавказа и Грузии, развитию науки в этом регионе, распространению правильных сведений о нем в широких кругах русского общества, что в свою очередь служило сближению русского народа с народами Кавказа и, в частности, с грузинским.

Хотелось бы обратить внимание на то, что экспедиции Академии наук по этнографо-археологическому исследованию Кавказа осуществлялись не только по заданию правительственных и административных кругов, но и по инициативе крупнейших ученых того времени А. М. Шегрена, М. И. Броссе, Э. И. Эйхвальда, А. И. Нордмана, Х. Х. Стевена и других, которые руководствовались в своей работе сознанием огромного научного и практического значения этих исследований.

62603522M

Сдано в набор 18 XII.87 г. Подписано к печати 25.01.88 г. Формат 84×108¹/₃₂. УЭ 08914. Высокая печать. Печ. л. 7,0 — усл. печ. л. 11,97. Уч.-изд. л. 14,0. Тираж 5.100. Заказ 2245. Адрес редакции: 380008, Тбилиси, ул. Ленина, 5. Телефон: 99-06-59.

Главный редактор Роман МИМИНОШВИЛИ

Редакционная коллегия:

Резо АМАШУКЕЛИ (заместитель главного редактора),
Чабуа АМИРЭДЖИБИ, Элисбар АНАНИАШВИЛИ, Реваз
АСАЕВ, Хута БЕРУЛАВА, Анаида БЕСТАВАШВИЛИ,
Игорь БОГОМОЛОВ, Тенгиз БУАЧИДЗЕ, Хута ГАГУА,
Алексей ГОГУА, Эдуард ЕЛИГУЛАШВИЛИ, Марк ЗЛАТ-
КИН, Камилла КОРИНТЭЛИ (ответственный секретарь),
Михаил ЛОХВИЦКИЙ, Георгий МАРГВЕЛАШВИЛИ,
Сергей СЕРЕБРЯКОВ, Лия СТУРУА, Серги ЧИЛАЯ.

ТЕЛЕФОНЫ:

Главный редактор — 93-65-15, заместитель главного
редактора — 93-13-57, ответственный секретарь —
93-31-28, приемная — 99-06-59, отделы — 93-31-43 и
93-65-19.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются

При перепечатке ссылка на «Литературную Грузию»
обязательна.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК КП ГРУЗИИ
Тбилиси, ул. Ленина, 14.

65 к.

26-88

88-69

ИНДЕКС 76117

16036740
070117030